

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

LENINGRAD LEGAL JOURNAL

№ 1 (75)
2024

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 1813-6230

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-69774 от 18.05.2017
Журнал издаётся с 2004 года
Периодичность: ежеквартально

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Учредитель, издатель:
Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина

Главный редактор

М. В. Рыбкина, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Заместитель главного редактора

Р. А. Ромашов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Виноградов, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Члены редакционной коллегии

Н. В. Бугель, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

М. Ю. Павлик, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. Г. Павлов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

К. В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

С. А. Роганов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Е. В. Силина, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

О. Э. Старовойтова, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

И. С. Кокорин, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционный совет

Н. А. Васильчикова, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

С. Б. Глушаченко, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

А. В. Егоров, доктор юридических наук, доцент (Витебск, Республика Беларусь)

А. С. Емельянов, доктор юридических наук, доцент (Москва, Россия)

В. П. Очередыко, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. Ф. Попондопуло, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. М. Сырых, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Ю. Б. Шубников, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

LENINGRAD LEGAL JOURNAL

ISSN 1813-6230

The certificate of the mass media registration FIV No ФЦ77-69774 of 18.05.2017
The journal is issued since 2004
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree

Founder, publisher:
Pushkin Leningrad State University

Chief editor

M. V. Rybkina, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

Deputy Chief editor

R. A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

Executive editor

O. V. Vinogradov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Board

N. V. Bugel', Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

M. Yu. Pavlik, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. G. Pavlov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

K. V. Cherkasov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

S. A. Roganov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

E. V. Silina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

O. E. Starovoitova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

I. S. Kokorin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Council

N. A. Vasil'chikova, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

S. B. Glushachenko, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

A. V. Egorov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Vitebsk, Republic of Belarus)

A. S. Emelyanov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Moscow, Russia)

V. P. Ochered'ko, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. F. Popondopulo, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. M. Syrykh, Dr. Sci. (Law), Professor (Moscow, Russia)

Yu. B. Shubnikov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

А. В. Дюжакова Применение доктрины FairUse к случаям обучения генеративных нейросетей	8
К. Ю. Ибрагимов Обособленное имущество и правосубъектность	28
Е. А. Нахова, Д. В. Волков, Л. А. Красикова К вопросу об использовании аудио- и видеозаписей как средств доказывания по делам, возникающим из семейных правоотношений	49
М. В. Рыбкина, И. А. Блинец, Е. Н. Щербак Актуальные вопросы распоряжения правами на результаты интеллектуальной деятельности	63
Л. М. Экзекова Понятие утраты имущества в контексте страхования	78

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Н. С. Гавриленко, Д. И. Игнатенко Ислам как основа государственности и правовой системы современных мусульманских стран	90
С. Б. Глушаченко, С. А. Никонов, В. В. Демиденко Организационно-правовые основы формирования и применения национальных воинских подразделений в ходе мобилизационного развертывания вооруженных сил	107
А. Н. Метельков Методология правового регулирования в сфере предотвращения ядерного терроризма	126
В. П. Очередько Отделение судебной власти от исполнительной власти: исторические перипетии российской модели. Часть IV. Отделение судов от исполнительной власти в условиях современной России	138

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

В. В. Мамонов Дружба народов: конституционное измерение	160
Р. А. Ромашов, О. В. Виноградов, М. В. Рыбкина Избирательная система России: от думских выборов 1906 г. к президентским 2024 г.	174
М. Р. Ромашова, М. В. Рыбкина Понимание Конституции как базовая составляющая конституционного правопонимания	198

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

М. Н. Пригон Актуальные проблемы реализации права заключенного на телефонный разговор	213
Р. А. Ромашов, С. А. Денисов, В. Г. Павлов Уголовный закон и уголовное законодательство в дореволюционной и советской государственно-правовой системе России	227

CONTENTS

PRIVATE (CIVIL) LAW SCIENCES

Anastasia V. Dyuzhakova Applying the Fair Use Doctrine to Generative Adversarial Network Training Cases	8
Konstantin Y. Ibragimov Asset Partitioning and Legal Personality	28
Elena A. Nakhova, Dmitriy V. Volkov, Lyudmila A. Krasikova On the Issue of the Use of Audio and Video Recordings as Means of Evidence in Cases Arising From Family Legal Relations	49
Marina V. Rybkina, Ivan A. Bliznets, Evgeniy N. Shcherbak Current Issues of Disposal of Rights on the Results of Intellectual Activity	63
Lina M. Ekzekova The Concept of Property Loss in the Context of Insurance	78

THEORETICAL-HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Nikita S. Gavrilenko, Dmitry I. Ignatenko Islam as the Basis of Statehood and the Legal System of Modern Muslim Countries	90
Sergey B. Glushachenko, Sergey A. Nikonov, Vladimir V. Demidenko Organizational and Legal Basis for the Formation and Use of National Military Units During the Mobilization Deployment of the Armed Forces	107
Alexander N. Metelkov Methodology of Legal Regulation in the Field of Prevention of Nuclear Terrorism	126
Viktor P. Ocheredko Separation of Judicial Power from Executive Power: Historical Vicissitudes of the Russian Model. Part IV. Separation of Courts from Executive Power in the Conditions of Modern Russia	138

PUBLIC LAW SCIENCES

- Vadim V. Mamonov
Friendship of Peoples: Constitutional Dimension 160
- Roman A. Romashov, Oleg V. Vinogradov, Marina V. Rybkina
Electoral System of Russia: From the Duma Elections of 1906
to the Presidential Elections of 2024 174
- Maria R. Pomashova, Marina V. Rybkina
Understanding the Constitution as a Basic Component
of Constitutional Legal Understanding 198

CRIMINAL LAW SCIENCES

- Maksim N. Prigon
Current Problems in the Implementation of a Prisoner's Right
to Telephone Conversation 213
- Roman A. Romashov, Sergey A. Denisov, Vladimir G. Pavlov
Criminal Law and Criminal Legislation in The Pre-revolutionary
and Soviet State-legal System of Russia 227

Применение доктрины FairUse к случаям обучения генеративных нейросетей

А. В. Дюжакова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье исследуется применение доктрины добросовестного использования (FairUse) к случаям обучения генеративных нейросетей. В связи со стремительным развитием генеративных нейросетей, которые обучаются на больших объемах данных, охраняемых авторским правом, возникает вопрос правомерности использования таких произведений для тренировки искусственного интеллекта. Вопрос имеет особую актуальность еще и потому, что за последний год неоднократно подавались коллективные иски авторов оригинальных произведений к компаниям-разработчикам генеративных нейросетей, с требованием признать такое использование незаконным.

Оценка четырех факторов, лежащих в основе доктрины FairUse, позволяет оценить, насколько в существующей парадигме использование произведений для обучения генеративных нейросетей может быть признано судом добросовестным, а также сформулировать предложение для системного изменения подхода к тренировке искусственного интеллекта в целом.

Ключевые слова: искусственный интеллект, генеративная нейросеть, интеллектуальная собственность, авторское право, доктрина добросовестного использования, fairuse.

Для цитирования: Дюжакова А. В. Применение доктрины FairUse к случаям обучения генеративных нейросетей // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 1 (75). – С. 8–27. DOI: 10.35231/18136230_2024_1_8. EDN: RZDORB

Applying the Fair Use Doctrine to Generative Adversarial Network Training Cases

Anastasia V. Dyuzhakova

Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russian Federation

This article examines the application of the Fair Use doctrine to cases of training generative adversarial networks. In connection with the rapid extension of generative adversarial networks that are trained on large amounts of copyrighted data, the question arises of the legality of using such works for training artificial intelligence. The issue is of particular relevance also because over the past year, class action lawsuits by authors of original works have been repeatedly filed against companies developing generative adversarial networks, demanding that such use be declared illegal.

An assessment of the four factors underlying the Fair Use doctrine allows the author of the article to evaluate to what extent, in the existing paradigm, the use of works for training generative adversarial networks can be recognized by the court as fair, and also to formulate a proposal for a systematic change in the approach to training artificial intelligence generally.

Key words: artificial intelligence, generative neural network, intellectual property, copyright, fair use doctrine.

For citation: Dyuzhakova, A. V. (2024) Primenenie doktrini Fair Use k sluchayam obucheniya generativnih neirosetei [Applying the Fair Use Doctrine to Generative Adversarial Network Training Cases]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (75). Pp. 8–27. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_1_8. EDN: RZDORB

Введение

В последние годы наблюдается настоящий бум по созданию и развитию инструментов искусственного интеллекта (далее – ИИ). Они стремительно набирают популярность и используются миллионами пользователей ежедневно, что делает их частью нашей реальности. На сегодняшний день наиболее прогрессивной моделью ИИ является генеративная нейросеть. Так, ее часто сравнивают с человеческим мозгом, работу которого она имитирует. Генеративные нейросети генерируют новые объекты из уже существующих данных при помощи подсказок и отличаются своей автономностью: они обрабатывают данные, находят закономерности и решают задачи (в том числе, на основе прошлого опыта) самостоятельно.

Однако для того чтобы генеративная нейросеть начала выдавать качественный результат, ее необходимо эффективно обучить. Данная модель ИИ учится на наборе различных материалов, включая научные статьи, книги, тексты на веб-сайтах и в социальных сетях, музыку, видеоматериалы, коды, изображения. Чем больше контента будет собрано для тренировки, тем точнее будут ответы, выдаваемые генеративной нейросетью. Колоссальный объем данных для обучения нейросетей берется из общего доступа – сети Интернет. Если такой контент был создан людьми, то он охраняется авторским правом. Отсюда возникает логичный вопрос – насколько правомерно используются эти произведения без согласия правообладателей в процессе обучения генеративных нейросетей? Для попытки ответа на данный вопрос предлагается проанализировать, подпадает ли такое использование под ограничения авторского права с точки зрения доктрины добросовестного использования – fair use.

Теоретический аспект данного исследования состоит в дальнейшем сравнительно-правовом анализе инсти-

тута разрешенного использования и доктрины добросовестного использования в правовом регулировании РФ и США в контексте обучения генеративных нейросетей. По сути, как эта доктрина, так и подход, используемый в континентальной системе права, касаются приблизительно одних и тех же случаев использования произведений [1]. С практической точки зрения исследование поможет потенциальным правоприменителям избежать правовых коллизий в схожих правоотношениях.

Понятие доктрины fairuse и анализ четырех факторов применительно к случаям обучения генеративных нейросетей

Добросовестное использование – это установленный законом стандарт, который уполномочивает суды определять, допустимо ли конкретное использование произведения, защищенного авторским правом, без лицензии [12]. Суть доктрины заключается в том, что третьи лица наделяются возможностью свободно использовать произведения, защищенные авторским правом, без согласия правообладателей и без ущемления их интересов при соблюдении определенных условий. Концепция fairuse нашла свое отражение в Законе США об «Авторском праве» 1976 г. (CopyrightAct)¹ (далее – Закон).

Легальное определение понятия «fairuse» в законодательстве США отсутствует, но в доктрине считается, что использование произведения будет добросовестным до тех пор, пока это способствует «прогрессу науки и полезных искусств»². О. В. Луткова отмечает: «Чтобы квалифицировать использование произведения как добросовестное, необходимо установить, как именно оно

¹ Кодекс США § 107 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/107> (дата обращения: 20.11.2023).

² Конституции США. П. 8, разд. 86, ст. 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://constitutioncenter.org/the-constitution/full-text> (дата обращения: 20.11.2023).

способствует развитию знаний или прогрессу искусства, добавляя что-то новое» [3]. Является ли использование добросовестным в каждом конкретном случае, определяется судом с учетом исследования и взвешивания четырех факторов. Эти факторы не являются исключительными, но основными, а во многих случаях и единственными, которые анализируются судьями.

Применение доктрины fair use, по сути, представляет собой открытый стандарт, который наделяет судью правотворческими полномочиями и позволяет ему решать, какие факторы имеют превалирующее значение в том или ином деле, и соответственно определять наступление или ненаступление юридических последствий. Рассмотрим каждый из факторов применительно к допустимости использования произведений с целью обучения генеративных нейросетей без согласия правообладателей.

Цель и характер использования, коммерция или некоммерческие образовательные цели

Данный фактор еще называют «основным (или сердцем) четырехфакторного судебного исследования»¹. Во-первых, суд изучает вопрос, способствует ли рассматриваемое использование социально полезной деятельности, которая указана в законе: критике, комментариям, новостным репортажам, обучению, учебе или научным исследованиям. При анализе этого фактора суд также исследует вопрос, насколько использование произведения является разумной и общепринятой практикой, насколько добросовестно действовал пользователь, знал ли он о нарушении авторских прав. Хотя закон не ссылается на стандарт разумности и общепринятой практики, рассмотрение

¹ Дело On *Davis v. Gap, Inc.*, 246 F.3d 152, 2001. Компания GAP использовала в рекламе очки истца без его согласия. Суд посчитал, что такое использование не подпадает под добросовестное, так как цель не была преобразующей, использование носило коммерческий характер. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.copyright.gov/fair-use/summaries/davis-gap-2dcir2001.pdf> (дата обращения: 13.12.2023).

этого вопроса уже давно является частью общего анализа суда на добросовестность использования [8].

Во-вторых, суд изучает вопрос, было ли преобразование исходного материала и в какой степени. Оценивая степень переработки, суд смотрит на то, добавляет ли преобразованная работа новое значение или иной характер, изменяя первоначальную новым выражением, значением или посланием [4]. При этом важное значение уделяется и цели: если цель создания и использования преобразованного произведения отличается от цели первоначального произведения, то с большей вероятностью такое использование будет оцениваться как добросовестное.

Применительно к случаям тренировки генеративного ИИ необходимо отметить его трансформационный характер. В первую очередь цель и характер использования произведений – преобразующие. Генеративная нейросеть не просто воспроизводит произведение, защищенное авторским правом, но вместо этого использует его для создания чего-то нового, т. е. преобразует исходные материалы и выдает оригинальный результат.

Обучаясь на массиве данных, нейросеть учится распознавать различные авторские техники, приемы, стилистические решения, чтобы впоследствии воплотить их в нечто новое. Если при создании работы с помощью генеративной нейросети копируется не первоначальное произведение, а лишь его стиль, то нельзя однозначно утверждать о нарушении авторских прав, ведь идеи и стиль не защищаются авторским правом. Это также благоприятствует признанию использования добросовестным.

В-третьих, суду необходимо определить, какой характер носит использование произведения: коммерческий или некоммерческий. По общему правилу, некоммерческое

использование не несет в себе цели извлечения прибыли и опять-таки с большей вероятностью будет признано добросовестным. Это не исключает того, что коммерческое использование в некоторых случаях не может быть признано добросовестным, однако требует более строгого анализа всех факторов.

Интересную позицию относительно того, что подразумевается под коммерческим использованием, высказал Верховный суд США при рассмотрении дела *Sony Corp. of America v. Universal City Studios*¹. Верховный суд США указал: «суть различия между коммерческим и некоммерческим использованием заключается не в том, является ли единственным мотивом денежная выгода, а в том, сможет ли пользователь получить прибыль от использования материала, защищенного авторским правом, без уплаты правообладателю вознаграждения». Иначе говоря, коммерческий характер использования определяется не только возможностью извлечения прибыли в момент использования произведения без согласия автора, а также возможностью его будущей монетизации.

Эта позиция Верховного суда США представляется весьма интересной в проекции использования произведений для обучения генеративных нейросетей. Ведь, вероятнее всего, первоочередные цель и характер использования произведений для тренировки ИИ – научные. Разработчики обучают генеративные нейросети для достижения новых научных результатов в области ИИ, а это, в свою очередь, социально полезная цель. Тем не менее, даже если в момент использования произведений, охраняемых авторским правом, основополагаю-

¹ Дело *Sony Corp. of America v. Universal City Studios*, 464 U.S. 417, 1984]. Sony Corp. косвенно обвинялась в том, что пользователи с помощью ее продукции осуществляли копирование телепередач. Суд посчитал, что такое копирование является добросовестным, так как пользователи продукции Sony осуществляли подобное копирование исключительно в личных целях (для домашнего просмотра). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.copyright.gov/fair-use/summaries/sonycorp-universal-1984.pdf> (дата обращения: 29.11.2023).

щей целью была научная, это не исключает возможности монетизации созданной генеративной нейросети и ее использования в коммерческих целях в будущем.

Например, OpenAI – это некоммерческая организация, которая является «компанией, занимающейся исследованием и внедрением искусственного интеллекта», что в свою очередь является веским аргументом в пользу добросовестного использования. Тем не менее, компания OpenAI предлагает своим пользователям оформить платную подписку на пользование ChatGPT. А значит, генеративная нейросеть используется в коммерческих целях, что снижает шанс признания использования материалов, защищенных авторским правом, добросовестным. Аналогичная ситуация складывается вокруг генеративной нейросети Midjourney, которая помогает пользователям генерировать изображения по текстовому описанию. Несмотря на то что Midjourney позиционирует себя как самофинансируемый независимый проект, основной целью которого является расширение творческих способностей человечества, платформа предлагает пользователям платные подписки, более того, на платных тарифах Midjourney сгенерированные картинки можно использовать в коммерческих целях.

Такую практику еще называют «отмывание данных искусственного интеллекта», защищающую коммерческие организации от ответственности за счет использования некоммерческого исследовательского учреждения для создания набора данных и обучения механизмов ИИ, которые впоследствии могут быть использованы в коммерческих приложениях [13].

Таким образом, суд может признать использование произведений для обучения генеративных нейросетей коммерческим, если владельцы ИИ будут взимать с конечных пользователей деньги, размещать рекламу

на веб-сайте/приложении нейросети или иным образом получать прибыль от использования модели ИИ.

Сущность произведения, охраняемого авторским правом

При исследовании данного фактора суд в первую очередь оценивает творческий характер используемого произведения, его креативность. В судебной практике основным способом влияния на уровень предъявляемых требований к творческому характеру произведений является, как правило, применение определенных критериев охраноспособности: оригинальности, новизны и уникальности, с одной стороны, и создания произведения в результате самостоятельной созидательной деятельности – с другой. Считается, что в последнем случае стандарт охраноспособности ниже [2].

С точки зрения доктрины fairuse именно высокотворческие традиционные произведения (речь идет о художественных произведениях) охраняются в большей степени нежели произведения с незначительной творческой составляющей (например, фотографии, программы для ЭВМ). Использование произведений с высоким уровнем творчества снижает шансы признания использования такого объекта добросовестным.

Также суд оценивает, не ущемляет ли использование произведения его сущность и ценность. В этом аспекте интересно дело *Campbell v. Acuff-Rose Music, Inc*¹. Верховный суд США подчеркнул, что «необходимо изучить все факторы, а результаты взвесить комплексно», «судам необходимо избегать дословного и жесткого приме-

¹ Дело *Campbell v. Acuff-Rose Music, Inc.*, 510 U.S. 569, 1994. Группа 2 Live Crew использовала фрагменты песни "Oh, Pretty Woman" Роя Орбисона в своей песне "Pretty Woman". Acuff-Rose Music, владельцы авторских прав на оригинальную песню, подали иск на 2 Live Crew за нарушение авторских прав. Однако суд признал, что использование фрагментов было допустимым по доктрине fairuse. Это решение стало прецедентом для использования фрагментов в качестве пародий и комментариев в США. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.copyright.gov/fair-use/summaries/campbell-acuff-1994.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

нения закона, когда это может подавить саму креативность, которую этот закон призван поощрять». Более того, «чем более преобразующей будет новая работа, тем меньше будет значимость других факторов, которые могут препятствовать установлению добросовестного использования, например, таких как коммерческий характер использования».

Суд пришел к выводу, что использование фрагментов в пародийной песне ответчика не ущемляло сущность и ценность оригинального произведения, потому что ответчик использовал эти фрагменты в качестве материала для создания новой, оригинальной и уникальной песни. Он не просто скопировал или повторил оригинал, а использовал его элементы в качестве основы для своей пародии. А коммерческое использование и определенная степень экономического вреда автоматически не опровергают аргументы в пользу добросовестного использования.

Представляется, что в контексте применения этого фактора к обучению генеративных нейросетей, он также будет иметь важное значение. Ведь генеративные нейросети трансформируют входные материалы и выдают преобразованный контент. Такое использование не влияет на сущность оригинального произведения, так как оно не теряет своей ценности, значимости, качества.

Величина и существенность использованной части по отношению ко всему произведению, защищенному авторским правом

При анализе данного фактора суд исследует, какие части произведения использовались, их объем, как они использовались, как эти части соотносятся с произведением в целом, а также, какой объем был необходим для достижения поставленной цели. Иными словами, объем и ча-

сти копируемого произведения должны быть разумными с точки зрения цели копирования. Для этого судом применяется как количественный, так и качественный подход к оценке суммы и существенности использованной части. Это значит, что суд может исследовать, какой процент оригинального произведения использовался, или же задать вопрос, насколько с качественной точки зрения использованная часть важна для произведения в целом.

При применении количественного подхода отсутствует какой-либо единообразный критерий к тому, какой процентный показатель использования чужого произведения считается добросовестным использованием, а какой нет. Например, в деле *Cambridge Univ. Press v. Becker*¹ суд первой инстанции установил, что для некоммерческого образовательного использования копирование до 10 процентов или одной главы книги будет представлять собой добросовестное использование. В ходе апелляции этот вывод суда подвергся критике и апелляционный суд постановил, что суд нижестоящей инстанции «ошибся, установив контрольный показатель в 10 процентов или одну главу», поскольку никакой фиксированный контрольный показатель вообще не должен устанавливаться, т. е. в каждом конкретном деле суд должен придерживаться индивидуального подхода, исследуя все факторы в совокупности. Именно суды определяют объем разрешенного использования материалов, защищенных авторским правом, в каждом конкретном деле.

При применении качественного подхода важен не процентный показатель, а то, насколько используемая часть важна для произведения в целом, например, представляет ли она собой самую запоминающуюся и выдающуюся

¹ Дело *Cambridge Univ. Press. Becker*, 863 F. Supp. 2d 1190, 2012. Ответчик оцифровал книги и разместил их в систему университета, предоставив студентам доступ к ним. Суд посчитал такое использование добросовестным (в отношении большей части книг). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.copyright.gov/fair-use/summaries/cambridgeuniv-patton-11thcir2014.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

часть произведения. В таком случае копирование даже небольшого объема работы может быть расценено как недобросовестное использование. Например, в деле *Harper & Row Publishers, Inc. v. Nation Enterprises*¹ ответчик (журнал *The Nation*) опубликовал дословные цитаты объемом всего лишь в 300–400 слов из готовящихся к выпуску мемуаров Джеральда Форда. Верховный суд США постановил, что третий фактор препятствует добросовестному использованию, поскольку выдержки включали обсуждение Фордом вопроса о помиловании Никсона и другие центральные фрагменты книги, которые суд счел «сердцем» работы.

Иными словами, нельзя процитировать кульминационную часть романа или сделать нарезку из самых ярких частей кинофильма. При качественном подходе правило «копирование большего объема работ в большей степени влечет признание использования недобросовестным» не работает. Важно не использовать именно самые креативные и яркие части произведения (хоть и в малом объеме).

Применяя этот фактор к случаям обучения генеративных нейросетей, необходимо исходить из технических характеристик тренируемой нейросети. Логистика большей части создания и обучения генеративных нейросетей предполагает полное копирование множества произведений, защищенных авторским правом. Иными словами, набор обучающих данных должен содержать произведения в полном объеме. Такое копирование произведений в наборы обучающих данных разумно с точки зрения целей машинного обучения, которое требует анализа целых произведений для изучения целевых шаблонов.

¹ Дело *Harper & Row Publishers, Inc. v. Nation Enterprises*, 471 U.S. 539 (1985) Ответчик процитировал часть из предстоящих к публикации мемуаров. Суд посчитал, что такое использование не является добросовестным, так как: (а) мемуары еще не были опубликованы, (б) выдержки хоть и составляли незначительную часть мемуаров, однако включали в себя самые выразительные и ключевые части; (в) использование напрямую конкурировало за долю рынка и привело к реальному ущербу. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.copyright.gov/fair-use/summaries/harperrrow-nationmagazine-1985.pdf> (дата обращения: 29.11.2023).

Говоря о копировании, необходимо сказать, что в общем доступе нет информации о том, копируется ли в процессе обучения этот контент или на него просто даются ссылки. Для ответа на вопрос, загружается ли набор обучающих данных в систему, мы спросили саму генеративную нейросеть – ChatGPT. Вот какой ответ нами был получен: «Как искусственный интеллект, я не имею доступа к информации о том, каким образом были собраны данные для обучения ChatGPT. Однако, если данные были собраны с использованием доктрины fairuse, то это не является нарушением авторских прав» (дата обращения: 25.01.2024).

В свете вышеописанного очень важно учитывать: (1) имеет ли место прямое копирование произведений (их загрузка в систему); (2) какой объем дословного цитирования генеративная нейросеть выдает конечному пользователю, то есть становится ли эта часть обучающих данных дословно доступной пользователям; (3) включают ли в себя выходные данные самые узнаваемые, творческие части элементов обучающих произведений.

Если конечный пользователь не получает доступ к оригинальному произведению, загруженному в генеративную нейросеть с целью обучения последней, и сгенерированные данные не содержат в себе самые выразительные элементы оригинального произведения, то, представляется, что такое использование можно назвать добросовестным.

Влияние использования на потенциальный рынок или стоимость произведения, защищенного авторским правом

Это фактор позволяет оценить влияние использования произведения с экономической точки зрения: на (1) потенциальный рынок или (2) стоимость произ-

ведения, защищенного авторским правом, и его производных работ. Использование, которое направлено на «замену» оригинального произведения и конкуренцию за его рынок, с меньшей вероятностью будет считаться добросовестным (например, если такое использование приведет к потере продаж оригинального произведения).

С одной стороны, представляется, что использование объектов, защищенных авторским правом, при обучении генеративных нейросетей носит минимальное влияние на потенциальный рынок или стоимость используемого произведения, поскольку ИИ не конкурирует с оригинальным произведением. При таком подходе использование произведения вряд ли повредит возможностям правообладателя извлекать прибыль из использования своего произведения. Кроме того, из-за огромного объема текста, используемого для обучения генеративной нейросети, маловероятно, что выходные данные, которые она выдает, окажут негативное экономическое воздействие на какого-либо отдельного правообладателя.

С другой стороны, на рынке наблюдается достаточно высокий спрос на работы, генерируемые нейросетями, будь то текстовые, музыкальные или художественные результаты. Генеративная нейросеть создает объекты дешевле и быстрее. При такой тенденции может произойти общий спад спроса на произведения, создаваемые людьми. Если генеративная нейросеть начнет конкурировать с людьми-творцами, такая борьба может обернуться не в пользу человека. С данной точки зрения, продукты генеративного ИИ могут отрицательно повлиять на рынок, стоимость, спрос и ценность защищенного авторским правом материала, на котором обучают генеративные нейросети.

Анализ актуальной судебной практики

Рассматривая четыре фактора доктрины через призму использования произведений с целью тренировки ИИ, нельзя не отметить, что актуальность данного вопроса обусловлена не только пробелом в нормативном регулировании, что за последний год неоднократно подавались искивые заявления против компаний-разработчиков нейросетей (например, против OpenAI – создателя генеративной нейросети ChatGPT и др.)¹. Во всех случаях истцы настаивают на том, что использование их произведений для обучения ИИ не является «добросовестным» с точки зрения доктрины fairuse.

Компания OpenAI в свою очередь уже дала официальный комментарий по защите интеллектуальной собственности на инновации в области ИИ²: «Миссия компании состоит в том, чтобы гарантировать, что искусственный интеллект принесет пользу всему человечеству», «современные системы искусственного интеллекта требуют больших объемов данных для их обучения. Только анализируя большие массивы данных, системы искусственного интеллекта могут изучать закономерности, присущие данным, созданным человеком, а затем использовать эти закономерности для синтеза аналогичных данных»,

¹ Иск газеты New York Times против OpenAI [Электронный ресурс]. URL: https://nytc0-assets.nytimes.com/2023/12/NYT_Complaint_Dec2023.pdf (дата обращения: 02.02.2024); Иск писателей Пола Трэмблэй и Моны Эвад против OpenAI [Электронный ресурс]. URL: <https://lmlitigation.com/pdf/03223/tremblay-openai-complaint.pdf> (дата обращения: 02.02.2024); Иск авторов Сары Сильверман, Криса Голдена и Ричарда Кадри против OpenAI [Электронный ресурс]. URL: <https://lmlitigation.com/pdf/03416/silverman-openai-complaint.pdf> (дата обращения: 02.02.2024); Иск авторов Джорджа Р. Р. Мартина, Майкла Коннелли, Джонатана Франзена, Джона Гришма и других против OpenAI и Microsoft. [Электронный ресурс]. URL: <https://authorsguild.org/app/uploads/2023/12/Authors-Guild-OpenAI-Microsoft-Class-Action-Complaint-Dec-2023.pdf> (дата обращения: 02.02.2024); Иск программистов против GitHub, Microsoft и Open AI [Электронный ресурс]. URL: <https://storage.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.cand.403220/gov.uscourts.cand.403220.1.0.pdf> (дата обращения: 02.02.2024); Иск группы художников против Stability AI, Midjourney и DeviantArt [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.justia.com/cases/federal/district-courts/california/cand-ce/3:2023cv00201/407208/67> (дата обращения: 02.02.2024). 30 октября 2023 суд отклонил все иски, кроме одного – о прямом нарушении авторских прав со стороны Stability AI.

² Официальный комментарий по защите интеллектуальной собственности на инновации в области искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. Регистрационный № ПТО-С-2019-0038. URL: https://www.uspto.gov/sites/default/files/documents/OpenAI_RFC-84-FR-58141.pdf (дата обращения: 02.02.2024).

включение материалов, защищенных авторским правом, в наборы данных для машинного обучения является добросовестным использованием, поскольку это «невыразительное промежуточное копирование». Согласно OpenAI, цель и характер использования произведений для обучения генеративной нейросети являются преобразующими – «машинное обучение имеет целью изучение моделей, присущих созданным человеком».

Фактическое исследование суда в каждом случае будет касаться взаимосвязи между выходными данными и обучающими данными, защищенными авторским правом. На данный момент решения по исковым заявлениям еще не вынесены, однако можно с уверенностью сказать, что все эти дела служат своеобразным лакмусовым тестом жизнеспособности исков о нарушении авторских прав при обучении генеративных нейросетей.

Заключение

Обучение и использование генеративных моделей ИИ безусловно меняет наше представление о фундаментальных вопросах защиты авторских прав. Рассмотрев все четыре фактора применительно к случаям использования произведений для тренировки генеративных нейросетей, мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, не все факторы должны склоняться в ту или иную сторону, т. е. за или против добросовестного использования произведения. Во-вторых, относительная важность каждого из четырех исследуемых судом факторов не всегда одинакова. Обучая искусственный интеллект на больших массивах данных, защищенных авторским правом, нельзя однозначно сказать, подпадает ли такое использование под добросовестное. Только результат анализа всех факторов в совокупности и значения каждого из них может привести суд к выводу о том, насколько добросовестным

является такое использование в том или ином конкретном случае.

Такой подход представляется достаточно гибким, так как позволяет быстро адаптировать закон к стремительно меняющимся технологиям и инновационным потребностям общества. Цель применения доктрины к случаям тренировки генеративной нейросети состоит в том, чтобы найти баланс между выгодой, которую получит владелец авторских прав, если копирование будет признано «недобросовестным использованием», и выгодой, которую получит общественность, если использование будет признано добросовестным.

Обратной стороной медали такого гибкого подхода является некоторая правовая неопределенность. Применение четырех факторов добросовестного использования предполагает сложный всесторонний анализ и дает судьям настолько широкие полномочия при их толковании, что может привести к непредсказуемым результатам. И, таким образом, не дает достаточных указаний на то, как доктрина будет адаптирована судами к случаям обучения генеративных моделей ИИ.

Проанализировав описанные выше факторы, полагаем, что с большей уверенностью судить о добросовестности использования можно будет при системном изменении самого подхода к обучению генеративных нейросетей. Для этого в процессе обучения предлагается соблюдать совокупность следующих правил:

1. Генеративная нейросеть должна производить анализ обучающих произведений из официальных источников, т. е. без создания их материальных копий (если технически это возможно).

2. Сохраняется недоступность оригинального произведения конечному пользователю и соблюдается его каче-

ственная охрана (в случае копирования оригинального произведения).

3. Генеративную нейросеть обучают копировать стиль, а не произведение (т. е. так, чтобы в сгенерированных данных не содержались дословные цитаты оригинальных произведений или их самые выразительные части/элементы, а при необходимости включали в себя ссылки на такие произведения).

Подводя итоги, стоит отметить, что судебные дела, оспаривающие использование контента, защищенного авторским правом, для обучения технологий ИИ, хорошо иллюстрируют конфликты, возникающие между авторским правом и ИИ, а также связанные с этим сложности. ИИ должен разрабатываться ответственно и этично, а разработчики должны уважать права художников и владельцев авторских прав.

Список литературы

1. Калятин В. О. О перспективах применения в России доктрины добросовестного использования // Закон. – 2015. – № 11. – С. 40–47.
2. Кашанин А. В. Актуальные требования к творческому характеру произведений в российской доктрине и судебной практике // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 7. – С. 50–59.
3. Луткова О. В. Доктрина добросовестного использования произведений в современном авторском праве США // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 2. – С. 186–199.
4. Могилевский П. С. Доктрина добросовестного использования в США и свободное использование произведений в России: сравнительный анализ // Гражданское право. – 2022. – № 5. – С. 12–14.
5. Falzone A., Urban J. Demystifying Fair Use: The Gift of the Center for Social Media Statements of Best Practices // Journal of the Copyright Society of the USA. – 2010. – Vol. 57. – No. 337. – Pp. 337–350.
6. Depoorter B. Technology and Uncertainty: The Shaping Effect on Copyright Law // University of Pennsylvania Law Review. – 2009. – Vol. 157. – Pp. 1831–1868.
7. Parchomovsky G., Goldman K. A. Fair Use Harbors // Virginia Law Review. – 2007. – Vol. 93. – Pp. 1483–1532.
8. Rothman J. E. Copyright, Custom and Lessons from the Common Law // Intellectual Property and the Common Law. – 2013. – Pp. 1–19.

9. Hughes J. Fair Use and Its Politics – at Home and Abroad // Okediji RL, ed. *Copyright Law in an Age of Limitations and Exceptions*. Cambridge University Press. – 2017. – Pp. 234–274.
10. Sag M. Predicting Fair Use // *Ohio State Law Journal*. – 2012. – Vol. 73:1. – Pp. 47–91.
11. Netanel N. Making Sense of Fair Use // *Lewis & Clark Law Review*. – 2011. – Vol. 15 – Pp. 715–771.
12. Elkin-Koren N., Fischman Afori O. Rulifying Fair Use // *Arizona Law Review*. – 2017. – Vol. 59. – Pp. 1–34.
13. Radanliev P., Santos O. Ethics and Responsible AI Deployment // *Frontiers in Artificial Intelligence*. – 2023. – Vol. 7. – Pp. 1–24.
14. Leval P. Toward a Fair Use Standard // *Harvard Law Review*. – 1990. Vol. 103 (5). – Pp. 1057–1094.

References

1. Kalyatin, V. O. (2015) O perspektivah primeneniya v Rossii doctriini dobrosovestnogo ispolzovaniya. *Zakon – Law*. 2015. No. 11. Pp. 40–47. (In Russian).
2. Kashanin, A. V. (2016) Aktualnyie trebovaniya k tvorcheskomu karakteru proizvedeniy v rossiyskoy doctrine I sudebnoy praktike [Current requirements for the creative nature of works in Russian doctrine and judicial practice]. *Zakonyi Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: experience, analysis, practice*. No. 7. Pp. 50–59. (In Russian).
3. Lutkova, O. V. (2016) Doktrina dobrosovestnogo ispolzovaniya proizvedeniy v sovremennom avtorskom prave SShA [The Doctrine of Fair Use of Works in Modern U. S. Copyright Law]. *Pravo. Zhurnal Vyisshey shkoly iekonomiki – Right. Journal of the Higher School of Economics*. No. 2. Pp. 186–199. (In Russian).
4. Mogilevskiy, P. S. (2022) Doktrina dobrosovestnogo ispolzovaniya v SShA I svobodnoye ispolzovaniye proizvedeniy v Rossii: sravnitelnyy analiz [The Doctrine of Fair Use in the United States and the free use of works in Russia: comparative analysis]. *Grazhdanskoyepravo – Civil law*. No. 5. P. 12. Pp. 12–14. (In Russian).
5. Falzone, A., Urban, J. (2010) Demystifying Fair Use: The Gift of the Center for Social Media Statements of Best Practices. *Journal of the Copyright Society of the USA*. Vol. 57. No. 337. Pp. 337–350.
6. Depoorter, B. (2009) Technology and Uncertainty: The Shaping Effect on Copyright Law. *University of Pennsylvania Law Review*. Vol. 157. Pp. 1831–1868.
7. Parchomovsky, G., Goldman, K. A. (2007) Fair Use Harbors. *Virginia Law Review*. Vol. 93. Pp. 1483–1532.
8. Rothman, J. E. (2013) Copyright, Custom and Lessons from the Common Law. *Intellectual Property and the Common Law*. Pp. 1–19.
9. Hughes, J. (2017) Fair Use and Its Politics – at Home and Abroad. Okediji RL, ed. *Copyright Law in an Age of Limitations and Exceptions*. Cambridge University Press. Pp. 234–274.
10. Sag, M. (2012) Predicting Fair Use. *Ohio State Law Journal*. Vol. 73:1. Pp. 47–91.
11. Netanel, N. (2011) Making Sense of Fair Use. *Lewis & Clark Law Review*. Vol. 15. Pp. 715–771.
12. Elkin-Koren, N., Fischman Afori, O. (2017) Rulifying Fair Use. *Arizona Law Review*. Vol. 59. Pp. 1–34.
13. Radanliev, P., Santos, O. (2023) Ethics and Responsible AI Deployment. *Frontiers in Artificial Intelligence*. Vol. 7. Pp. 1–24.

14. Leval, P. (1990) Toward a Fair Use Standard. *Harvard Law Review*. Vol. 103 (5). Pp. 1057–1094.

Об авторе

Дюжакова Анастасия Вадимовна, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009–0002–3331–2556, e-mail: anastasia.duzhakova@gmail.com

About the author

Anastasia V. Dyuzhakova, Postgraduate student, Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009–0002–3331–2556, e-mail: anastasia.duzhakova@gmail.com

Поступила в редакцию: 29.01.2024
Принята к публикации: 13.02.2024
Опубликована: 30.03.2024

Received: 29 January 2024
Accepted: 13 February 2024
Published: 30 March 2024

Обособленное имущество и правосубъектность

К. Ю. Ибрагимов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматривается проблема отсутствия правосубъектности у некоторых обособленных имущественных масс.

В рамках исследования доказана необходимость рассмотрения гражданской правосубъектности в широком и узком смысле. Установлено, что обособленные имущественные массы обладают правосубъектностью в широком смысле, но формально не признаются субъектами. Проанализированы возможные причины непризнания формальной правосубъектности.

Обоснована целесообразность признания правосубъектности некоторых видов обособленных имущественных масс.

Ключевые слова: обособленное имущество, правосубъектность, патримоний, правоспособность, доверительное управление.

Для цитирования: Ибрагимов К. Ю., Обособленное имущество и правосубъектность // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 1 (75). – С. 28–48. DOI: 10.35231/18136230_2024_1_28. EDN: XPMXTX

Asset Partitioning and Legal Personality

Konstantin Y. Ibragimov

Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russian Federation

The article is devoted to the problem of lack of legal personality of some separate property masses.

The research proves the necessity to consider civil legal personality in a broad and narrow sense. It is established that isolated assets have legal personality in the broad sense, but formally have no legal personality. Possible reasons for non-recognition of formal legal personality are analyzed.

The expediency of recognizing the legal personality of some types of segregated assets is substantiated.

Key words: asset partitioning, legal personality, patrimony, legal capacity, trust management.

For citation: Ibragimov, K. Y. (2024) Obosoblennoe imushchestvo I parvo sub"ektnost' [Asset Partitioning and Legal Personality]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (75). Pp. 28–48. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_1_28. EDN: XPMXTX

Введение

Российское право знает некоторое количество правовых конструкций, связанных с приданием имуществу специфического правового статуса, который выделяет такое имущество из общей имущественной массы лица или группы лиц. Имущественное обособление в большей степени проявляет себя в отношениях с кредиторами, когда в отношении такого имущества формируется самостоятельный пул кредиторов, имеющих к нему приоритетные или исключительные требования. Данный аспект обособления описывается в доктрине через конструкции защитного и подтверждающего обособления [21].

В качестве основного примера при анализе обозначенной проблемы предлагается использовать имущество, обособленное для целей доверительного управления, однако российское право содержит и другие конструкции обособленного имущества, например имущество неправосубъектного крестьянского (фермерского) хозяйства, наследственное имущество в процессе банкротства и имущество инвестиционного товарищества.

Имущественная масса, доступная кредиторам по договорам, заключенным в результате доверительного управления, отличается от доступной как кредиторам управляющего, так и личным кредиторам пайщиков/учредителя управления. Такое положение имущества не только не может быть непротиворечиво объяснено в рамках классических цивилистических конструкций, но и сопряжено с большим количеством сугубо практических проблем, которые в настоящий момент не могут быть однозначно разрешены с точки зрения позитивного права и доктрины.

Приведем лишь некоторые из них: кто является стороной по договору, заключенному в процессе доверительного управления (кому принадлежат права и обязан-

ности, возникающие из такого договора)? Происходит ли перевод долгов при смене управляющей компании паевого инвестиционного фонда? Будет ли происходить смена арендатора при прекращении доверительного управления в отношении прав по договору аренды?

В одном из лучших, на наш взгляд, исследований доверительного управления, проведенном О. Р. Зайцевым, проанализировано большое количество проблем, которые связаны с доверительным управлением и убедительно доказано, что предложенная законодателем конструкция не может быть непротиворечиво вписана ни в какую классическую цивилистическую конструкцию без существенных отступлений от неё [10].

Нам представляется странным, что О. Р. Зайцев, не соглашаясь с тем регулированием, которое манифестирует позитивное право, и предлагая возможные пути разрешения доктринальных противоречий, не желает устранить их наиболее очевидным образом – путем наделения такого имущества самостоятельной правосубъектностью. Не предлагают это сделать и другие авторы¹. Далее мы попытаемся обосновать, почему правосубъектность подобных образований должна быть формально признана позитивным правом.

Проблема правосубъектности

В доктрине отсутствует универсальная методика анализа, позволяющая ответить на вопрос о том, какие образования должны или могут быть признаны субъектами гражданского права. На уровне практической юриспруденции вопрос будет решаться в строго пози-

¹ См., например, Ножкин С. А. Правовая природа паевого инвестиционного фонда: дис. ... канд. юрид. наук. Владикавказ, 2012. 159 с.; Остаевич И. О. Гражданско-правовое регулирование деятельности управляющих компаний, осуществляющих доверительное управление закрытыми паевыми инвестиционными фондами: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 209 с.; Забжанова О. В. Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом: теория и практика правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 217 с.

тивистском ключе – субъектом является только то, что названо таковым законом. Очевидно, что такой подход не позволяет определить правильность самого законодательного решения. Целям научного анализа в большей степени соответствует подход, связанный с поиском каких-либо доюридических признаков явления, которые создают возможность признания тех или иных образований субъектами права.

В рамках настоящего раздела будет обосновано, почему обсуждение проблемы правосубъектности происходит, как правило, в двух разных плоскостях, и поэтому различные ответы на один и тот же вопрос в действительности не противоречат друг другу. Также будет обосновано, что признание правосубъектности какого-то образования позитивным правом может быть или формальным, или фактическим.

Дуализм правосубъектности

Можно обнаружить, что в доктрине при анализе признаков субъекта права происходит смешение признаков социальных (доюридических) и непосредственно юридических, возникающих в силу решений правопорядка. Очевидно, что определения субъекта права, которые предлагают, например, Г. Ф. Шершеневич: «субъекты права – это те центры, юридические точки, к которым нормами объективного права прикрепляются субъективные права» [18, с. 586] и Н. Н. Алексеев: «быть субъектом – значит быть признанной правом самоцелью» [1, с. 84], оба являются верными, хотя и определяют данное понятие совершенно разными способами, приводящими к тому, что определяемые ими множества могут не совпадать.

Плоскость, в рамках которой анализируются доюридические предпосылки, предопределяющие возможность или даже необходимость признания чего-то субъек-

том права, можно считать широким или философским подходом к правосубъектности. Плоскость, в которой анализируются конкретные гражданско-правовые свойства, которыми обладает то или иное явление в правовой сфере, можно считать узким или утилитарным подходом к правосубъектности.

Основания для выделения двух подходов можно усмотреть в работах Г. Кельзена и Г. Радбруха, хотя сами авторы прямо их не выделяли. Отметим, что оба автора согласны с тем, что категория субъекта права является чисто юридической, и поэтому правосубъектность физических и юридических лиц не имеет принципиальных различий: «все лица, как физические, так и юридические, – создание правопорядка. Даже физические лица в строгом смысле являются "юридическими лицами" [14, с. 147].

Правосубъектность в широком смысле

Г. Кельзен, рассматривая правосубъектность в основном в узком смысле, отмечает, что она может рассматриваться и в другом аспекте, связанном с представлением «о независимом в своем бытии от объективного права субъекте права как носителе субъективного права» [12, с. 215]. Такой широкий подход связан с формированием представления о некоторой доюридической сущности, которую позитивное право должно признавать и защищать, чтобы не утратить свой правовой характер. Именно в рамках такого подхода к правосубъектности строятся все исследования естественно-правового характера, когда адепты этого направления пытаются проанализировать наличие доюридической сущности.

Единственным критерием для признания чего-либо субъектом права, на наш взгляд, является признак, фактически выделяемый Г. Радбрухом – наличие у какой-то сущности таких социальных признаков, которые

позволяют правопорядку видеть в некой сущности цель, а не средство [14, с. 146–150]. В качестве такого социального признака многие авторы выделяют наличие воли – он используется в исследованиях, касающихся правосубъектности искусственного интеллекта [15; 17], групп компаний, наследственного и семейного имущества [13]. Некоторые прямо указывают, что способность сущности вырабатывать, выражать и осуществлять персонифицированную волю представляет собой необходимое условие правосубъектности [8, с. 77]. Нам такой подход представляется ошибочным.

Подход к правосубъектности, который предлагает В. В. Груздев, предполагает, что наличие воли является доюридическим свойством, которому правопорядок лишь придает правовое значение: «признание государством правосубъектности означает придание юридических качеств волевой способности лица, образуемой его неотъемлемыми естественными и общественными свойствами» [7, с. 116], из чего должен следовать вывод о том, что субъектами не могут быть такие сущности, у которых отсутствует собственная естественная воля, но в действительности это не так.

Д. О. Османова делает важную оговорку, что для признания правосубъектности необходимо или наличие собственной воли у сущности, или наличие «возможности отождествления такой воли с теми, кто выражает ее вовне» [13]. Именно эта оговорка, на наш взгляд, должна приводить к выводу, что наличие самостоятельной воли не является необходимой доюридической предпосылкой правосубъектности, так как она может быть заменена правовой нормой, устанавливающей суррогат такой воли¹.

¹ Отметим, что данный автор далее в работе непоследовательно руководствуется собственной оговоркой.

Наличие собственной воли лишь определяет набор законодательных решений, необходимых для наделения кого-то правосубъектностью. Н. Н. Алексеев указывает, что отмена законодательного ограничения правоспособности рабов в полной мере восстанавливает значение всех врожденных волевых свойств раба, а отмена же решения о неправоподобности лежащего наследства сама по себе не придает волевых свойств последнему [1, с. 79]. Аналогичным образом Г. Ф. Шершеневич высказывался о правоспособности животных: если бы государство установило опеку над животными, то никаких препятствий для признания их правосубъектными не было бы [18, с. 579]. Представляется, что действующий правопорядок именно так восполняет правоспособность малолетних детей, иных недееспособных, а также и юридических лиц.

Поэтому более корректно, на наш взгляд, говорить о том, что такая доюридическая сущность для придания ей правосубъектности должна лишь обладать такими свойствами, которые позволяют правопорядку обнаружить интерес, подлежащий защите путем использования конструкции субъекта, и найти такой способ формирования и выражения воли, который будет адекватен тому интересу, который законодатель признает и стремится защитить.

Возможность усмотреть упомянутый интерес во многом зависит от экономического базиса и социально-философских воззрений, которые характерны правопорядку. В настоящий момент подавляющее большинство правопорядков исходят из самоценности каждого человека, вне зависимости от полноты его дееспособности и фактической имущественной самостоятельности, поэтому признание правосубъектности любого человека представляется необходимым. Естественной также представляется самостоятельная правосубъектность объединений лиц.

Вместе с тем в исторической перспективе можно обнаружить примеры влияния социально-культурных факторов на решение вопроса о правосубъектности в широком смысле. Так, в праве Древнего Рима наличие самостоятельного интереса, подлежащего защите, обнаруживалось не на уровне отдельного индивида, а на уровне семьи или даже рода в целом. Отец семейства выступал в качестве лица, действующего в интересах семьи (хотя по мере развития правопорядок начинал постепенно признавать элементы правосубъектности отдельных членов семьи) [11, с. 77–78].

Важно отметить, что обнаруживаемый интерес не всегда обязывает правопорядок к признанию правосубъектности за его носителем. Требования естественного права распространяются только на физических лиц, поэтому в остальных случаях законодатель обладает достаточной широтой усмотрения. Таким образом, обнаружение правопорядком самостоятельного интереса может или обязывать правопорядок к защите такого интереса путем использования конструкции правосубъектности, или просто создавать потенциальную возможность её использования.

Как справедливо отмечает Г. Радбрух: «чтобы стать лицом, необходим индивидуализирующий акт правопорядка» [14, с. 147]. Однако если говорить о правосубъектности в широком смысле, это, на наш взгляд, не обязательно должно означать нормативное закрепление того, что то или иное образование является субъектом – достаточно лишь, чтобы возникало единство комплекса прав и обязанностей. Как указывает в этой связи Г. Кельзен: «Физическое или юридическое лицо, которое «имеет» юридические обязанности и субъективные права (как их носитель), является этими юридическими обязанностями и субъективными правами, т. е. является комплексом обязанностей и прав, единство которых образно выражается

в понятии лица. Лицо является лишь персонификацией этого единства» [12, с. 218].

Иными словами, правосубъектность может быть признана двумя способами: (1) формально, когда правопорядок прямо закрепляет правосубъектность какого-либо образования; (2) фактически, когда правопорядок создает единство комплекса прав и обязанностей. Именно в таком ключе может быть правильно воспринято следующее утверждение В. А. Белова и К. А. Блинковского: «субъектом является не тот, кто таковым прямо назван в законе, а тот, кто обладает чертами субъекта» [3, с. 219].

На наш взгляд, большинство случаев юридического обособления имущества связаны именно с возникновением таких черт субъекта непосредственно на уровне позитивного права, что означает признание правопорядком таких сущностей в качестве субъектов в широком смысле, но не в узком. Данное обстоятельство предопределяет парадоксальное правовое положение этих образований *delegelata*.

В некоторых случаях такое положение может быть связано с идеологическими и культурными особенностями рассматриваемого правопорядка. Иллюстрацией этому утверждению может служить правовое положение государственных предприятий в СССР в период с 30-х по середину 60-х годов XX в., когда они фактически участвовали в гражданском обороте в качестве субъектов, но формально таковыми не признавались [4, с. 23]. Однако, представляется, что в рамках существующего российского правопорядка таких ограничений нет.

Правосубъектность в узком смысле

Г. Кельзен фокусируется на правосубъектности в узком (утилитарном) смысле как вспомогательной категории, облегчающей описание права [12, с. 213] и выражающей

единство комплекса юридических обязанностей и субъективных прав [12, с. 219].

Такой подход перекликается с позицией Б. Виндшейда, который допускал существование бессубъектных прав и обязанностей, возникающих в ситуациях, когда не создается искусственного субъекта путем олицетворения [5, с. 112]. Несмотря на свою необязательность, такой конструкт представляется крайне желательным для удобства работы с юридическим материалом. Б. Виндшейд, среди прочего, указывает, что бессубъектным правам «противится естественное чувство, коренящееся в глубоком влечении к личности, каким проникнута вся человеческая природа. Это чувство и в этом случае ищет для прав и обязанностей субъекта-носителя их и находит его... в искусственном, создаваемом мыслительным процессом воображаемом лице» [5, с. 110–112].

В том же ключе высказывался Л. Эннекцерус: «Соблюдение упомянутых общих интересов требует, чтобы имущество было в течение длительного срока к их услугам. Однако без существенного преобразования нашего частного права это может произойти не иначе, как путем признания прав на это имущество..., следовательно, если хотят привести в соответствие предназначение имущества для целей названных организаций с остальным частным правом, то этого можно достигнуть, только признав эти организации субъектами права» [19, с. 353].

Категория бессубъектных прав иногда встречается в позитивном праве иностранных государств, например будучи прямо закреплена применительно к трасту в Гражданском кодексе Квебека, который гласит: «собственность принадлежит лицам, государству или, в некоторых случаях, принадлежит какой-то цели». Однако нам эта конструкция не кажется удачной. Олицетворение имущества, напротив, представляется крайне удачным

приемом юридической техники, который упрощает описание права и вносит системность в складывающиеся отношения. Более того, существующая по российскому праву необходимость указывать, что доверительный управляющий действует именно в качестве такового, фактически выполняет функцию наименования, которое позволяет кредитору определить доступную ему имущественную массу должника.

В этом контексте уместно обратиться к теории патримония, разработанной Ш. Обри и Ш. Ро. Суть данной теории заключается в том, что патримоний (*patrimoine*) представляет собой единство комплекса прав и обязанностей, при этом такое единство всегда выражается в принадлежности прав и обязанностей одному лицу (юридическому или физическому). Любое лицо всегда имеет патримоний, даже если не имеет никаких прав и обязанностей в определенный момент, но в то же время, оно всегда имеет только один патримоний [20, с. 473].

Поскольку современное французское право содержит примеры институтов, которые не вписываются в оригинальную теорию патримония (фидуция, имущество индивидуального предпринимателя), то некоторые современные исследователи пытаются обосновать их существование через конструкцию обособленного имущества (*patrimoine d'affectation*).

Вместе с тем можно усмотреть известную непоследовательность в трудах французских цивилистов, которые в целом верно интерпретируют теорию имущественного комплекса, указывая, что «если активы и обязательства компании должны быть отделены от активов и обязательств партнеров, то необходимо признать, что появилось новое лицо, которому принадлежат эти активы и обязательства» [23, с. 120]. Упомянутая непоследовательность усматривается в том, что, следуя формальному содержа-

нию закона, те же самые авторы соглашаются с тем, что обособление может происходить иным образом, и обособленное имущество индивидуального предпринимателя новое лицо не образует [23, с. 124]. Нам представляется более верным подход, в соответствии с которым образование автономного имущественного комплекса означает возникновение юридического лица [22, с. 99–100].

Конструкция фиктивной личности позволяет использовать все её преимущества только тогда, когда она признана правом позитивным. Только в таком виде она позволяет упорядочить внутренние отношения участников общности с третьими лицами, для которых указанная общность становится единым центром прикрепления прав и обязанностей. Рассматриваемая конструкция снимает теоретические проблемы, связанные с определением принадлежности прав и обязанностей, ответственностью по обязательствам и управлением обособленным имуществом.

Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии теоретических препятствий для признания правомочием формальной правосубъектности за отдельными формами обособленного имущества, которые в настоящий момент в качестве субъектов права не признаны, хотя на уровне закона представляют собой обособленный комплекс с установленным порядком формирования и выражения воли, определяющей его судьбу (например, имущество, находящееся в доверительном управлении, неправосубъектные массы в банкротстве, имущество инвестиционного товарищества, некоторые континентальные трасы). Вместе с тем некоторые образования лишь внешне образуют обособленный комплекс, не признаны субъектами в широком смысле и не требуют формальной правосубъектности (например имущество простого товарищества, классический траст).

Квасисубъекты

Для обозначения состояния непризнанных субъектов может быть использован термин «квасисубъект», но необходимо уточнить, как следует понимать содержание данного термина и в каких случаях его использование уместно. Представляется неверным распространенный подход, согласно которому «квасисубъект – это определенное правовое явление, за которым на официальном либо доктринальном уровне считается обоснованным признавать отдельные элементы правосубъектности при невозможности придания ему статуса полноценного субъекта права» [17, с. 102].

Данное понятие, в отрыве от контекста работы Е. В. Пономаревой, может быть воспринято как связанное с проведением разграничения на уровне широкого понимания правосубъектности, а именно – наличия/отсутствия доюридических признаков, которые предопределяют возможность признания субъекта права. В действительности автор смешивает доюридические признаки (наличие самостоятельного интереса) и признаки, которые придает сам порядок (возможность самостоятельно осуществлять субъективные права и юридические обязанности; возможность нести юридическую ответственность; обособленность и др.), из-за чего оказывается, что препятствием для правосубъектности являются сами же законодательные решения¹.

Нам представляется более обоснованным использовать понятие квасисубъекта для ситуаций, когда порядок уже создал такое регулирование, которое приводит к появлению у какой-то сущности всех значимых признаков субъекта (единство комплекса прав и обязанностей; порядок выражения воли), но формально не признал за такой сущностью статуса субъекта, т. е. законодатель

¹ Пономарева Е. В. Субъекты и квасисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 10–11.

не применил последний необходимый прием в виде олицетворения. Представляется, что именно в таком значении данный термин используют некоторые авторы [9, с. 263], и именно в таком смысле его употребление уместно, так как он называет интуитивно понятным образом фактическое положение явления, которое скорее представляет собой следствие законодательного недостатка, чем самостоятельный правовой институт.

Юридическое лицо и иные формы правосубъектности

Юридическое лицо может восприниматься в широком смысле: «юридическое лицо – это субъект права, не соответствующий отдельному человеку» [18, с. 579], и в этом смысле признание правосубъектности за любой обособленной имущественной массой, отличной от физического лица, будет означать признание такого имущества юридическим лицом. В то же время юридическое лицо может восприниматься и в узком смысле как институт, установленный гражданским правом с соответствующим нормативным регулированием. Поэтому возникает вопрос: следует ли признавать такие квазисубъекты юридическими лицами или иными субъектами? Нам более удачным представляется второй вариант.

Юридическое лицо является категорией гражданского права (именно в нем конструируются понятие, основные признаки, порядок создания и осуществления деятельности), однако оно также используется в других отраслях права. Поэтому наделение обособленных имущественных масс статусом юридического лица может повлечь за собой необходимость пересмотра уже сложившихся решений в других отраслях права (например, может повлечь изменение налогового режима) и не факт, что такое изменение будет желательным.

Также, вероятно, нет необходимости распространять большое количество норм, касающихся юридических лиц, на квазисубъектные образования, так как многие из них или отличаются более простым устройством и не требуют применения большого количества норм о юридических лицах, или сами по себе достаточно урегулированы, и применение к ним норм о юридических лицах может привести к возникновению противоречий и сложностей.

Существование абстрактного правосубъектного образования в форме, отличной от юридического лица, хоть и не реализовано на уровне отечественного права, но все же в некоторой степени известно ему. Так, например, в ст. 1203 ГК РФ, говорится о личном законе иностранной «организации, не являющейся юридическим лицом». О том, что такие организации признаются субъектами, говорит применение к ним конструкции личного закона.

В праве многих других государств юридическое лицо также является единственной формой существования организаций, которые существуют наравне с физическими лицами и публично-правовыми образованиями. Однако такой подход не является единственно возможным. Так, например, правосубъектные организации без статуса юридического лица существуют в праве КНР. В соответствии со ст. 102 ГК КНР к ним относятся индивидуальные предприниматели, товарищества, профессиональные объединения и др. А. П. Алексеенко указывает на то, что «ключевое отличие данных субъектов от юридических лиц заключается в том, что они не имеют структуры органов управления, а от своего имени могут только заключать сделки» [2, с. 204]. Исследователи предлагают для обозначения статуса таких субъектов использовать термин «субъекты гражданского права третьей категории» [16].

С недавнего времени на нормативном уровне выделение особого субъекта права, отличного от юридического лица, произошло в немецком праве. Введение такого решения было связано с необходимостью разрешения проблемы «частичной правосубъектности» товариществ: «существенное различие между юридическим лицом и правоспособным товариществом кроется не в наличии правоспособности, а в степени правовой независимости товарищества от входящих в него товарищей» [6, с. 128–129]. При этом, как мы понимаем, степень правовой независимости связана не с наличием или отсутствием каких-либо доюридических свойств такого объединения, а именно с теми юридическими свойствами, которыми правопорядок, исходя из политико-правовых соображений, был готов наделить такие объединения.

Заключение

Мы полагаем, что существует только два доюридических условия правосубъектности: (1) наличие у сущности таких социальных свойств, которые позволяют правопорядку усмотреть в ней некий самостоятельный интерес, который должен быть или может быть признан правопорядком; (2) наличие у сущности таких социальных свойств, которые позволяют правопорядку подтвердить наличие у такого субъекта воли, или позволяющих правопорядку установить суррогат такой воли, адекватный защищаемому интересу.

Признание правопорядком правосубъектности какого-либо образования может осуществляться прямо, путем закрепления за какой-либо сущностью статуса субъекта права, или фактически, путем установления такого регулирования, при котором какое-либо имущество обособляется для достижения определенной цели или защиты какого-либо самостоятельного интереса, а в результате

такого обособления происходит возникновение нового единства прав и обязанностей, которое отлично от комплекса других прав и обязанностей, принадлежащих признанным юридическим лицам.

Обособленные имущественные массы, которые образуют единство комплекса прав и обязанностей, целесообразно признавать правосубъектными образованиями, так как это позволяет доктринально обосновать их режим, а также внести большую определённую и предсказуемость в их регулирование. Более правильным представляется признавать их не юридическими лицами, а иными субъектами права, чтобы сохранить специфику их регулирования и избежать необходимости пересмотра существующих решений в других отраслях права.

Список литературы

1. Алексеев Н. Н. Основы философии права: Классики истории и философии права. – СПб.: С.-Петербург. ун-т. – 1999. – 251 с.
2. Алексеев А. П. Характерные черты Гражданского кодекса КНР // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 12. – С. 199–211.
3. Белов В. А., Блинковский К. А. Гражданско-правовое регулирование корпоративных отношений с участием гражданско-неправоспособных (не обладающих юридической личностью) организаций // Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики / под ред. В. А. Белова – М.: Юрайт, 2024. – С. 190–220.
4. Болдырев В. А. Юридические лица – несобственники в системе субъектов гражданского права: монография / под ред. В. А. Сысоева. – Омск: Омская академия МВД России, 2010. – 340 с.
5. Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Т. 1. Общая часть. – СПб.: Издание Героглифова и Никифорова, 1874. – 358 с.
6. Горева А. А., Жестовская Д. А. Реформа законодательства о гражданских товариществах в Германии: перевод раздела 16 «Товарищество» Германского гражданского уложения // Вестник экономического правосудия РФ. – 2022. – № 6. – С. 122–153.
7. Груздев В. В. О сущности гражданской правосубъектности // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 2. – С. 113–121.
8. Долинская В. В. К вопросу о развитии системы участников гражданского оборота // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – Т. 15 – № 2 – С. 76–83.
9. Егоров А. В. Совместная собственность супругов: на перепутье // Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / под ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. – М.: Статут, 2020. – С. 232–295.

10. Зайцев О. Р. Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом. – М.: Статут, 2007. – 507 с.
11. Ибрагимов К. Ю. Обособленное имущество в римском праве // Российский журнал правовых исследований. – 2023. – Т. 10. – № 2. – С. 74–88.
12. Кельзен Г. Чистое учение о праве. – 2-изд / пер. М. В. Антонова, С. В. Лёзова. – СПб.: АЛЕФ-Пресс, 2015. – 542 с.
13. Османова Д. О. Правосубъектность отдельных правовых образований // Хозяйство и право. – 2022. – № 12. – С. 3–26.
14. Радбрух Г. Философия права. – М.: Междунар. отношения, 2004. – 240 с.
15. Уздимаева Н. И., Козуров А. С. Субъект права: основные подходы к пониманию // Контентус. – 2020. – № 4. – С. 135–143.
16. Ха Шуцзюй, НуоДан'тун. О нормативном содержании термина «субъект гражданского права третьей категории» в Китае // Закон. – 2022. – № 9. – С. 74–85.
17. Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 12. – С. 94–109.
18. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Выпуск 1. – Изд. Бр. Башмаковых, 1910. – 805 с.
19. Эннекцерус Л., Кипп Т., Вольф М. Курс германского гражданского права. Т. 1. Полутом 1. Введение и общая часть. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1949. – 432 с.
20. Kasirer N. Translating Part of France's Legal Heritage: Aubry and Rau on the Patrimoine // Revue générale de droit. – 2014. – Т. 38. – Translating Part of France's Legal Heritage. – № 2. – С. 453–493.
21. Hansmann H., Kraakman R. H. The Essential Role of Organizational Law // SSRN Electronic Journal. – 2000. URL: <http://www.ssrn.com/abstract=229956>
22. Bailly-Masson C. L'intérêt de la personnalité morale // La Revue des Sciences de Gestion. – 2008. – Vol. 230. – № 2. – С. 99.
23. Chiron G. La personnalité morale des sociétés depuis le XIXe siècle en France, en Allemagne et en Angleterre. Thèse de doctorat. – Paris. 2008.

References

1. Alekseev, N. N. (1999) *Osnovy filosofii prava: Klassiki istoriii filosofii prava* [Foundations of the philosophy of law: Classics of the history and philosophy of law]. St. Petersburg: S.-Petesburg State University. (In Russian).
2. Alekseenko, A. P. (2021) *Kharakternye cherty Grazhdanskogokodeksa KNR [Characteristic Features of the Civil Code of the People's Republic of China]. Aktual'nye problem rossiiskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. Vol. 16. No.12. Pp. 199–211. (In Russian).
3. Belov, V. A., Blinkovskij, K.A. (2024) *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie korporativnykh otnoshenii s uchastiem grazhdansko-nepravosposobnykh (ne obladayushchikh yuridicheskoi lichnost'yu) organizatsii* [Civil regulation of corporate relations involving civilly incompetent (not having legal personality) organizations]. Moscow: Yurait. (In Russian).
4. Boldyrev, V. A. (2010) *Yuridicheskielitsa – nesobstvenniki v sisteme sub'ektov grazhdanskogo prava: monografiya* [Legal entities – non-owners in the system of subjects of civil law: monograph]. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii. (In Russian).

5. Vindsheid, B. (1874) *Uchebnik pandektnogo prava. Tom 1. Obshchayachast'* [The textbook of panic law. Volume 1. General part.]. St. Petersburg: Izdanie Geroglifovai Nikiforova. (In Russian).
6. Goreva, A. A., Zhestovskaya, D. A. (2022) Reforma zakonodatel'stva o grazhdanskikh tovarishchestvakh v Germanii: perevod razdela 16 «Tovarishchestvo» Germanskogo grazhdanskogo ulozheniya [Reform of civil partnership law in Germany: translation of section 16 "Partnership" of the German Civil Code]. *Vestnik ehkonomicheskogo pravosudiya RF – Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. No. 6. Pp. 122–153. (In Russian).
7. Gruzdev, V. V. (2018) O sushchnosti grazhdanskoi pravosub'ektnosti [On the essence of civil capacity]. *Aktual'nye problem rossiiskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. No. 2. Pp. 113–121. (In Russian).
8. Dolinskaya, V. V. (2015) K voprosu o razvitiy systemy uchastnikov grazhdanskogo oborota [To the question of development of the civil circulation participants system]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the South Ural State University*. Vol. 15. No. 2. Pp. 76–83. (In Russian).
9. Egorov, A. V. (2020) Sovmestnaya sobstvennost' suprugov: napereput'e [Joint property ownership of spouses: At the crossroads]. *Grazhdanskoe parvo sotsial'nogo gosudarstva: Sbornik statei, posvyashchennyi 90-letiyu so dnya rozhdeniya profesora A. L. Makovskogo (1930–2020)* [Civil law of the social state: A collection of papers dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor A. L. Makovskiy (1930–2020)]. Pp. 232–295. (In Russian).
10. Zaitsev, O. R. (2007) *Dogovor doveritel'nogo upravleniya paevym investitsionnym fondom* [Trust management agreement for a mutual investment fund]. Moscow: Statut. (In Russian).
11. Ibragimov, K. Y. (2023) Obosoblennoe imushchestvo v rimskom prave [Assets Partitioning in roman Law]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy – Russian Journal of Legal Research*. Vol. 10. No. 2. Pp. 74–88. (In Russian).
12. Kel'zen, G. (2015) *Chistoe uchenie o prave* [Pure Theory of Law]. St. Petersburg: Alef-Press. (In Russian).
13. Osmanova, D. O. (2022) Pravo sub'ektnost' otidel'nykh pravovykh obrazovaniy [Legal capacity of separate legal structures]. *Khozyaistvo I pravo – Economics and law*. No. 12. Pp. 3–26. (In Russian).
14. Radbrukh, G. (2004) *Filosofiya prava* [The Philosophy of Law]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).
15. Uzdimaeva, N. I., Kozurov, A. S. (2020) Sub'ekt prava: osnovnye podkhody k ponimaniyu [Subject of law: basic approaches to understanding]. *Kontentus – Kontentus*. No. 4. Pp. 135–143. (In Russian).
16. Kha Shutszyui, NyuDan'tun (2022) O normativnom sodержanii termina «sub'ekt grazhdanskogo prava tret'ei kategorii» v Kitae [On the normative content of the term "third category civil law subject" in China]. *Zakon – Zakon*. No. 9. Pp. 74–85. (In Russian).
17. Channov, S. E. (2022) Robot (Sistema iskusstvennogo intellekta) kak sub'ekt (kvazisub'ekt) prava [Robot (Artificial Intelligence System) as a Subject (Quasi-Subject) of Law]. *Aktual'nye problem rossiiskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. No. 12. Pp. 94–109. (In Russian).
18. Shershenevich, G. F. (1910) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow: Izdanie Br. Bashmakovykh. (In Russian).
19. Ennektserus, L. (1949) *Kurs germanskogo grazhdanskogo prava* [German civil law course]. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury. (In Russian).

20. Kasirer, N. (2014) Translating Part of France's Legal Heritage: Aubry and Rau on the Patrimoine. *Revue générale de droit. General law review*. Vol. 38. No. 2. Pp. 453–493.

21. Hansmann, H., Kraakman, R. H. The Essential Role of Organizational Law. *SSRN Electronic Journal*. URL: <http://www.ssrn.com/abstract=229956>.

22. Bailly-Masson, C. (2008) L'intérêt de la personnalité morale [The interest of legal personality]. *La Revue des Sciences de Gestion. The Journal of Management Sciences*. Vol. 230. No. 2. P. 99. (In French).

23. Chiron, G. (2008) La personnalité morale des sociétés depuis le XIXe siècle en France, en Allemagne et en Angleterre [The legal entities in France, Germany and England since the 19th century]. (In French).

Об авторе

Ибрагимов Константин Юрьевич, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-7909-5734, e-mail: ibragimovkj@gmail.com

About the author

Konstantin Y. Ibragimov, Postgraduate student, Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0003-7909-5734, e-mail: ibragimovkj@gmail.com

Поступила в редакцию: 25.02.2024
Принята к публикации: 10.03.2024
Опубликована: 30.03.2024

Received: 25 February 2024
Accepted: 10 March 2024
Published: 30 March 2024

К вопросу об использовании аудио- и видеозаписей как средств доказывания по делам, возникающим из семейных правоотношений

Е. А. Нахова¹, Д. В. Волков², Л. А. Красикова³

¹ Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Российская Федерация

³ Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье анализируются правила использования аудио- и видеозаписей как средств доказывания по делам, касающихся семейных правоотношений. Также исследованы проблемы правового регулирования аудио- и видеозаписей как средств доказывания в гражданском процессе. Рассматриваются ограничения использования аудио- и видеозаписей как средств доказывания. В статье использованы перспективы использования программных обеспечений (средств родительского контроля) как доказательств жестокого обращения с ребенком в гражданском процессе.

Ключевые слова: гражданский процесс, доказывание и доказательства, средства доказывания, аудио- и видеозаписи, средства родительского контроля.

Благодарности: в основу исследования легли фундаментальные работы Михаила Константиновича Треушникова, Александра Тимофеевича Боннера, которые стали отправной точкой, следствием глубокого осмысления научных взглядов данных исследователей.

Для цитирования: Нахова Е. А., Волков Д. В., Красикова Л. А. К вопросу об использовании аудио- и видеозаписей как средств доказывания по делам, возникающим из семейных отношений // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 1 (75). – С. 49–62. DOI: 10.35231/18136230_2024_1_49. EDN: ZCRDZU

On the Issue of the Use of Audio and Video Recordings as Means of Evidence in Cases Arising From Family Legal Relations

Elena A. Nakhova¹, Dmitriy V. Volkov², Lyudmila A. Krasikova³

¹ Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

² All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia),

Saint Petersburg, Russian Federation

³ Northwest Branch of the Russian State University of Justice,

Saint Petersburg, Russian Federation

The article analyzes the rules for the use of audio and video recordings as means of evidence in cases arising from family legal relations. The problems of legal regulation of audio and video recordings as means of evidence in civil proceedings are also investigated. The author examines the limitations of the use of audio and video recordings as means of proof. The article uses the prospects of using software (parental control tools) as evidence of child abuse in civil proceedings.

Key words: civil procedure, evidence and evidence, means of proof, audio and video recordings, means of parental control.

Acknowledgements: the research is based on the fundamental works of Mikhail Konstantinovich Treushnikov, Alexander Timofeevich Bonner, which became the starting point of this study and was the result of a deep understanding of the scientific views of researchers.

For citation: Nakhova, E. A., Volkov, D. V., Krasikova, L. A. (2024) K voprosu ob ispol'zovanii audio- i videozapisej kak sredstv dokazyvaniya po delam, vytekayushchim iz semejnyh pravootnoshenij [On the Issue of the Use of Audio and Video Recordings as Means of Evidence in Cases Arising From Family Legal Relations]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (75). Pp. 49–62. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_1_49. EDN: ZCRDZU

Введение

Информационные технологии (ИТ) играют важную роль в гражданском судопроизводстве, улучшая эффективность и качество правосудия. Они помогают автоматизировать и оптимизировать процессы сбора, обработки и хранения информации, а также обеспечивают доступность документов и дел для участников судебного процесса. Одним из основных приложений ИТ в гражданском судопроизводстве является электронное правосудие, что позволяет осуществлять подачу документов и заявлений в электронной форме, получать извещения и судебные решения через электронную почту или личный кабинет участника процесса и т. д. Это сокращает время и затраты на судебные процедуры, обеспечивает более удобный и прозрачный доступ к информации. Введение ИТ также упрощает процесс поиска и анализа судебных решений и правовых актов, позволяя судьям и адвокатам быстрее находить нужную информацию и использовать ее в своей работе. Это повышает качество принимаемых решений и способствует соблюдению правовой защиты и интересов сторон. Внедрение ИТ в гражданское судопроизводство также способствует автоматизации процессов учета и архивирования документов, что улучшает их сохранность и доступность. Это сокращает риск потери или повреждения документов и облегчает процесс их поиска и использования. Однако, следует отметить, что внедрение ИТ в гражданское судопроизводство также сопряжено с определенными проблемами и вызовами. Например, необходима надежная система безопасности и защиты информации от несанкционированного доступа или взлома.

В свете информатизации и развития электронных технологий актуальным становится вопрос использования в судопроизводстве электронных доказательств,

а также аудио- и видеозаписей на электронных носителях. Вопрос о закреплении электронных доказательств как самостоятельных средств доказывания в настоящее время остается открытым. Отдельными исследователями в доктрине указывается на необходимость закрепления электронных доказательств как самостоятельных средств доказывания в гражданском процессе [6]¹, поскольку дефиниция «электронное доказательство» охватывает не только понятие «электронный документ». Иная точка зрения сводится к тому, что вопрос наделения электронного доказательства статусом самостоятельного средства доказывания относится к числу спорных [5].

Законодатель в этом направлении показывает некую осторожность, например, была сделана попытка ввести электронные документы в перечень средств доказывания в КАС РФ, однако позднее указанное средство из перечня средств доказывания было исключено².

В отличие от электронных доказательств аудио и видеозаписи как средства доказывания закреплены в качестве самостоятельного средства доказывания перечисляет в ГПК РФ и КАС РФ, арбитражное процессуальное законодательство аудио- и видео записи среди иных документов и материалов как средств доказывания в арбитражном процессе.

Интерес к аудио- и видеозаписям как средствам доказывания не снижается в теоретико-прикладных исследованиях [1–5; 7–12]³. Впервые на возможность

¹ Горелов М. В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: Вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 21 с.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: федер. закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

³ Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И. В. Решетниковой. 7-е изд., доп. и перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 472 с.; Справочник по доказыванию в административном судопроизводстве / под ред. И. В. Решетниковой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 160 с.; Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / под ред. И. В. Решетниковой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 480 с.; Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / под ред. М. А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019.

применения аудио- и видеозаписей было указано в судебной практике¹.

Проблемы правового регулирования аудио- и видеозаписей как средств доказывания в гражданском процессе

Одной из основных проблем использования аудио- и видеозаписей как средств доказывания является возможность их фальсификации. В настоящее время существует множество программ и технологий, позволяющих изменить аудио- или видеозапись, чтобы она выглядела и звучала по-другому. Это создает серьезные проблемы при определении подлинности записи и ее достоверности в суде. В связи с изложенным возникает необходимость в привлечении специалиста или эксперта для исследования аудио- и видеозаписей.

Другой проблемой является неопределенность в отношении допустимости использования аудио- и видеозаписей в качестве доказательств. Вопрос допустимости аудио- и видеозаписей тесно связан с законностью их происхождения. Законными будут считаться аудио- и видеозаписи, полученные из надлежащего источника в установленном законом порядке уполномоченными на то субъектами. Данное доказательство не может быть принято в качестве такового, если не установлены его авторство и целостность. Это может привести к отказу в допуске записи как средства доказывания, что повлияет на возможность стороны использовать ее для подтверждения своей позиции. Кроме того, сложными для лиц, не обладающих специальными познаниями, являются также ситуации, связанные с качеством записи, вопро-

¹ О применении процессуального законодательства при рассмотрении гражданских дел в суде первой инстанции: постановление Пленума Верховного суда СССР от 1 декабря 1983 г. № 10 // СПС КонсультантПлюс.

сами аутентификации, типов записей, которые представляются в качестве средств доказывания и т. д.

В качестве проблемы правового регулирования аудио- и видеозаписей как средств доказывания обращается внимание на недостаточную детальность их регламентации, от чего складывается неоднозначная практика применения анализируемых норм и достаточная свобода усмотрения, которую реализуют суды в рамках своих дискреционных полномочий.

Так, если проанализировать три процессуальных кодекса, то в ГПК РФ аудио- и видеозаписям посвящены три статьи (ст. 77–78, 185 ГПК РФ), в КАС РФ – две статьи (ст. 76, 167 КАС РФ), в АПК РФ – две статьи (ст. 89, 162 АПК РФ). С учетом изложенного, нерегламентированным в действующем законодательстве остается понятие аудио- и видеозаписей и их видов, условия признания их недопустимыми, детальный порядок их исследования, в том числе порядок фиксации в протоколе судебного заседания их содержания, условия принятия скрытых аудио- и видеозаписей как средств доказывания.

Ограничения использования аудио- и видеозаписей как средств доказывания в гражданском процессе

В гражданском процессе аудио- и видеозаписи как средства доказывания должны отвечать следующими условиями:

1. Относимость аудио- и видеозаписей, т. е. связь сведений о фактах, содержащихся в аудио- и видеозаписях с фактами предмета доказывания.

2. Допустимость аудио- и видеозаписей, которая складывается из нескольких аспектов:

- аудио- и видеозаписи должны быть получены законным путем: т. е. из надлежащего источника, в установленном законом порядке, надлежащим субъектом собирания доказательств;

■ в процессе собирания, исследования аудио- и видеозаписей не должны быть нарушены конституционные права граждан, среди которых право на частную жизнь, право на личную и семейную тайну и т. д. Кроме того, данные средства доказывания могут содержать сведения, составляющие государственную, коммерческую и иную охраняемую законом тайну, такие средства доказывания должны быть исследованы в закрытом судебном заседании. А в том случае, если сведения составляют частную жизнь лица, их представление и исследование осуществляется с согласия лица, сведения о частной жизни которого раскрываются.

3. Аудио- и видеозаписи должны отвечать требованиям достоверности и аутентичности. Записи должны быть подлинными, не подвергнутыми монтажу. Для установления достоверности и аутентичности записи судом назначается экспертиза, для исследования данных средств доказывания может быть привлечен специалист или эксперт.

В целом при оценке аудио- и видеозаписей как средств доказывания в гражданском процессе судом учитываются и иные критерии оценки доказательств, кроме вышеперечисленных, такие как достаточность и взаимная связь с другими доказательствами по делу.

В некоторых процессуальных кодексах стран СНГ содержится прямой запрет на использование скрытых аудио- и видеозаписей как средств доказывания в гражданском процессе. Российское процессуальное законодательство такого процессуального запрета не содержит. Судебная практика на использование таких средств доказывания сложилась еще в 2015 г. Отправной точкой этому факту послужило дело по спору, возникающему из отношений займа. Два физических лица заключили нотариально удостоверенный договор займа, Заемщиком условия договора не были выполнены, займодаделец

обратился в суд. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска, исходя из факта безденежности договора займа. В обосновании безденежности договора займа была представлена видеозапись разговора, сделанная с мобильного телефона, которая свидетельствует, что деньги не передавались, между сторонами сложились иные правоотношения. Суд первой инстанции принял видеозапись в качестве доказательства безденежности займа. Апелляционная инстанция с вынесенным судебным актом судом первой инстанции не согласилась, поскольку запись была получена с нарушением права на частную жизнь, составляющую личную и семейную тайну, помимо воли лица. Верховный суд Российской Федерации оставил в силе решение суда первой инстанции, поскольку была получена информация, касающаяся договорных отношений, не был нарушен запрет о получении сведений, составляющих тайну частной жизни¹.

Использование программных обеспечений (средств родительского контроля) как доказательств жестокого обращения с ребенком

Факт жестокого обращения с детьми является одним из оснований для лишения судом родителей родительских прав. Факт жестокого обращения может выражаться в том числе в применении родителями физического и психического насилия над детьми².

Интересен и актуален пример из практики Конституционного суда РФ³.

¹ Определение Верховного суда Российской Федерации от 14 апреля 2015 г. № 33-КП5-6 // СПС КонсультантПлюс.

² О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни и здоровью, а также при ограничении или лишении родительских права: постановление Пленума Верховного суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44. п. 16. [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/24386/?ysclid=lsd714l2gt907359496> (дата обращения: 08.02.2024).

³ По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П. О. Вильке: постановление Конституционного суда РФ от 18 января 2024 года № 2-П // СПС КонсультантПлюс.

В отношении гр. П. Вильке был постановлен обвинительный приговор по факту незаконного сбора информации о личной жизни его бывшей супруги и членов ее семьи. Вильке П. использовал программу родительского контроля, которая была установлена на мобильный телефон проживающего с матерью его сына. Указанное приложение позволило записывать и сохранять аудиофайлы происходящего в определенном радиусе действия мобильного телефона. Вильке П. предоставил данные аудиозаписи для подтверждения факта грубого обращения с ребенком в суд по гражданскому делу о расторжении брака, а также в органы полиции. Однако в отношении гражданина Вильке П. было возбуждено уголовное дело по факту незаконного сбора информации о частной жизни, составляющей личную и семейную тайну. Вышестоящие инстанции оставили в силе обвинительный приговор в отношении Вильке П., не учтя при этом его доводы о том, что его действия были направлены исключительно на защиту интересов ребенка. Вильке П. был освобожден от наказания в связи с истечением срока давности обвинительного приговора суда¹.

Программы родительского контроля, фиксирующие факты посредством ведения и сохранения аудиофайлов, могут фиксировать различные сведения о фактах, в том числе, фактах жестокого обращения с ребенком.

Средства родительского контроля отличаются многообразием. Программы родительского контроля позволяют родителям анализировать и контролировать активность и действия ребенка в сети Интернет, к которым можно отнести посещение определенных веб-сайтов, использование социальных сетей и мессенджеров. Средства родительского контроля фиксируют и сохра-

¹ Официальный сайт Конституционного суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=3801> (дата обращения: 08.02.2024).

няют сведения о действиях ребенка, данные его активности, информацию о содержании переписки ребенка с другими лицами.

Например, сведения о частых посещениях определенных веб-сайтов, общение с людьми, потенциально способными нанести вред психическому и соматическому здоровью ребенка и его жизни, направление в адрес ребенка угроз различного содержания может быть использована в суде для подтверждения факта наличия жестокого обращения с ребенком.

Следует отметить, что имеются программы родительского контроля, которые позволяют определять место нахождения ребенка, записывать и определенное время сохранять информацию о происходящем в пределах определенного радиуса нахождения ребенка.

Конституционный суд РФ в своем постановлении № 2-П обратил внимание на ряд принципиальных моментов, которые имеют значение для развития действующего законодательства и судебной практики, в том числе и по гражданским делам. Близкая связь родителей и детей предполагает естественное желание родителя обеспечить безопасность ребенка. Специальные приложения для родительского контроля, разработанные с этой целью, не запрещены и свободно доступны. Эти приложения могут использоваться родителем, отдельно проживающим от ребенка.

При использовании таких приложений для обеспечения безопасности ребенка родителем, отдельно проживающим от ребенка, возникает потенциальная возможность попадания в распоряжение указанного лица сведений, составляющих тайную частную жизнь, личную и семейную тайны. Однако с учетом особой ценности детства и баланса между правом на частную жизнь и реализацией родительских прав и обязанностей по надлежа-

щему воспитанию ребенка, это не является нарушением действующего законодательства, если отсутствует умысел на распространение и использование данной информации в целях причинения вреда другому лицу. При этом родитель, отдельно проживающий от ребенка, может считать, что существует угроза безопасности ребенка или его психическому здоровью в месте его проживания. Родитель, постоянно проживающий с ребенком, может испытывать аналогичные опасения при общении ребенка с другим родителем при наличии к тому объективных данных. Чувство заботы о ребенке может убедить родителя собирать данные о безопасности ребенка с помощью приложения родительского контроля. Эти данные могут быть представлены в компетентные органы, и использование их для защиты интересов ребенка не является незаконным получением и распространением информации о частной жизни.

Подобное собирание информации может затрагивать права и интересы других лиц, так как данные о взаимоотношениях с ребенком практически неотделимы от их личной жизни. Формально эти действия могут соответствовать составу преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ. Однако если такие действия вызваны обстоятельствами, которые родитель считает угрозой для ребенка (включая заблуждение), указанные обстоятельства не должны влечь за собой уголовную ответственность. В противном случае это не будет согласовываться с приоритетом прав и законных интересов ребенка в государственной политике России и принципом соразмерности ограничений прав. Оспариваемая норма в данном конституционном смысле не противоречит Конституции Российской Федерации.

Законодатель наделен правом нормативно установить ограничения на использование приложений для роди-

тельского контроля. Однако на данный момент такие программы и полученная с их помощью информация должны использоваться только для обеспечения безопасности ребенка в рамках надлежащего осуществления родительских прав и исполнения обязанностей¹.

Заключение

Таким образом, новая судебная практика по гражданским делам, возникающим из семейных правоотношений, в том числе по делам о лишении родительских прав, связанная с применением аудио- и видеозаписей, полученных посредством использования программ родительского контроля, должна складываться с учетом анализируемой правовой позиции КС РФ. При решении вопроса о допустимости аудио- и видеозаписей как средств доказывания необходимо исходить из приоритета безопасности ребенка над реализации права на частную жизнь.

Список литературы

1. Боннер А. Т. Использование аудио- и видеозаписей с целью установления обстоятельств гражданских и арбитражных дел // *Избранные труды: в 7 т. Т. V. Проблемы теории судебных доказательств.* – М.: Проспект, 2017. – 556 с.
2. Боннер А. Т. Традиционные и нетрадиционные доказательства: монография. – М.: Проспект, 2015. – 611 с.
3. Жагорина С. А. Судебное доказывание в спорах о незаконном использовании товарного знака в арбитражном процессе РФ. – М.: Инфотропик Медиа, 2014. – 113 с.
4. Куприянова А. А. Видеозапись: элемент самозащиты или процессуальное доказательство? // *Законы России. Опыт, анализ, практика.* – 2023. – № 5. – С. 19–22.
5. Молчанов В. В. Доказательства и доказывание в административном судопроизводстве // *Законодательство.* – 2016. – № 8. – С. 59–64.
6. Нахова Е. А. Проблемы применения электронных доказательств в гражданском процессе и административном судопроизводстве // *Закон.* – 2018. – № 4. – С. 81–90.
7. Сапёров С. А. Информация как объект правоотношений: монография. – М.: Юстицинформ, 2023. – 704 с.

¹ Официальный сайт Конституционного суда РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=3801> (дата обращения: 08.02.2024).

8. Свирин Ю. А. Размышления о гражданском процессе: монография. – М.: Прометей, 2022. – 544 с.
9. Смоляров М. В. Правовая защита фотографий и видео в сети "Интернет". Практика суда по интеллектуальным правам и Мосгорсуда. Зарубежный опыт: электронное издание. – М.: Право Доступа, 2018.
10. Треушников М. К. Судебные доказательства. – М.: Городец, 2021. – 304 с.
11. Шестакова Е. В. Доказывание в арбитражном процессе: электронное издание. – М.: Право Доступа, 2021.
12. Шестакова Е. В. Использование доказательств в электронной форме в цивилистическом процессе: электронное издание. – М.: Право Доступа, 2022.

References

1. Bonner, A. T. (2017) *Ispol'zovanie audio- i videozapisej s cel'yu ustanovleniya obstojatel'st v grazhdanskih i arbitrazhnyh del* [The use of audio and video recordings in order to establish the circumstances of civil and arbitration cases]. *Izbrannye Trudy v 7 t. T. V. Problemy teorii sudebnyh dokazatel'stv* [Selected works Problems of the theory of judicial evidence]. Moscow: Prospekt. (In Russian).
2. Bonner, A. T. (2015) *Tradicionnye i netradicionnye dokazatel'stva: monografiya* [Traditional and non-traditional evidence]. Moscow: Prospekt. (In Russian).
3. Zhagorina, S. A. (2014) *Sudebnoe dokazyvanie v sporah o nezakonnom ispol'zovanii tovarnogo znaka v arbitrazhnom processe RF* [Judicial evidence in disputes about the illegal use of a trademark in the arbitration process of the Russian Federation]. Moscow: Infotropik Media. (In Russian).
4. Kupriyanova, A. A. (2023) *Videozapis: element samozashchity ili processual'noe dokazatel'stvo?* [Video recording: an element of self-defense or procedural evidence]. *Zakony Rossii. Opyt, analiz, praktika – The laws of Russia. Experience, analysis, practice*. No. 5. Pp. 19–22. (In Russian).
5. Molchanov, V. V. (2016) *Dokazatel'stva i dokazyvanie v administrativnom sudoproizvodstve* [Evidence and proving in administrative proceedings]. *Zakonodatel'stvo – Legislation*. No. 8. Pp. 59–64. (In Russian).
6. Nahova, E. A. (2018) *Problemy primeneniya elektronnyh dokazatel'stv v civilisticheskom processe i administrativnom sudoproizvodstve* [Problems of the use of electronic evidence in civil procedure and administrative proceedings]. *Zakon – Law*. No. 4. Pp. 81–90. (In Russian).
7. Sapyorov, S. A. (2023) *Informaciya kak ob'ekt pravootnoshenij: monografiya* [Information as an object of legal relations]. Moscow: YUsticiform. (In Russian).
8. Svirin, YU. A. (2022) *Razmyshleniya o grazhdanskom processe: monografiya* [Reflections on the civil process]. Moscow: Prometej. (In Russian).
9. Smolyarov, M. V. (2018) *Pravovaya zashchita fotografii i video v seti "Internet". Praktika suda po intellektual'nym pravam i Mosgorsuda. Zarubezhnyj opyt* [Legal protection of photos and videos on the Internet. The practice of the Intellectual Property Rights Court and the Moscow City Court. Foreign experience]. Moscow: Pravo Dostupa. (In Russian).
10. Treushnikov, M. K. (2021) *Sudebnye dokazatel'stva* [Judicial evidence]. Moscow: Gorodec. (In Russian).
11. Shestakova, E. V. (2021) *Dokazyvanie v arbitrazhnom processe* [Evidence in the arbitration process]. Moscow: Pravo Dostupa. (In Russian).
12. Shestakova, E. V. (2022) *Ispol'zovanie dokazatel'stv v elektronnoj forme v civilisticheskom processe* [The use of evidence in electronic form in the civil process]. Moscow: Pravo Dostupa. (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
40/30/30 %

Об авторах

Нахова Елена Александровна, кандидат юридических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-8463-6011, e-mail: nahova.elena@yandex.ru

Волков Дмитрий Владимирович, кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-5670-2955, e-mail: spb.kit@mail.ru

Красикова Людмила Александровна, федеральный судья в отставке, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-0039-7266, e-mail: mila.krasikowa@yandex.ru.

About the authors

Elena A. Nakhova, Cand. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-8463-6011, e-mail: nahova.elena@yandex.ru

Dmitriy V. Volkov, Cand. Sci. (Law), St. Petersburg Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-5670-2955, e-mail: spb.kit@mail.ru

Lyudmila A. Krasikova, Retired Federal Judge, North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-0039-7266, e-mail: mila.krasikowa@yandex.ru

*Поступила в редакцию: 20.02.2024
Принята к публикации: 29.02.2024
Опубликована: 30.03.2024*

*Received: 20 February 2024
Accepted: 29 February 2024
Published: 30 March 2024*

Актуальные вопросы распоряжения правами на результаты интеллектуальной деятельности

М. В. Рыбкина¹ И. А. Близнец² Е. Н. Щербак³

¹ Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Московский университет имени А. С. Грибоедова, Москва, Российская Федерация

³ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

В статье раскрываются особенности распоряжения правами на интеллектуальную собственность. Приведены примеры решений судов по распоряжению правами. Дан краткий анализ основополагающих постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации по данным вопросам.

Ключевые слова: распоряжение правами, сделки, лицензионные договоры, договор уступки, постановление Верховного суда Российской Федерации, патент.

Для цитирования: Рыбкина М. В., Близнец И. А., Щербак Е. Н. Актуальные вопросы распоряжения правами на результаты интеллектуальной деятельности // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 1 (75). – С. 63–77. DOI: 10.35231/18136230_2024_1_63. EDN: POTRCH

Current Issues of Disposal of Rights on the Results of Intellectual Activity

Marina V. Rybkina¹, Ivan A. Bliznets², Evgeniy N. Shcherbak³

¹ Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

² A. S. Griboyedov Moscow University,
Moscow, Russian Federation

³ Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

The authors of the article reveal the features of the disposal of intellectual property rights, provide examples from court decisions, provide a brief analysis of the fundamental Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on these issues, and provide specific examples of court decisions on the disposal of rights.

Key words: disposal of rights, transactions, license agreements, assignment agreement, ruling of the Supreme Court of the Russian Federation, patent.

For citation: Rybkina, M. V., Bliznetc, I. A., Shcherbak, E. N. (2024) Aktual'nye voprosy rasporyazheniya pravami na rezul'taty intellektual'noj deyatel'nosti [Current Issues of Disposal of Rights on the Results of Intellectual Activity]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (75). Pp. 63–77. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_1_63. EDN: POTRCH

Введение

Технический прогресс влияет на экономику и развитие общественных отношений. Первоосновой технического прогресса выступают те научные достижения, которые легальным образом используются субъектами права. Для широкого использования субъектами права охраняемых законом объектов, а в данном случае мы рассматриваем объекты интеллектуальной собственности, необходимо применение договорных конструкций и, в частности, лицензионных и сублицензионных договоров. Несмотря на имеющееся правовое и техническое регулирование разных уровней – международное, континентальное и национальное, которое в значительной мере обеспечивает эффективность охраны результатов интеллектуальной деятельности, судебная практика расширяет возможности защиты прав субъектов, заключивших различные виды договоров на использование интеллектуальной собственности. Как показывает практика, решения Суда по интеллектуальным правам Российской Федерации оставались и остаются исключительно важной правовой основой для формирования и совершенствования правоприменительной практики в части защиты интеллектуальных прав.

Соотношение общетеоретических понятий с понятиями, изложенными в ч. IV ГК РФ

В соответствии с Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах, ратифицированным СССР в 1973 г., права авторов относятся к данным видам прав и, соответственно, защита интересов авторов представляется наиважнейшим достоянием для общества, что указывает на ее естественно-правовую природу. Данный международный стандарт прав человека указывает на особенности реализации объектов интеллекту-

альной собственности, которые заключаются в ряде правомочий, в частности создании, реализации и защиты права. Нельзя не согласиться с мнением Т. Ю. Фалькиной, определившей понятие реализации права как «завершающей стадии правового регулирования, представляющей собой процесс претворения норм права в жизнь путем осуществления субъективных прав и юридических обязанностей» [1, с. 37].

Для дальнейшего рассмотрения проблем распоряжения правами на результаты интеллектуальной деятельности необходимо остановиться на понятии интеллектуальной собственности и выявить отличие данной категории от понятия права собственности. Отличительные черты наиболее ярко проявляются при проведении сравнительного анализа правовых режимов данных категорий.

Наиболее верным, на наш взгляд, является определение правового режима, данного Н. И. Матузовым: «Правовой режим – особый порядок правового регулирования, основанный на применении комплекса юридических правил с средств, закрепленных в нормативно-правовых документах, и обеспечивающий порядок общественных отношений для удовлетворения интересов субъектов права» [2, с. 16].

Поскольку под собственностью понимаются общественные отношения, складывающиеся по поводу имущественных прав, регулируемые нормами права, то в общем, можно утверждать, что право собственности – это вещное право, в то время как право интеллектуальной собственности может возникнуть на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации на нематериальные объекты, идеи.

Правовой режим права собственности распространяется на субъекты и объекты, находящиеся на определенной территории, в то же время правовой режим

интеллектуальной собственности в полной мере может распространяться и действовать на различных территориях одновременно. Способы владения, пользования и распоряжения правом собственности отличаются от способов владения, пользования и распоряжения правом интеллектуальной собственности, о чем указывают специальные нормы, изложенные в ч. IV Гражданского кодекса Российской Федерации. Нельзя не согласиться с мнением А. В. Полещенко о том, что: «Право интеллектуальной собственности на результаты интеллектуальной деятельности – это иное право, чем право собственности, однако выполняющее функции в отношении интеллектуальной деятельности, аналогичные права собственности для вещей» [3, с. 104].

Принятие и вступление в силу части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) стало началом нового этапа в истории правового регулирования отношений, связанных с интеллектуальной собственностью. Часть четвертая ГК РФ более подробно, в сравнении с ранее действовавшим законодательством, урегулировала многие вопросы, касающиеся правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности (РИД). В полной мере это касается и вопросов распоряжения правами на РИД. Распоряжение права на результаты интеллектуальной собственности, особенно в условиях цифровых технологий – основа трансфера результатов научно-технической деятельности, полученных в различных сферах экономики. По мнению Ю. В. Нечепуренко, «Международный трансфер технологий, базирующийся на торговле объектами интеллектуальной собственности – изобретениями, промышленными образцами, товарными знаками, компьютерными программами, базами данными и другими, а также лицензиями на право их использования, напрямую связан с научно-

технической деятельностью, предшествующей появлению на рынке новых технологий». По сведениям Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) рынок интеллектуальной собственности самый стабильный и активно развивающийся.

Распоряжение правами на результаты интеллектуальной деятельности

Основной способ распоряжения права – это договоры. Распоряжение правами на РИД и приравненной к ней деятельности осуществляется в рамках особого класса договоров, которые имеют существенные отличия от договоров традиционного класса. Однако, несмотря на то внимание, которое уделено в части четвертой ГК РФ вопросам договорного распоряжения правами на РИД, на практике нередко возникают вопросы, многие из которых доходят до суда и ставят в тупик судей, заставляя их толковать нормы ГК РФ, ища пути разрешения возникших конфликтов. В сфере обобщения судебной практики по интеллектуальной собственности за последнее десятилетие знаковыми явились два документа: совместное Постановление Пленумов Верховного и Высшего арбитражного судов Российской Федерации от 26.03.2009 г.¹ № 5/29 и Обзор судебной практики по делам, связанный с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утвержденный Президиумом Верховного суда Российской Федерации 23.09.2015 г.²

Данные постановления, по нашему мнению, стали важнейшими в деле обобщения практики применения судами положений части четвертой ГК РФ. На некоторых его положениях, касающихся вопросов договорного

¹ Далее – Постановление № 5/29.

² Далее – Обзор-2015.

распоряжения правами на РИД, необходимо остановиться более подробно.

В Постановлении № 5/29 вполне справедливо обращается внимание на то, что ГК РФ не предусматривает необходимости получения согласия лицензиата (при наличии заключенных ранее лицензионных договоров) на заключение договора об отчуждении исключительного права. При этом в силу п. 7 ст. 1235 ГК РФ переход исключительного права на РИД к новому правообладателю не является основанием для изменения или расторжения лицензионного договора, заключенного предшествующим правообладателем.

Кроме того, в Постановлении № 5/29 отмечается, что так как в силу п. 1 ст. 1234 ГК РФ по договору об отчуждении исключительного права передается исключительное право на РИД в полном объеме, договор, предусматривающий отчуждение права использования РИД, но в то же время вводящий ограничения по способам использования соответствующего РИД либо устанавливающий срок действия этого договора, с учетом положений ст. 431 ГК РФ может быть квалифицирован судом как лицензионный договор. При отсутствии такой возможности договор подлежит признанию недействительным (ст. 168 ГК РФ).

Целый ряд положений Постановления № 5/29 касается лицензионных договоров.

Так, если лицензионный договор содержит условие о сроке его действия, превышающем срок действия исключительного права, то в силу абзаца первого п. 4 ст. 1235 ГК РФ такой лицензионный договор считается заключенным на срок, равный сроку действия исключительного права.

Особое внимание уделяется вознаграждению, выплачиваемому по лицензионному договору, которому в Постановлении № 5/29 посвящено два следующих правила.

Во-первых, исходя из п. 5 ст. 1235 ГК РФ, лицензионный договор предполагается возмездным, если самим договором прямо не предусмотрено иное. Следовательно, если лицензионным договором прямо не предусмотрена его безвозмездность, но при этом в нем не согласовано условие о размере вознаграждения или о порядке его определения, соответствующий договор в силу абзаца второго п. 5 ст. 1235 ГК РФ считается незаключенным.

Во-вторых, по смыслу п. 5 ст. 1235 ГК РФ в его взаимосвязи с п. 4 ст. 1237 ГК РФ вознаграждение по возмездному лицензионному договору уплачивается за предоставление права использования РИД. В связи с этим лицензиару не может быть отказано в требовании о взыскании вознаграждения по мотиву неиспользования лицензиатом соответствующего результата или средства. В случае когда стороны лицензионного договора согласовали размер вознаграждения в форме процентных отчислений от дохода (выручки) (п. 4 ст. 1286 ГК РФ), а соответствующее использование произведения не осуществлялось, сумма вознаграждения должна определяться исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование произведения.

При упоминании о применении п. 1 ст. 1236 ГК РФ в Постановлении № 5/29 отмечается, что по общему правилу лицензионный договор (независимо от вида такого договора) предполагает сохранение за лицензиаром права самому использовать соответствующий РИД. Вместе с тем договором об исключительной лицензии может быть специально предусмотрено, что такое право за лицензиаром не сохраняется.

Но даже Постановление № 5/29 не смогло дать ответы на все возникающие на практике вопросы. В своих последующих решениях и Верховный суд, и Высший арби-

тражный суд были вынуждены разрешать и иные возникшие в связи с введением в действие части четвертой ГК РФ вопросы, не затронутые в Постановлении № 5/29.

Так, например, ООО «Простые продукты» (лицензиар) и ООО «Ликеро-водочный комбинат "Амтел"» (лицензиат) 01 марта 2005 г. заключили лицензионный договор о предоставлении исключительной лицензии на использование промышленного образца. Договор был зарегистрирован в Роспатенте 20 сентября 2006 г.

Между тем в момент заключения договора права на защищенный патентом промышленный образец принадлежали ЗАО «Простые продукты», которое уступило их ООО «Простые продукты» на основании договора об уступке от 16 марта 2005 г. Запись об изменении правообладателя была внесена в Государственный реестр промышленных образцов РФ 14 марта 2005 г.

ООО «Ликеро-водочный комбинат "Амтел"» использовал промышленный образец в период с апреля 2005 по май 2007 г. и за указанный период перечислил ООО «Простые продукты» соответствующее лицензионное вознаграждение. Однако ООО «Простые продукты» посчитало, что ООО «Ликеро-водочный комбинат "Амтел"» обязано уплатить вознаграждение за пользование промышленным образцом с момента заключения договора (01 марта 2005 г.), в связи с чем обратился с иском в Арбитражный суд Московской области.

В конечном итоге данное дело в порядке надзора было рассмотрено Президиумом Высшего арбитражного суда РФ, который в своем постановлении¹ указал на то, что «исходя из положений п. 3 ст. 433 и п. 2 ст. 425 ГК РФ в случае, если использование промышленного образца лицензиатом началось до государственной регистрации лицензионного договора (момент заключения), стороны

¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 ноября 2010 года № 7552/10.

вправе распространить действие договора на отношения, возникшие до его заключения.

Между тем действие договора с обратной силой не может распространяться на тот период, когда у лицензиара отсутствовало право на соответствующий промышленный образец ввиду того, что таким правом обладало другое юридическое лицо».

В дальнейшем, Президиум Высшего арбитражного суда РФ, рассматривая спор¹ ООО «Издательство "Монолит"» и ЗАО «Торговая компания "Каприз-М"» о распространении ЗАО «Торговая компания "Каприз-М"» компакт-дисков с записями аудиовизуальных произведений, права на которые были приобретены ООО «Издательство "Монолит"», еще раз подтвердил, что «лицензиар не может предоставить по лицензионному договору исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, которыми он не обладает на день заключения лицензионного договора».

Из последних решений судов, особенно в современных условиях, в которых оказались российские компании, хотелось бы привести постановление Суда по интеллектуальным правам (СИП) в части регулирования лицензионных договоров.

Сублицензиат вправе вернуть себе лицензионное вознаграждение, если иностранный правообладатель прекратил предоставлять доступ к программному обеспечению, за период, в течение которого у сублицензиата отсутствовала возможность использования программного обеспечения.

Между двумя компаниями был заключен сублицензионный договор от 24.02.2021 г. за предоставление права использования программного обеспечения на один год за вознаграждение в размере 47135 долл. США.

¹ Постановление Президиума Высшего арбитражного Суда РФ от 15 февраля 2011 г. № 13931/10.

Право использования программного обеспечения было предоставлено с даты подписания акта приема-передачи прав, т. е. с 13.12.2021 г. Сублицензиат полностью оплатил лицензионное вознаграждение платежным поручением от 16.12.2021 г.

В связи с прекращением функционирования программного обеспечения сублицензиат потребовал от сублицензиата перерасчета лицензионного вознаграждения с учетом фактического срока использования программного обеспечения сублицензиатом и возврата денежных средств в размере более 2.5 млн руб., а после отказа сублицензиара обратился с соответствующим требованием в суд.

Суды встали на сторону истца, посчитав, что ответчик не исполнил в полной мере обязанность по предоставлению права использования программного обеспечения на установленный сублицензионным договором срок, в то время как истец исполнил свои обязательства по договору.

СИП указал, что исполнение сублицензиаром обязанности по предоставлению права использования программного обеспечения создает предпосылку для возникновения обязанности сублицензиата по оплате лицензионного вознаграждения. Сублицензиар считает надлежаще исполненным обязательства только тогда, когда он постоянно в течение всего срока договора обеспечивает возможность сублицензиата пользоваться предоставленным программным обеспечением и отвечает за недостатки этого предоставления. При этом СИП отверг довод ответчика о том, что обязанность по предоставлению права использования программным обеспечением ограничивается моментом передачи ключей активации надлежащего качества.

СИП отметил, что невозможность сублицензиата использовать программное обеспечение в установленный

сублицензионным договором период, ввиду прекращения иностранным правообладателем распространения программного обеспечения на территории Российской Федерации, является недостатком предоставления и предпринимательским риском сублицензиара.

Также СИП посчитал, что действия правообладателя по прекращению распространения программного обеспечения на территории Российской Федерации не могут быть квалифицированы в качестве обстоятельства непреодолимой силы, освобождающего сублицензиара от ответственности¹.

Заключение

Следует отметить, что упомянутые выше решения судебных органов, стали основой для дальнейшего углубления судебной практики и принятия 23 апреля 2019 г. нового разъяснения Пленума ВС РФ по применению четвертой части Гражданского кодекса. По нашему убеждению, это разъяснение Пленума ВС РФ оказало значительное влияние на все дела по интеллектуальной собственности, которые рассматриваются нашими российскими судами. По мнению А. Ганзера, старшего юриста Nextons, «постановление Пленума ВС сильно повлияло на развитие практики в праве интеллектуальной собственности, особенно в практике судов общей юрисдикции и арбитражных судов первой и апелляционной инстанций»². Все эти разъяснения стали хорошей основой и для практики работы Роспатента. К данной категории относятся и дела, связанные с оспариванием действий Роспатента. Например, дела, в рамках которых оспаривают действия по государственной регистрации

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам 04.05.2023 № С01-731/2023 по делу № А07-10215/2021.

² URL: www.pravo.ru

договора (СИП-714/2021), действия по внесению изменений в государственный реестр (СИП-48/2022), действия по внесению записей о правообладателе в государственный реестр (А40–202376/2021).

Таблица 1
Рассмотрение в судебном порядке споров, касающихся договоров автора и патентообладателя, нарушения исключительных прав в 2022 г.

ОИС	Оспаривание договоров, авторства и патентообладателя, нарушение исключительных прав						Всего
	Арбитражные суды		Суды общей юрисдикции		Суд по интеллектуальным правам		
	Требования удовлетворены	Требования не удовлетворены	Требования удовлетворены	Требования не удовлетворены	Требования удовлетворены	Требования не удовлетворены	
Товарные знаки	11	21	16	10	11	29	98
Изобретения	1	3	7	12	6	12	41
Полезные модели	1	1	-	1	3	5	11
Промышленные образцы	-	-	2	1	-	9	12
Базы данных	-	-	-	-	-	-	-
Международные регистрации товарных знаков	-	-	2	-	-	-	2
Наименования мест происхождения товаров/гео-графические указания	-	3	1	-	-	-	4
Программы для ЭВМ	2	4	1	4	1	-	12
Итого:	15	32	29	28	21	55	180

Помимо участия в делах, в рамках которых оспариваются решения, Роспатент регулярно привлекается к участию в делах по спорам о нарушении исключительных прав, об установлении авторства (патентообладателя) изобретения, полезной модели и промышленного образца, а также о признании недействительными (о расторжении) договоров в отношении объектов интеллектуальной собственности. При этом такие дела рассматриваются арбитражными судами и судами общей юрисдикции, находящимися как в Москве, так и в других субъектах Российской Федерации. Сведения по данной категории дел приведены в табл. 1.

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

40/30/30 %

Список литературы

1. Матузов Н. И., Малько А. В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1996. – № 1. – С. 16–29.
2. Нечепуренко Ю. В. Управление интеллектуальной собственностью. – Минск: Из-во БГУ, 2017. Л. 19,3.
3. Полещенков А. В. Понятие интеллектуальной собственности // Вестник Омского университета. Серия Право. – 2011. – № 4 (29). – С. 102–104.

References

1. Matuzov, N. I., Mal'ko, A. V. (1996) Pravovye rezhimy: voprosy teorii i praktiki [Legal regimes: issues of theory and practice]. *Izvestiya Vysshih Uchebnyh Zavedenij. Pravovedenie – Izvestia of Higher Educational Institutions Journal. Jurisprudence*. No. 1. Pp. 16–29. (In Russian).
2. Nechepurenko, Yu. V. (2017) *Upravlenie intellektual'noj sobstvennost'yu* [Intellectual Property management]. Minsk: Iz-vo BGU, 1.19,3 (In Russian).
3. Poleshchenkov, A. V. (2011) Ponyatie intellektual'noj sobstvennosti [The concept of intellectual property]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Pravo – Bulletin of Omsk University. The series Law*. No. 4 (29). Pp. 102–104. (In Russian).

Об авторах

Рыбкина Марина Владимировна, доктор юридических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000–0003–3321–0353, e-mail: marina-rybkina@mail.ru

Близнец Иван Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, академик РАН, Московский университет имени А. С. Грибоедова, Москва, Российская Федерация, ORCID ID: 0000–0002–5753–3591, e-mail: bliznets@mail.ru

Щербак Евгений Николаевич, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация, ORCID ID: 0000–0002–9787–8893, e-mail: escherbak@mail.ru

About the authors

Marina V. Rybkina, Dr. Sci. (Law), Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-3321-0353, e-mail: marina-rybkina@mail.ru

Ivan A. Bliznets, Dr. Sci. (Law), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, A. S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-5753-3591, e-mail: bliznets@mail.ru

Evgeny N. Shcherbak, Dr. Sci. (Law), Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-9787-8893, e-mail: escherbak@mail.ru

*Поступила в редакцию: 07.02.2024
Принята к публикации: 29.02.2024
Опубликована: 30.03.2024*

*Received: 07 February 2024
Accepted: 29 February 2024
Published: 30 March 2024*

Понятие утраты имущества в контексте страхования

Л. М. Экзекова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье исследуется проблема определения понятия утраты имущества в рамках страхования не только как утраты фактического владения вещью, но и как прекращения права собственности либо иного вещного права на имущество вследствие определенных страховых событий, как то: признание недействительной сделки, в результате которой страхователь (выгодоприобретатель) приобрел право на недвижимое имущество, наличие ошибки в регистрации документов; юридически подтверждающих наличие права собственности; мошенничество со стороны третьих лиц и др.

Сделан вывод о том, что имуществом, риск утраты (гибели), недостачи или повреждения которого может быть застрахован, являются вещи как телесные (материальные) объекты, а не права на эти вещи, так как эти права неразрывно связаны с вещами и разделяют с ними одну судьбу.

Проведен анализ судебной практики, доктринальных источников, правил страхования различных страховых организаций, а также зарубежного законодательства. Сформулировано определение понятия утраты имущества в целях избежания в дальнейшем противоречий относительно исследуемого вопроса.

Ключевые слова: страхование имущества, утрата имущества, страховое событие, титульное страхование, вещные права, вещи, право собственности.

Для цитирования: Экзекова Л. М. Понятие утраты имущества в контексте страхования // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 1 (75). – С. 78–89. DOI: 10.35231/18136230_2024_1_78. EDN: MFCAPJ

The Concept of Property Loss in the Context of Insurance

Lina M. Ekzekova

St. Petersburg State University of Economics,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article examines the problem of defining the concept of loss of property within the framework of insurance not only as the loss of actual possession of a thing, but also as the termination of ownership or other proprietary rights to property as a result of certain insurance events, such as: invalidation of a transaction, as a result of which the insured (beneficiary) acquired the right to real estate, the presence of an error in the registration of documents legally confirming the existence of ownership rights, fraud on the part of third parties, etc.

It is concluded that that the property, the risk of loss (destruction), shortage or damage of which can be insured, are things as physical (material) objects, and not rights to these things, since these rights are inextricably linked with things and share the same fate with them.

As part of this, an analysis of judicial practice, doctrinal sources, insurance rules of various insurance organizations, as well as foreign legislation was carried out. A definition of the concept of loss of property is formulated in order to avoid further contradictions regarding the issue under study.

Key words: property insurance, loss of property, insured event, title insurance, property rights, things, property rights.

For citation: Ekzekova, L. M. (2024) Ponyatie utraty imushchestva v kontekste strahovaniya [The Concept of Property Loss in the Context of Insurance]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (75). Pp. 78–89. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_1_78. EDN: MFCAPJ

Введение

В соответствии с положениями норм действующего российского гражданского законодательства (ст. 930 ГК РФ) лицо вправе застраховать по договору страхования имущества риск утраты (гибели), недостачи или повреждения определенного имущества. Существующая на сегодняшний день нормативная база в сфере страхования не позволяет точно уяснить, что именно подразумевается под утратой такого имущества. Это, в свою очередь, порождает ряд дискуссий относительно возможности понимания под имуществом в контексте страхования не только вещей, но и вещных прав, будто риск утраты, гибели, недостачи и повреждения вещного права застраховывается отдельно от риска наступления тех же случаев относительно самой вещи.

Вышеозначенное неизбежно приводит к тому, что потенциальный страхователь в силу отсутствия у него соответствующих профессиональных знаний и навыков не осведомлен о возможностях и особенностях страхования имущества, зачастую, например, ошибочно предполагая, что не может осуществить страхование имущества на случай обнаружения таких «дефектов» права на имущество, как, например, наличие некорректно оформленных документов, которые явились основанием для совершения сделки, удовлетворения виндикационного иска, ограничения (обременения) права собственности правами третьих лиц.

Более того, конкретизация данного вопроса необходима для обеспечения в должной мере механизма защиты прав и законных интересов страхователя и страховщика как сторон по договору страхования имущества.

Имущество, риск утраты (гибели), недостачи или повреждения которого может быть застрахован

Согласно ст. 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относятся, среди прочего, вещи (включая наличные день-

ги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права. Разумеется, перечень, содержащийся в указанной норме, является открытым, что логическим образом следует из динамики развития права и общества, когда появляются все новые объекты или когда существующие объекты нуждаются в законодательном закреплении для надлежащего гражданско-правового регулирования отношений, непосредственно связанных с ними как с благами, из-за которых субъекты и вступают в правовые отношения [2, с. 197].

Так, п. 4 ст. 4 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» регламентирует, что в качестве объектов страхования имущества выступают такие имущественные интересы страхователя (выгодоприобретателя), которые связаны с утратой, гибелью, недостачей или повреждением имущества. Одной из важнейших задач, стоящих перед любым правоведом, является уяснение определения того или иного понятия, и в научном сообществе на сегодняшний день дискуссионной остается возможность смешивания понятий имущества и вещи, так как эти категории хотя и взаимосвязаны, однако самостоятельны в своем содержании [13, с. 36]. Так, например, одним из индивидуальных признаков вещи называют связанный с ней имущественный интерес, который заключается в заинтересованности лица, которому та или иная вещь принадлежит на праве собственности или ином вещном праве, в сохранении всех полезных свойств вещи и ее ценности в целом [6, с. 80–81].

Для того чтобы корректно определить, какое конкретно имущество подразумевается, когда речь идет о его страховании, целесообразно обратиться к категории страхового интереса как своеобразного мотива, побуждающего страхователя прибегнуть к осуществле-

нию страхования, ведь страхователь заключает договор именно с целью защиты определенного объекта от последствий имущественного характера в результате несчастия, которое может произойти. На сегодняшний день нормативная база РФ не содержит дефиниции страхового интереса, зачастую заменяемого по смыслу термином имущественного интереса. Ряд авторов не могут прийти к единой позиции относительно возможности восприятия страхового интереса как имущественного [3, с. 415]. На наш взгляд, данные понятия отождествляются не в ущерб их смысловой нагрузке, так как и имущественный, и страховой интерес часто определены в доктрине как прежде всего заинтересованность лица в сохранении своего материального состояния на том уровне, на котором оно находилось до наступления соответствующего события, повлекшего ущерб. Так, например, Г. А. Вакулина определяет, что страховой интерес есть потребность в получении денежных средств в качестве компенсации тех имущественных потерь, которые понесло лицо после событий неблагоприятного характера [5, с. 105–106].

Таким образом, можно заключить, что страховой интерес заключается в сохранении всех полезных свойств конкретной вещи, а следовательно, в контексте страхования имущество – это то, что может пострадать в физическом, материальном смысле.

В. В. Корнев определяет, что вещь, очевидно, есть некая предметность – материала, формы, комбинации частей и т. п. [7, с. 75–76]. К. Н. Анненков писал, что вещи, «как предметы гражданских прав», бывают как телесными (ограниченные в пространстве части природы, не обладающие волей), так и бестелесными (различные вещные права)[1, с. 44]. Вещное право, надо отметить, в свою очередь неразрывно связано с самой вещью, разделяя с ней одну судьбу.

Интересен в данном аспекте законодательный опыт Германии, а именно положения норм Германского гражданского уложения (далее – ГГУ). В отличие от ст. 128 ГК РФ данный законодательный акт не включает в себя положения об объектах гражданских прав, однако содержит раздел, регулирующий вещи и животных и устанавливающий, что вещь признается только телесный (материальный) объект (ст. 90 ГГУ). В соответствии со ст. 96 ГГУ права, связанные с владением земельным участком, рассматриваются как части земельного участка. Так, вещное право в данном случае приравнивается к вещи, с которой оно неразрывно связано.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что под имуществом в контексте страхования понимается то, что может быть утрачено или повреждено, а следовательно, вещи как материальные предметы, а также (учитывая опыт Германии и положения норм российского гражданского законодательства) – животные. Однако вследствие отсутствия в законе легального определения утраты имущества возникает ряд противоречий, заключающихся в первую очередь в том, что под имуществом понимают и вещные права. Подтверждается это возникновением на рынке страхования такого вида страхования, как титульное.

Титульное страхование как вид страхования имущества

На сегодняшний день существует такой вид страхового события, при котором негативное воздействие происходит, на первый взгляд, не на саму вещь как материальный предмет, а конкретно на право. Страхователь обращается в страховую компанию и заключает с последней договор страхования, получивший в правовой доктрине и правоприменительной практике наименование – титульное страхование [9, с. 61]. Мотивом к заключению такого договора служит, например, постоянно существующая угроза

предъявления виндикационного иска или признания сделки недействительной [11, с. 105], т. е. любого события, в результате которого утрата имущества происходит вследствие негативного воздействия внешних факторов на право собственности или иное вещное право на это имущество.

По мнению Ю. Б. Фогельсона, титульное страхование не имеет каких-либо значительных отличий от обычного страхования имущества на случай его утраты, а специфика его заключается в том, что зачастую при утрате вещи таким образом, т. е. в результате утраты титула в различных ее проявлениях, достаточно затруднительно рассчитать причиненные убытки [12, с. 412]. Это означает, что и в так называемом титульном страховании страхуется риск утраты именно вещи, не права.

По мысли, например, С. Е. Лиона [8, с. 32], страхование имущества осуществляется в отношении именно физической вещи. Согласимся с мнением И. И. Степанова и определим, что рассмотрение права как имущества, риск утраты (повреждения) которого может быть застрахован, абсолютно некорректно, так как право не может быть «жертвой» наступления того или иного страхового события, его судьба связана с судьбой вещи [10, с. 72].

Аккумулируя положения правил страхования (титульного) ряда страховых организаций (например, п. 3.1 Правил имущественного страхования права собственности СК «Югория», п. 2 Правил добровольного страхования права собственности на недвижимое имущество (недвижимость) страховой компании «Росгосстрах»), можем отметить следующую особенность: в таком страховании всегда фигурирует утрата вещи в качестве страхового случая, а негативное воздействие на право на эту вещь является собой лишь страховое событие как таковое, в результате которого возникает ущерб имущественным интересам страхователя (выгодоприобретателя).

При исследовании вопроса правоприменительной практики равным образом обнаружено, что страховщики, как правило, интерпретируют титульное страхование как страхование риска утраты вещи.

Так, например, некоторые из них в качестве предмета договора страхования устанавливают страхование имущественных интересов страхователя, связанных с владением, пользованием и распоряжением страхователем недвижимым имуществом (страхование имущества), а также утраты недвижимого имущества, доли в недвижимом имуществе в результате прекращения права собственности страхователя на данное имущество, долю в имуществе (титульное страхование) (Апелляционное определение Московского городского суда от 20.08.2020 г. по делу № 33–24508/2020, 2–8517/2016).

Указанное также позволяет сделать вывод о том, что воздействие со стороны третьих лиц на право собственности страхователя, а также иное негативное проявление извне в отношении вещного права по сути своей предполагается закрепленной в законе конструкцией «утрата». По данным соображения лишено смысла употреблять термин «страхование права собственности», так как страхование производится в отношении вещи.

Следовательно, титульное страхование – это вид страхования имущества, определенный страховым событием, как то: страхование от огня, страхование от града и др., и понимать под имуществом в контексте страхования имущественные права, определенные ст. 128 ГК РФ как имущество, неверно.

Утрата имущества в контексте страхования

Спецификой договора имущественного страхования, отличающей его от других видов договоров страхования, является компенсационный характер страхового покры-

тия [4, с. 141]. Любое отношение в рамках договора страхования имущества уже направлено на возмещение убытков, так или иначе связанных с вещами, а вещное право неотделимо от них. При определении страховой суммы решающим фактором является действительная стоимость имущества, размер страховой выплаты зависит в том числе от возможности восстановления застрахованного имущества [14, с. 135], а оценка ущерба, наступившего в результате событий неблагоприятного характера, ставится в зависимость от стоимости вещи.

Верховный суд РФ выразил однозначное мнение о том, что утрата вещи презюмируется не только его фактической утратой в результате какого-либо события, но и лишением права владения, пользования и распоряжения этим имуществом.

Анализируя позицию страховых организаций в рамках этого вопроса, можно привести в пример п. 1.3.20 Правил страхования имущества физических лиц СК «Согласие», который регламентирует, что утрата имущества означает прекращение (отсутствие) правомочий пользования и владения имуществом, за исключением правомочия распоряжаться имуществом.

На основании вышеизложенного определим, что под утратой имущества в контексте страхования понимается:

- утеря;
- хищение;
- выбытие имущества из владения иным путем, помимо воли страхователя;
- лишение права распоряжаться, владеть и пользоваться имуществом в результате прекращения права собственности;
- лишение права распоряжаться, владеть и пользоваться имуществом в результате прекращения иного вещного права;
- ограничение прав страхователя правами иных лиц.

Заключение

Таким образом, утратой имущества в контексте страхования является не только утрата фактического владения вещью: данная конструкция включает в себя и лишение права распоряжаться, владеть и пользоваться имуществом в связи с тем, что право собственности или иное вещное право страхователя (выгодоприобретателя) было прекращено, либо что право собственности или иное вещное право страхователя (выгодоприобретателя) было ограничено правами иных лиц, вследствие чего страхователю (выгодоприобретателю) причиняется ущерб.

Конкретизация исследуемого вопроса, как уже было означено, необходима для обеспечения в должной мере механизма защиты прав и законных интересов страхователя и страховщика как сторон по договору страхования имущества и предполагает разрешение проблемы устранения ряда других дискуссионных вопросов и противоречий в страховой отрасли, таких как страхование риска утраты (гибели), недостачи и повреждения какого именно имущества подразумевается действующим гражданским законодательством, является ли титульное страхование отдельным видом страхования и др. Тем более, что действующее гражданское законодательство обладает всеми необходимыми предпосылками для успешного развития страховой отрасли [15, с. 205].

В заключение полагаем возможным отметить, что результаты, полученные в ходе настоящего исследования, могут послужить предметом дальнейших научных изысканий в сфере страхования имущества.

Список литературы

1. Анненков К. Н. Начала русского гражданского права. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. – 247 с.

2. Бикмуллина К. И. Объекты гражданских прав // *Colloquium-journal*. – 2019. – № 27 (51). – С. 195–197.
3. Бочкова С. С. К вопросу о роли страхового интереса в страховом обязательстве // *Образование и право*. – 2020. – № 4. – С. 413–417.
4. Быкова Н. Н. Сущность страхования и механизм реализации имущественного страхования на современном этапе // *Вестник НГИЭИ*. – 2016. – № 12 (67). – С. 139–144.
5. Вакулина Г. А. Страховой интерес как категория страхового права // *Известия БГУ*. – 2012. – № 6. – С. 102–106.
6. Досмаганова А. Д. Понятия «имущество» и «вещь» в гражданском праве // *Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан*. – 2009. – № 4 (16). – С. 78–81.
7. Корнев В. В. Понятие «вещь» // *Известия АлтГУ*. – 2003. – № 4. – С. 73–78.
8. Лион С. Е. Договор страхования по русскому праву. – М.: Печатня С. П. Яковлева, 1892. – 81 с.
9. Петров Н. В. Существенные условия договора титульного страхования // *Гуманитарные и юридические исследования*. – 2013. – № 3. – С. 61–64.
10. Степанов И. И. Опыт теории страхового договора. – Казань: Унив. тип., 1875. – 228 с.
11. Терехов Д. В. Понятие титульного страхования // *ОНВ*. – 2009. – № 2 (76). – С. 103–105.
12. Фогельсон Ю. Б. Страховое право: теоретические основы и практика применения. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 576 с.
13. Шеметова Н. Ю. Недвижимость как имущественный объект. Место недвижимости среди других вещей в гражданском праве // *Имущественные отношения в РФ*. – 2014. – № 8 (155). – С. 30–37.
14. Экзекова Л. М. Представительство в страховых правоотношениях // *Общество и право*. – 2023. – № 1 (83). – С. 133–138.
15. Экзекова Л. М. Страхование домашнего имущества в Германии и России как страхование совокупности вещей: правовые основы и судебная практика // *Юристъ-Правоведь*. – 2022. – № 3 (102). – С. 201–206.

References

1. Annenkov, K. N. (1900) *Nachala russkogo grazhdanskogo prava* [The beginnings of Russian civil law]. Saint-Peterburg.: Tipografiya M. M. Stasyulevicha. (In Russian).
2. Bikmullina, K. I. (2019) *Ob"ekty grazhdanskih prav* [Objects of civil rights]. *Colloquium-journal*. No. 27 (51). Pp. 195–197. (In Russian).
3. Bochkova, S. S. (2020) *K voprosu o roli strahovogo interesa v strahovom obyazatel'stve* [On the question of the role of insurance interest in an insurance obligation]. *Obrazovanie i pravo – Education and Law*. No. 4. Pp. 413–417. (In Russian).
4. Bykova, N. N. (2016) *Sushchnost' strahovaniya i mekhanizm realizacii imushchestvennogo strahovaniya na sovremennom etape* [The essence of insurance and the mechanism of realization of property insurance at the present stage]. *Vestnik NGIEI – Bulletin of NGIEI*. No. 12 (67). Pp. 139–144. (In Russian).
5. Vakulina, G. A. (2012) *Strahovoj interes kak kategoriya strahovogo prava* [Insurance interest as a category of insurance law]. *Izvestiya BGU – News of BSU*. No. 6. Pp. 102–106. (In Russian).
6. Dosmaganova, A. D. (2009) *Ponyatiya «imushchestvo» i «veshch'» v grazhdanskom prave* [The concepts of "property" and "thing" in civil law]. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan – Bulletin of the Institute of*

Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. No. 4 (16). Pp. 78–81. (In Russian).

7. Kornev, V. V. (2003) Ponyatie "veshch'" [The concept of "thing"]. *Izvestiya AltGU – News of Altai State University*. No. 4. Pp. 73–78. (In Russian).

8. Lion, S. E. (1892) *Dogovor strahovaniya po russkomu pravu* [Insurance contract under Russian law]. Moscow: Pechatnya S. P. Yakovleva. (In Russian).

9. Petrov, N. V. (2013) Sushchestvennyye usloviya dogovora titul'nogo strahovaniya [Essential conditions of the title insurance contract]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya – Humanitarian and legal studies*. No. 3. Pp. 61–64. (In Russian).

10. Stepanov, I. I. (1875) *Opyt teorii strahovogo dogovora* [The experience of the theory of the insurance contract]. Kazan': Univ. tip. (In Russian).

11. Terekhov, D. V. (2009) Ponyatie titul'nogo strahovaniya [The concept of title insurance]. *ONV – Omsk Scientific Bulletin*. No. 2 (76). Pp. 103–105. (In Russian).

12. Fogel'son, YU. B. (2012) *Strahovoe pravo: teoreticheskie osnovy i praktika primeneniya* [Insurance law: theoretical foundations and practice of application]. Moscow: Norma: INFRA-M. (In Russian).

13. Shemetova, N. YU. (2014) Nedvizhimost' kak imushchestvennyj ob"ekt. Mesto nedvizhimosti sredi drugih veshchej v grazhdanskom prave [Real estate as a property object. The place of real estate among other things in civil law]. *Imushchestvennyye otnosheniya v RF – Property relations in the Russian Federation*. No. 8 (155). Pp. 30–37. (In Russian).

14. Ekzekova L. M. (2023) Predstavitel'stvo v strahovyh. pravootnosheniyah [Representation in insurance legal relations]. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. No. 1 (83). Pp. 133–138. (In Russian).

15. Ekzekova, L. M. (2022) Strahovanie domashnego imushchestva v Germanii i Rossii kak strahovanie sovokupnosti veshchej: pravovye osnovy i sudebnaya praktika [Household property insurance in Germany and Russia as insurance of a set of things: legal foundations and judicial practice]. *Yurist-Pravoved – Lawyer-jurist*. No. 3 (102). Pp. 201–206. (In Russian).

Об авторе

Экзекова Лина Муссовна, соискатель, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия, ORCID ID: 0000–0002–7370–8339, e-mail: Lshayn@mail.ru

About the author

Lina M. Ekzekova, Applicant, St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000–0002–7370–8339, e-mail: Lshayn@mail.ru

Поступила в редакцию: 27.02.2024
Принята к публикации: 10.03.2024
Опубликована: 30.03.2024

Received: 27 February 2024
Accepted: 10 March 2024
Published: 30 March 2024

Ислам как основа государственности и правовой системы современных мусульманских стран

Н. С. Гавриленко¹, Д. И. Игнатенко^{1,2}

¹ Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Построение многополярного мира, сохранение национальной и государственной идентичности мусульманскими странами предопределили значимость проведения исследований о роли ислама в государственном управлении и правовом регулировании.

Проанализированы взаимосвязь ислама, государственности и правовых систем мусульманских стран, влияние религии на формирование и функционирование государственных органов, инструментариев правового воздействия – на поведение субъектов. Отмечено, что все отрасли права мусульманских стран испытывают прямое влияние ислама как официальной религии на все сферы общественных отношений.

Обоснован вывод о сохранении в современных условиях тенденции, направленной на усиление значимости соблюдения и применения религиозных (исламских) норм в формировании механизма мусульманских государств и содержании правовой системы (вне зависимости от формы правления). Определено, что функционирование государства и формирование права в мусульманских странах обусловлено религиозным характером государственной власти.

Ключевые слова: ислам, право, исламское государство, исламское право, религия, права человека, мусульманские страны.

Для цитирования: Гавриленко Н. С., Игнатенко Д. И. Ислам как основа государственности и правовой системы современных мусульманских стран // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 1 (75). – С. 90–106. DOI: 10.35231/18136230_2024_1_90. EDN: JVSMTW

Islam as the Basis of Statehood and the Legal System of Modern Muslim Countries

Nikita S. Gavrilenko¹, Dmitry I. Ignatenko^{1,2}

¹ Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics,
Saint-Petersburg, Russian Federation

² Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The construction of a multipolar world and the preservation of national and state identity by Muslim countries have predetermined the importance of conducting research on the role of Islam in public administration and legal regulation.

The interrelation of Islam, statehood and legal systems of Muslim countries, the influence of religion on the formation and functioning of state bodies, tools of legal influence on the behavior of subjects are analyzed. It is noted that all branches of law in Muslim countries are directly influenced by Islam as the official religion in all spheres of public relations.

The conclusion is substantiated about the preservation in modern conditions of a trend aimed at strengthening the importance of observance and application of religious (Islamic) norms in the formation of the mechanism of Muslim states and the content of the legal system (regardless of the form of government). It is determined that the functioning of the state and the formation of law in Muslim countries is determined by the religious nature of state power.

Key words: Islam, law, Islamic state, Islamic law, religion, human rights, Muslim countries.

For citation: Gavrilenko, N. S., Ignatenko, D. I. (2024) Islam kak osnova gosudarstvennosti i pravovoj sistemy sovremennyh musul'manskih stran [Islam as the Basis of Statehood and the Legal System of Modern Muslim Countries]. *Leningradskij yuridicheskiy zhurnal – Leningrad Legal Journal*, No. 1 (75). Pp. 90–106. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_1_90. EDN: JVSMTW

Введение

Тенденция приверженности государства и права религиозным нормам в мусульманских странах в XXI в. не только не сохранится, но и как отмечают аналитики, усилится. Рассматривая вопрос эволюции исламского права, в качестве характерной черты четвертого современного этапа (вторая половина XX в. – до наших дней) Б. Хашматулла называет «усиление тенденций исламизации и частичный возврат правовых систем некоторых исламских государств к традиционным истокам»¹.

При этом в отдельных исламских государствах отмечается восстановление ранее отмененных правил поведения, признанных правительством данного государства рудиментарными. Например, ярким примером возможного перехода к регрессному развитию равенства полов являются законы Афганистана, принятые в 2021–2022 гг., после прихода к власти организации «Талибан», запрещенной в Российской Федерации. Они не только не приняли акты, направленные на улучшение правового положения женщин, но и возвратили ряд ограничений. Например, в мае 2022 г. введено обязательное ношение хиджаба даже на государственной службе. Женщины, нарушающие данный закон, подлежат обязательному увольнению, в том числе их отцы, мужья, допустившие данное поведение².

Таким образом, в настоящее время актуальным к обсуждению является вопрос о роли ислама как основы государственности и правовой системы в современных мусульманских странах.

¹ Хашматулла Б. Эволюция исламского права: Теоретико-компаративистское исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Одесса, 2006. С. 62.

² Женщин в Афганистане обязали носить хиджабы [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220507/khidzhab-1787380764.html> (дата обращения: 08.02.2024).

Ислам как фундаментальный неприкосновенный источник государственной власти мусульманских стран в XXI в.

Независимо от формы правления конкретного исламского государства (монархии или республики) религиозные нормы признаются фундаментальным источником государственной власти и права. Принцип «подчинения деятельности исламского государства принципам исламского права» Х. Бехруз признает основополагающим при определении легитимности власти в исламском государстве [2, с. 67]. Указанный признак отличает механизм мусульманского государства от алгоритма построения и функционирования западных демократических правовых государств, признающих и гарантирующих выборность народа как базового принципа.

Приоритет ислама закреплен в положениях конституции (основного закона) государства, нормативно-правовых актах, регулирующих не только публичную, но и частную сферу. Мусульманские государства с такой демократичной формой правления, как республика, не только не отказываются от влияния религии на светское право, но и признают данный факт на конституционном и законодательном уровне. Как результат, в качестве нетипичной формы правления в юридической науке выделяют исламскую республику, подчеркивая тесную прямую взаимосвязь религии, государства и права. В конституциях Ирана (ст. 1 Конституции Исламской Республики Иран¹), Пакистана (ст. 1 Конституции Пакистана²) форма правления названных мусульманских стран обозначена как исламская республика. Как отмечает С. Е. Вылцан, в основном законе «каждой исламской

¹ Конституция Исламской Республики Иран [Электронный ресурс]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=83> (дата обращения: 02.02.2024).

² Конституция Исламской Республики Пакистан [Электронный ресурс]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=34> (дата обращения: 02.02.2024).

республики содержатся декларации о наличии государственной религии, которой является ислам того или иного толка, и, как следствие, об исламском характере государственной власти» [7, с. 52].

Соблюдение религиозных установок обеспечивается путем образования и функционирования органов, наделенных компетенцией осуществления текущего конституционно-религиозного контроля. Так, С. Е. Вылцан констатирует, что «наличие Наблюдательного совета, как органа, ведущую роль в котором имеют богословы, свидетельствует о существовании механизма реализации примата религиозных норм в законотворческой деятельности в Иране» [7, с. 53]. Все принятые меджлисом законопроекты должны направляться в Наблюдательный совет, который рассматривает их на предмет непротиворечия исламским нормам и Конституции Ирана. Если будет найдено противоречие указанным нормам, все материалы отправляются обратно в меджлис для повторного рассмотрения, если нет, они вступают в силу. По аналогии такой орган (Исламский совет) создан и в Пакистане. Основное предназначение данного совета заключается в осуществлении контроля соответствия государственных законов Пакистана религиозным нормам. При этом Исламский совет уполномочен указать путь выстраивания стройной логичной системы нормативно-правовых актов, основанной на религиозных источниках [6, с. 67]. Следует поддержать мнение С. Е. Вылцана о том, что «принцип непротиворечия законов религиозным нормам достигается посредством функционирования именно специализированных органов религиозно-конституционного контроля» [5, с. 18].

Влияние ислама на механизм мусульманского государства прослеживается не только в специфике системы органов власти, но и в требованиях, предъявляемых при

выборах или назначении на должность, прежде всего в наличии религиозного ценза к главам государства, нехарактерного для светских стран. Например, в ст. 23 Конституции Мавритании указано, что президентом данной республики может быть только мусульманин.

Таким образом, в исламских странах религия провозглашена как основа их государственности. Именно ислам определяет систему и структуру органов государства, их функциональную принадлежность, объем компетенции.

Ислам как основа правовой системы и концепции прав человека в современных мусульманских странах в XXI в.

В конституционных положениях закреплено, что, вне зависимости от сферы правового регулирования, все «законы и установления должны быть основаны на исламских нормах» (ст. 4 Конституции Исламской Республики Иран, ст. 227 Конституции Пакистан, ст. 1 Конституции Мавритании¹). Правовое регулирование любых общественных отношений в исламских государствах обосновывается религиозными нормами, в том числе выбор определенной модели социально-экономического развития. Например, в ст. 3 Конституции Ирана закреплено, что одной из задач правительства данного государства является построение «правильной и справедливой» экономики на основе исламских норм. Осуществление предпринимательской деятельности в исламских государствах осуществляется в соответствии с религиозными требованиями. В своем исследовании Амиров А. Т.-оглы обосновывает, что «граждане Ирана не только не могут производить некоторые банковские операции, сопряженные с нарушением запрета на ссудный процент, но также им запре-

¹ Конституция Исламской Республики Мавритании [Электронный ресурс]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=65> (дата обращения: 09.02.2024).

щено осуществлять торговлю отдельными категориями товаров, такими как алкоголь» [1, с. 114]. Подобные запреты в коммерческой деятельности характерны для большинства государств с мусульманской правовой системой. В то же время обязательность сопоставления религиозных и позитивных норм – достаточно непростая к решению задача, в частности в сфере гражданско-правовых отношений. Особенность исламского права заключается в создании превентивной системы надзора за поведением участников различных правоотношений, например, механизма «контроле ex ante – еще до их совершения» [13, с. 73]. Познавательным для имплементации в российскую правовую систему является создание специализированных советов (в исламских государствах – шариатских надзорных советов), основной целью функционирования которых является «предотвращение несовершенного правонарушения и определение правомерности, планируемой к заключению сделки» [13, с. 73], прежде всего на соответствие религиозным нормам. На положительный аспект регулирования публичных финансовых отношений в мусульманских странах нормами шариата обращает внимание Е. А. Рыжкова, указывая, что такой подход учитывает не только интересы государства, но и принцип социальной справедливости и благополучия граждан [11, с. 58].

Влияние ислама на правовое регулирование общественных отношений выражается в отрицании и неприятии западной модели прав человека, предложенной США и странами Западной Европы. Как отмечает А. Н. Верещак, на всем протяжении формирования мусульманской концепции прав человека «представители мусульманского сообщества упорно отстаивают свое видение мира исходя из правильности и обоснованности своего поведения как должного в рамках социокультурной действительности» [3, с. 68].

В мусульманских странах формируется собственная уникальная концепция о правах человека, основанная на признании приоритетности норм шариата. На современном этапе развития государств в условиях стремления к многополярности мира необходимо констатировать тот факт, что исламские государства формируют и поддерживают собственное («авторское») представление о системе прав человека, с учетом влияния религиозных норм на ее содержание путем принятия соответствующих исламских деклараций в данной сфере. Так, на территории государств – членов Организации исламского сотрудничества действует Каирская декларация о правах человека в исламе 1990 г.¹, Лиги арабских государств – Арабская хартия прав человека, принятая в 2004 г. и вступившая в силу в 2008 г.² В данных актах зафиксирована религиозная основа прав человека в исламских государствах.

В ст. 24 Каирской декларации о правах человека в исламе 1990 г. прямо предусмотрено, что «все права и свободы, оговоренные в настоящей Декларации, подчинены исламскому шариату», который является единственным источником для ссылок при объяснении или разъяснении любых статей настоящей Декларации (ст. 25). Принятие указанных международных актов отражает специфику развития исламских государств, подчинение положений концепции прав человека «религиозной специфике» [10, с. 15].

В то же время, сохраняя национальную и государственную идентичность, религиозные устои препятствуют проникновению в мусульманские страны прогрессивных принципов правового статуса личности. Так, специфика

¹ Каирская декларация о правах человека в исламе [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldislamlaw.ru/?p=2156> (дата обращения: 09.02.2024).

² Арабская хартия прав человека [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldislamlaw.ru/?p=134> (дата обращения: 12.02.2024).

исламской концепции прав человека отражается прежде всего на отрицании (или непризнании) принципа равноправия мужчины и женщины.

В странах исламского Востока правовое положение женщин формируется под одновременным воздействием и светских, и религиозных норм, при этом последние составляют основу первых. Исламская концепция прав человека основывается на понимании ограниченности и ущемленности правового положения женщин в обществе и государстве в сравнении со статусом мужчины в странах Ближнего Востока. Достаточно трудно в странах Ближнего Востока расширить возможности женщин как в социальной сфере, так и в политическом управлении.

Женщина-мусульманка не рассматривается как свободная и независимая личность. Такое положение женщины в настоящее время прослеживается по всем отраслям мусульманского права. Особенно ярким примером являются права женщины в семейных отношениях, именно начиная с момента рождения, девочкам прививали послушание и уважение мужчины как их главную обязанность.

Анализируя положение мусульманских женщин в странах Ближнего Востока, следует отметить, что у них отсутствуют практически все «низовые» социально-экономические права, в том числе связанные с предоставлением им квалифицированной медицинской помощи и защиты от семейного насилия.

Отдельные государства рассматривают женщин как объект сделок, например, в Афганистане распространен баад, т. е. искупление вины передачей дочери в качестве компенсации (Гражданский закон Афганистана¹). В Ираке для

¹ Гражданский Кодекс Афганистана [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.hse.ru/data/2017/12/26/1159840458/%D0%93%D0%9A%20%D0%90%D1%84%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%BD%D0%B0%201977.pdf> (дата обращения: 19.01.2024).

получения паспорта женщине потребуется разрешение родственника-мужчины (Закон Ирака о гражданстве¹).

В отличие от законодательства Ирака, Афганистана, Пакистана, Саудовской Аравии, в Объединенных Арабских Эмиратах осуществляется более либеральное правовое регулирование правового статуса женщин. Они вправе участвовать в деятельности правительственных организаций, даже служить в полиции, водить автомобиль. В иерархии государств Ближнего Востока ОАЭ по уровню защиты прав женщин среди арабских стран занимает 10-е место из 22-х, а среди стран мира, ОАЭ – 109-е место (из 148 стран) по уровню гендерного равенства².

Правовое положение мужчин в исламском мире изначально, исходя из религиозных и основанных на них светских законов, признается высшим и незыблемым, оказывающим непосредственное влияние на образ жизни женщин данного общества.

Таким образом, в региональных декларациях, принятых исламскими государствами, формируется собственная концепция прав человека, отличная от представлений западного мира.

Следует поддержать точку зрения современных исследователей о том, что в XXI в. не существует мусульманского права в чистом виде. В настоящее время данная правовая система представляет собой симбиоз норм религиозных и государственных, в том числе вводимых в результате влияния международного права других стран, но с сохранением незыблемого приоритета и позиций ислама [9, с. 70]. Особенность исламского права заключается в дуалистичности правового регули-

¹ Закон Ирака о гражданстве [Электронный ресурс]. URL: http://www.iraqinationality.gov.iq/attach/iraqi_constitution.pdf (дата обращения: 19.01.2024).

² Индекс гендерного равенства по версии ПРООН // Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/gender-equity-index-un/info> (дата обращения: 21.01.2024).

рования всех общественных отношений с приоритетом религиозных норм¹.

Все законодательные акты, принимаемые в мусульманских странах, должны иметь обоснование положениями ислама. Правовые системы исламских государств состоят из двух частей: первая непосредственно базируется на нормах шариата, вторая представляет собой блок светского права, созданного уполномоченными государственными органами. При этом обязательно соблюдать в процессе правотворческой деятельности доминирование религиозных источников в иерархии форм права страны и учитывать их в качестве фундаментального неотъемлемого базиса для создания иных норм позитивного права [8, с. 42].

В XXI в. ислам сохранит за собой правовую характеристику базового регулятора государственного устройства и моделей надлежащего поведения.

Ислам как вектор правового регулирования в современных мусульманских странах в XXI в.

Исламские государства неоднозначно реагируют на новации, связанные с цифровизацией общественных отношений и их легализацией. Религиозные установки и положения в отдельных случаях в мусульманских странах могут выступать препятствием для создания эффективных новейших механизмов правового регулирования новых общественных отношений.

В исламских странах Ближнего Востока и Азии, где действует мусульманская правовая система, отношение к цифровизации общественных отношений разное. В некоторых государствах, например, виртуальную валюту используют, а в других – активно запрещают, обосновывая свое решение религиозными нормами. Путем толкования

¹ Хашматулла Б. Указ. соч. С. 58.

норм шариата через доктринальные источники формируется отношение конкретного государства к инновационным достижениям цифровизации: от полного отказа или запрета до признания и поддержки на государственном уровне. При этом государства на первоначальном этапе могут, с учетом религиозного толкования, вводить запрет для внедрения инновационных достижений, но впоследствии констатировать их значимость и неизбежность для социально-экономического развития государства. Ярким примером является правовое регулирование цифровизации, осуществляемое в Египте. Законодатель (Дар аль-Ифта страны), с учетом религиозных соображений, установил запрет на оборот криптовалюты, придав операциям с биткоинами режим «харам». Впоследствии указанное правило было отменено. В противовес египетским взглядам в Индонезии биткоин охарактеризовали как «халяльный» инструмент и разрешили его использование в экономической системе страны. Положительный опыт правительства Индонезии переняли и другие исламские страны, легализовав (полностью или частично, с учетом религиозным учений) криптовалюту. В некоторых мусульманских странах эксперты утверждают, что крипто открывает новый путь для современной исламской экономики.

Исламское сообщество постепенно начинает использовать цифровой (виртуальный) мир и современные интернет-технологии. «Для мусульманского населения разработана уникальная программа Muslim Ocean – приложение для смартфонов в виде банковской системы. Мусульманам предоставляется право оформить специальную банковскую карту, работающую по законам исламского банкинга и отличающуюся от дебетовых карт. Предлагается и вторая вкладка для использования как виртуальной банковской карты, т. е. в виде банковского продукта» [4, с. 12].

Как видим, каждое исламское государство принимает самостоятельное решение о допуске достижений цифровизаций в общественные отношения, представляя собственное толкование религиозных норм в конкретной ситуации.

Следовательно, религиозные нормы в исламских государствах могут быть использованы как инструментарий, препятствующий внедрению новейших прогрессивных достижений в целях сохранения «изживших себя» устоев, так и средство, поддерживающее современные инновационные достижения и стимулирующее развитие права и законодательства мусульманских стран.

Ислам является не только религиозной основой морали и идеологии, но фундаментом для выстраивания нормативно-правовой базы в государстве.

В XXI в. ислам сохранит за собой характеристику как «идеологического, политического базиса социально-политического, государственного, экономического устройства исламского общества» [12, с. 358].

Влияние религии в современных мусульманских странах осуществляется как минимум по двум направлениям: в формировании государственного механизма, а также становлении и функционировании правовой системы.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

В условиях построения многополярного мира исламские государства сохраняют и соблюдают приоритет религиозных норм (ислама, его определенного течения) в становлении государственности и формирования светского права. Вне зависимости от формы правления (монархии или республики), в мусульманских странах ислам признается официальной религией, основой для всей нормативной правовой базы государств.

Конституционный контроль, реализуемый в исламских государствах, характеризуется как религиозный. Государственные органы, созданные по типу конструктивных судов стран с романо-германской правовой системой, проверяют законодательство мусульманской страны на соответствие не только Конституции, но и религиозным нормам. При этом противоречие светского права положениям ислама категорически не допускается.

В исламских государствах формирование уникальной концепции прав человека (отличной от западной модели) определяется наличием собственной системы ценностей, исходящей из категорий интересов Аллаха и интересов человека.

Проведенный анализ проблемы равенства мужчины и женщины в исламском Востоке еще раз позволяет сделать вывод о фундаментальном положении исламского права по отношению к позитивному праву, особенно по вопросам регулирования правового статуса личности.

Сохранение в XXI в. за исламом в мусульманских государствах функций регулятора общественных отношений позволяет сделать вывод, что западные традиции права и государственности не могут быть признаны универсальными и неотъемлемыми в отношении всех стран.

В современном мире ислам выступает основой в качестве официальной религии для определения национальной политики мусульманской страны, выстраивания государственного механизма и правовой системы.

Список литературы

1. Амиров А. Т.-оглы. Коммерческое право Исламской Республики Иран: понятие и источники // Хозяйство и право. – 2023. – № 9. – С. 113–123. EDN: XVPJTG
2. Бехруз Х. Исламское государство: классическая модель и современная интерпретация // Российский юридический журнал. – 2012. – № 2. – С. 62–68. EDN: OYNFRH
3. Верещак А. Н. Специфические черты реализации прав человека в исламских странах // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 8. – С. 67–70. EDN: PLPRLP

4. Володина Н. В. Противодействие проявлениям религиозного экстремизма на международном уровне с учетом реалий цифровизации современного общества XXI века // *Международное уголовное право и международная юстиция*. – 2020. – № 4. – С. 11–14. EDN: WPFHRN

5. Вылцан С. Е. Законодательная власть в Исламской Республике Иран. – М.: Проспект, 2023. – 175 с. EDN: TGSNZ

6. Вылцан С. Е. Правовое регулирование религиозно-конституционного контроля в Исламской Республике Иран // *Конституционное и муниципальное право*. – 2023. – № 5. – С. 65–69. EDN: BSXQET

7. Вылцан С. Е. Сравнительный анализ религиозных элементов конституций современных исламских республик // *Государственная власть и местное самоуправление*. – 2021. – № 12. – С. 52–55. EDN: TKZOQT

8. Кудинов В. В., Вылцан С. Е. Система источников права в Исламской Республике Иран // *Международное публичное и частное право*. – 2022. – № 2. – С. 41–44. EDN: CNBPDW

9. Михайлова О. Д., Молодчик А. В., Нагорная М. С. Мусульманское право, как разновидность религиозной правовой системы и его влияние на светскую правовую традицию западноевропейских стран в условиях глобализации // *Управление в современных системах*. – 2020. – № 1 (25). – С. 65–75. EDN: PTSYVW

10. Нечевин Д. К., Кирдяшова Е. В. Институт прав человека – философский взгляд // *Административное право и процесс*. – 2021. – № 9. – С. 11–26. EDN: ZXBBUJ

11. Рыжкова Е. А. Влияние шариата на формирование и развитие публичных финансов стран Арабского Востока // *Государственная власть и местное самоуправление*. – 2022. – № 9. – С. 57–60. EDN: RRODGE

12. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы / В. Ю. Артемов, Н. М. Бевеликова, Р. Г. Газизова и др.; под ред. В. И. Лафитского. – М.: ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2013. – Т. 3: Правовые системы Азии. – 704 с. EDN: RSHKQV

13. Тенберга И., Рудоквас А. Д., Примаков Д. Я. Правовая основа деятельности исламских банков // *Закон*. – 2021. – № 6. – С. 69–87. EDN: CJRQHU

14. Шахназаров Б. А. Правовое регулирование исламских финансовых инструментов в современных условиях // *Банковское право*. – 2021. – № 3. – С. 55–61. EDN: MHQZKM

References

1. Amirov, A. T.-ogly (2023) *Kommercheskoe parvo Islamskoj Respubliki Iran: ponyatie i istochniki* [Commercial law of the Islamic Republic of Iran: concept and sources]. *Hozyajstvo i pravo – Economics and law*. No. 9. Pp. 113–123. (In Russian). EDN: XVPJTG

2. Bekhruz, H. (2012) *Islamskoe gosudarstvo: klassicheskaya model' i sovremennaya interpretaciya* [The Islamic State: classical model and modern interpretation]. *Rossiiskij juridicheskij zhurnal – Russian Law Journal*. No. 2. Pp. 62–68. (In Russian). EDN: OYHFRH

3. Vereshchak, A. N. (2021) *Specificheskie cherty realizacii prav cheloveka v islamskih stranah* [Specific features of the realization of human rights in Islamic countries]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo – Constitutional and municipal law*. No. 8. Pp. 67–70. (In Russian). EDN: PLPRLP

4. Volodina, N. V. (2020) *Protivodejstvie proyavleniyam religioznogo ekstremizma na mezhdunarodnom urovne s uchedom realij cifrovizacii sovremennogo obshchestva XXI veka* [Countering manifestations of religious extremism at the international level, taking into account the realities of digitalization of modern society of the 21st century].

Mezhdunarodnoe ugovornoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya – International criminal law and international justice. No. 4. Pp. 11–14. (In Russian). EDN: WPFHRN

5. Vylcan, S. E. (2023) *Zakonodatel'naya vlast' v Islamskoj Respublike Iran* [Legislative branch in the Islamic Republic of Iran]. Moscow: Prospekt. (In Russian). EDN: TGSNZ

6. Vylcan, S. E. (2023) *Pravovoe regulirovanie religiozno-konstitucionnogo kontrolya v Islamskoj Respublike Iran* [Legal regulation of religious and constitutional control in the Islamic Republic of Iran]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. No. 5. Pp. 65–69. (In Russian). EDN: BSXQET

7. Vylcan, S. E. (2021) *Sravnitel'nyj analiz religioznyh elementov konstitucij sovremennyh islamskih respublik* [Comparative analysis of religious elements of the constitutions of modern Islamic republic's]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie – State power and local government*. No. 12. Pp. 52–55. (In Russian). EDN: TKZOQT

8. Kudinov, V. V., Vylcan, S. E. (2022) *Sistema istochnikov prava v Islamskoj Respublike Iran* [The system of sources of law in the Islamic Republic of Iran]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo – International public and private law*. No. 2. Pp. 41–44. (In Russian). EDN: CNBPDW

9. Mihajlova, O. D., Molodchik, A. V., Nagornaya, M. S. (2020) *Musul'manskoe pravo, kak raznovidnost' religioznoj pravovoj sistemy i ego vliyanie na svetskuyu pravovuyu tradiciyu zapadnoevropejskih stran v usloviyah globalizacii* [Muslim law, as a type of religious legal system and its influence on the secular legal tradition of Western European countries in the context of globalization]. *Upravlenie v sovremennyh sistemah – Management in modern systems*. No. 1 (25). Pp. 65–75. (In Russian). EDN: PTSYVV

10. Nechevin, D. K., Kirdyashova, E. V. (2021) *Institut prav cheloveka – filosofskij vzglyad* [Institute of Human Rights – Philosophical View]. *Administrativnoe pravo i process – Administrative law and process*. No. 9. Pp. 11–26. (In Russian). EDN: ZXBBUJ

11. Ryzhkova, E. A. (2022) *Vliyanie shariata na formirovanie i razvitie publichnyh finansov stran Arabskogo Vostoka* [The influence of Sharia on the formation and development of public finances in the Arab East]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie – State power and local self-government*. No. 9. Pp. 57–60. (In Russian). EDN: RRODGE

12. Lafitskij, V. I. (2013) (ed.) *Sravnitel'noe pravovedenie: nacional'nye pravovye sistemy* [Comparative law: national legal systems]. Moscow. EDN: RSHKQV

13. Tenberga, I., Rudokvas, A. D., Primakov, D. YA. (2021) *Pravovaya osnova deyatel'nosti islamskih bankov* [The legal basis for the activities of Islamic banks]. *Zakon – Law*. No. 6. Pp. 69–87. (In Russian). EDN: CJPQHU

14. SHahnazarov, B. A. (2021) *Pravovoe regulirovanie islamskih finansovyh instrumentov v sovremennyh usloviyah* [Legal regulation of Islamic financial instrument sinmodernconditions]. *Bankovskoe pravo – Banking law*. No. 3. Pp. 55–61. (In Russian). EDN: MHQZKM

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

70/30 %

Об авторах

Гавриленко Никита Сергеевич, аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-3364-2077, e-mail: gavrkita@gmail.com

Игнатенко Дмитрий Иванович, доктор юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, e-mail: idi13@yandex.ru

About the authors

Nikita S. Gavrilenko, Postgraduate student, Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0003-3364-2077, e-mail: gavrkita@gmail.com

Dmitry I. Ignatenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: idi13@yandex.ru

Поступила в редакцию: 20.02.2024

Принята к публикации: 10.03.2024

Опубликована: 30.03.2024

Received: 20 February 2024

Accepted: 10 March 2024

Published: 30 March 2024

Организационно-правовые основы формирования и применения национальных воинских подразделений в ходе мобилизационного развертывания вооруженных сил

С. Б. Глушаченко, С. А. Никонов, В. В. Демиденко

Мурманский арктический университет,
г. Мурманск, Российская Федерация

В статье дается анализ мобилизационного развертывания вооруженных сил нашей страны на протяжении различных исторических этапов ее существования. Изучена специфика практического выполнения мероприятий мобилизации в регионах и феномен создания национальных воинских формирований.

Проведено системное сравнение эффективности национальных воинских контингентов в различных условиях ведения боевых действий и изменения политической обстановки. Описаны исторические практики юридического регулирования самого механизма мобилизации.

Предложена принципиально новая концепция мобилизации и создания нового правового института, способствующего улучшению деятельности региональных органов власти и координации выполнения поставленных перед ними задач мобилизационного развертывания вооруженных сил.

Ключевые слова: этнос, многонациональность, национальные воинские формирования, мобилизация, мобилизационное развертывание, вооруженные силы, кавалерийские и стрелковые соединения, воинские части.

Для цитирования: Глушаченко С. Б., Никонов С. А., Демиденко В. В. Организационно-правовые основы формирования и применения национальных воинских подразделений в ходе мобилизационного развертывания вооруженных сил // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 1 (75). – С. 107–125. DOI: 10.35231/18136230_2024_1_107. EDN: HQKFAY

Organizational and Legal Basis for the Formation and Use of National Military Units During the Mobilization Deployment of the Armed Forces

Sergey B. Glushachenko, Sergey A. Nikonov, Vladimir V. Demidenko

Murmansk Arctic University,
Murmansk, Russian Federation

The study is devoted to the analysis of the mobilization deployment of the armed forces of our country during various historical stages of its existence. The specifics of the practical implementation of mobilization measures in the regions and the phenomenon of the creation of national military formations are studied.

The study conducted a systematic comparison of the effectiveness of national military contingents in various conditions of warfare and changes in the political situation. The historical practices of legal regulation of the mobilization mechanism itself are described.

A fundamentally new concept of mobilization and the creation of a new legal institution has been proposed to improve the activities of regional authorities and coordinate the implementation of the tasks assigned to them for the mobilization deployment of the armed forces.

Key words: ethnicity, multinationality, national military formations, mobilization, mobilization deployment, armed forces, cavalry and rifle formations, military units.

For citation: Glushachenko, S. B., Nikonov, S. A., Demidenko, V. V. (2024) Organizacionno-pravovye osnovy formirovaniya i primeneniya nacional'nyh voinskih podrazdelenij v hode mobilizatsionnogo razvertvyvaniya voozrzhennyh sil [Organizational and Legal Basis for the Formation and Use of National Military Units During the Mobilization Deployment of the Armed Forces]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*, No. 1 (75). Pp. 107–125. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_1_107. EDN: HQKFAY

Введение

Современными учеными ранее не проводилось исследование процесса создания и применения национальных воинских контингентов в ходе мобилизационного развертывания вооруженных сил, а также не уделялось достаточного внимания подробной историко-правовой оценке юридических аспектов призыва граждан национальных республик в ходе мобилизации.

Данная работа основана на научно-правовом изучении законодательного регулирования призыва граждан СССР в период Великой Отечественной войны и обобщении юридического опыта взаимодействия центральных органов исполнительной власти с региональными органами управления в вопросах механизма призыва граждан из состава национальных республик в период мобилизационного развертывания.

Актуальность создания и применения национальных воинских подразделений в ходе мобилизационного развертывания вооруженных сил

Преамбула к высшему нормативно-правовому акту Российской Федерации, закрепляющему основы государственного устройства нашей страны гласит, что мы являемся многонациональным народом, объединенным общей судьбой на своей земле, и должны сохранять исторически сложившееся государственное единство исходя из принципов равноправия и самоопределения народов на основе суверенной государственности, строяимой в соответствии с незыблемостью демократического правопорядка, с учетом исторической памяти предков, любви и уважения к Отечеству¹.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144. Ст. 2. Ст. 7.

Российская Федерация является многонациональным государством, объединяющим в себе более ста различных народов. На протяжении всего периода существования нашей родины исторический опыт не раз доказывал, что Россия может быть сильным государством и великой мировой державой лишь при объединении и консолидации всего населения.

4 ноября в Российской Федерации ежегодно отмечается День народного единства. Этот праздник символизирует победу объединившегося в ополчение народа под предводительством простого земского старосты Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского над польскими интервентами в 1612 г.

В 1917 г. вместо празднования Дня народного единства, олицетворяющего собой воцарение новой династии правителей, учреждают День Великой Октябрьской революции, празднование которого устанавливается ежегодно 7 ноября. По задумке руководства правящей коммунистической партии День Великой Октябрьской революции, также символизировал единство всех народов страны в борьбе с царским режимом.

В 2005 г. 4 ноября вносится в календарь как государственный праздник в числе праздничных дат воинской славы России под названием День народного единства¹.

Русский литературный критик, поэт и публицист прошлого века Николай Александрович Добролюбов в своих работах утверждал, что «Человек, ненавидящий другой народ, не любит и свой собственный» [1, с. 192–198].

Но, несмотря на верховенство права, гуманизма и борьбу за права и свободы, в современном мире, продолжают возникать новые межнациональные конфликты. Практически все вооруженные конфликты и войны на первых

¹ О внесении изменений в статью 112 Трудового кодекса Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2004 № 201-ФЗ // СЗ РФ. 03.01.2005. № 1. Ст. 27.

этапах своего развития начинаются с возникновения межэтнических разногласий и в дальнейшем прогрессируют на фоне разжигания агрессии одного этноса к законам и устоям другого. Возникновение межэтнической напряженности будет являться наиболее ярким и наглядным индикатором предстоящего вооруженного конфликта, способного повлечь за собой большое количество жертв среди военных и мирного населения.

В многочисленных исторических хрониках и архивах сохранились упоминания и документы, свидетельствующие о том, что еще 15 ноября 1929 г. японский военный атташе в Турции Кингоро Хасимото после посещения ряда дипломатических совещаний в Берлине настаивал на необходимости завоевания Кавказских республик Советского Союза путем разжигания национальной розни между коренными народами для последующего успешного развития запланированного военного наступления на СССР. В своих докладах он писал: «В этой стране можно поднять волнения, проповедуя создание Великой Армении и независимой Грузии, или же спровоцировать движение мусульман, или партизанское движение горцев» [2, с. 75–118].

Проведя большую аналитическую работу совместно со своими немецкими союзниками, японский Генеральный штаб к середине 1932 г. составил план подрывной деятельности, направленной против Советского Союза. В данном плане говорилось, что для скорейшего сокрушения СССР в предстоящей войне с началом ведения военных действий необходимо оказать поддержку негативно настроенному к советской власти местному населению Украины, Грузии и Азербайджана, а также организовать волнения и панику среди населения, не принимающего участия в беспорядках.

Подобной позиции активно придерживалось и новое немецкое фашистское правительство. В сохранившихся

стенограммах бесед рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера с послом Японии в Германии Хироси Осима говорилось, что совместно с немецкими контрразведывательными органами, объединенными в структуру «абвер», они проведут подрывную работу по разжиганию межнациональной розни и выражению открытого недовольства политикой Советского Союза среди местного населения Кавказа и Украины.

Готовясь к широкомасштабной войне на всем Европейском континенте, немецкое правительство еще с начала 1930-х гг. приступило к созданию агентурной сети по поддержанию деятельности национальных «пятых колонн», включавшей в себя дестабилизацию политического режима в странах, спланированных к предстоящему нападению. В 1938 г. при верховном штабе командования вооруженными силами Германии появляется новое министерство Абвер-заграница, которое и объединяет в себе управление деятельностью немецких резидентур в национальных меньшинствах стран противников.

В 1920–1930 гг. на Западной Украине осуществлялись широкомасштабные репрессии, в регион переселяется более 300 000 поляков, проводятся репрессии против украинского национализма, запрещается использование украинского языка. В таких условиях появляются украинские националистические движения, у истоков, зарождения которых стоит руководство Германии.

В 1940 г. руководство самопровозглашенной и непризнанной Украинской народной республики, в лице своего представителя – председателя совета народных министров Александра Яковлевича Шульгина, обращается к правительству США с меморандумом, который содержит в себе просьбу о содействии в расчленении территории России. В данном меморандуме содержался подробный план по образованию ряда буферных государств из состава западных границ России, которые в дальнейшем на-

всегда смогут отделить друг от друга два Европейских центра силы на континенте, Германию и Россию [3, с. 88–123].

Естественно, что и сейчас не только внешние угрозы, но и напряженность в отношениях между народами одной большой многонациональной страны, такой как Российская Федерация, могут повлечь за собой возникновение тяжелых последствий для всего государства в целом. В данной связи в свете проводимой СВО президент Российской Федерации В. В. Путин на расширенном заседании коллегии Министерства обороны, состоявшемся 21 декабря 2022 г., в очередной раз подчеркнул, что именно в единстве армии и народа сила нашей страны¹.

Защита своей страны является долгом и обязанностью каждого гражданина, что подлежит безусловному исполнению на основании указов и распоряжений президента Российской Федерации².

В ходе вооруженных конфликтов неизбежны потери среди противоборствующих сторон в людях и вооружении. В связи с этим, для компенсации затраченных ресурсов и получения преимущества над противником на вновь открывшемся театре военных действий, возникает дополнительная потребность привлечения новых военных контингентов, что влечет за собой необходимость использования незадействованных ресурсов государства путем проведения мобилизации.

В целях решения задач поддержания обороноспособности страны, а также защиты экономических и политических интересов государства президент Российской Федерации устанавливает порядок мобилизационного развертывания вооруженных сил, утверждает проведе-

¹ Расширенное заседание коллегии Министерства обороны Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.voenkom.ric.mil.ru/stati/item/457707/?ysclid=lyhjh73m-mw132313335>. (дата обращения: 27.01.2024).

² О мобилизации и мобилизационной подготовке в Российской Федерации: федер. закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 03.03.1997. № 9. Ст. 1014.

ние мобилизационных мероприятий в Российской Федерации посредством реализации указанных процессов федеральными органами исполнительной власти¹.

В 2022 г., после объявления президентом Российской Федерации частичной мобилизации², правительством Российской Федерации принято решение о создании региональных добровольческих подразделений в составе Министерства обороны. Само по себе это обстоятельство свидетельствует о формировании добровольческих подразделений по территориальному признаку (т. е. по принципу «землячества»), что на практике проведения СВО неоднократно подтвердило правильность и эффективность принятого решения³.

Реализация данного решения имеет ряд особенностей, ввиду того что действующим законодательством предусматривается осуществлять комплектование вооруженных сил по экстерриториальному принципу⁴.

С учетом специфики административно-территориального деления Российской Федерации и на основе имеющегося исторического опыта формирования и применения национальных воинских подразделений в годы Великой Отечественной войны, становится целесообразным создание законодательной правовой базы, регулирующей порядок формирования национальных воинских подразделений в ходе мобилизации. Учреждение подобного правового института требует соблюдения ряда специфических особенностей, национальных традиций и устоев населения в этнически однородных регионах, а также особого правового регулирования вза-

¹ Об обороне: федер. закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 03.01.2000. № 1. Ст. 6.

² Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 21.09.2022 № 647 // СЗ РФ. 26.09.2022. № 39. Ст. 6590.

³ Военное обозрение [Электронный ресурс]. URL: <https://www.topwar.ru/200037-nakonec-to-dobrovolcy-priznany-gosudarstvom.html?ysclid=lyqgplvwhg188699310>. (дата обращения: 27.01.24).

⁴ Об утверждении Руководства по комплектованию Вооруженных Сил Российской Федерации солдатами, матросами, сержантами и старшинами: приказ Министра обороны Российской Федерации от 16.01.2001 № 30 (ред. от 20.10.2016) // Российская газета. № 42, 27.02.2001.

имодействия субъектов внутри страны и с центральными федеральными органами власти Российской Федерации в период проведения мобилизации.

История Великой Отечественной войны сохранила в себе практический опыт формирования и применения национальных подразделений для защиты нашей родины. Термин «национальные воинские подразделения» впервые появился на законодательном уровне 13 ноября 1941 г., с момента вынесения Постановления Государственного Комитета Оборона (далее – ГКО) о создании национальных воинских частей и соединений в Красной армии. Немаловажную роль в принятии данного решения сыграл И. В. Сталин, знавший национальную специфику республик Советского Союза. Этому способствовал полученный Сталиным опыт руководства народным комиссариатом по делам национальностей, бессменно возглавляемый им с момента его образования 26 октября 1917 г. и вплоть до его упразднения 9 апреля 1924 г. [4, с. 246–251].

19 ноября 1941 г. на основании постановления ГКО № 894, возглавляемого на тот момент И. В. Сталиным, директивных указаний народного комиссара обороны СССР от 20 ноября 1941 г. № 3135, начинается формирование национальных стрелковых и кавалерийских воинских частей в Среднеазиатском военном округе. Обязанность их создания возлагалась на центральные комитеты коммунистических партий соответствующих союзных республик и областные военные комиссариаты¹.

В Средней Азии формировались национальные кавалерийские воинские части, что обуславливалось особенностями уклада жизни местного населения, не представлявшего свой быт в степных районах страны без лошадей.

Постановление совета народных комиссаров Узбекской ССР «Об утверждении мероприятий по финансированию

¹ Центральный архив Министерства обороны. Ф. 3613, оп. 1, д. 2, л. 3–7.

национальных воинских частей», инициированное Председателем совета народных комиссаров Узбекской ССР Абдуджабаром Абдуджабаровичем Абдурахмановым, обязывало выделить на формирование национальных частей денежные средства в сумме 21 580 000 р.

Согласно постановлению Совета народных комиссаров Туркменской ССР и Центрального Комитета коммунистической партии большевиков Туркмении от 15 декабря 1941 г. № 1193/109сс, гражданам, призванным в состав национальных воинских формирований Туркменской ССР, сохранялся средний заработок по месту прежней работы¹.

17 июля 1941 г. в соответствии с постановлением Центрального Комитета коммунистической пцартии большевиков Казахстана и Совета Министров Казахской ССР начинается формирование национальных воинских соединений в республике. Из них самыми крупными на территории Казахской ССР в годы Великой Отечественной войны являются 100-я и 101-я кавалерийские стрелковые дивизии. После ожесточенных боев на Ленинградском фронте 100-я дивизия потеряла три четверти своего личного состава, из-за чего утратила первоначанный колорит и перестала являться национальным воинским формированием уже к середине 1943 г. (табл. 1). Как и 100-я кавалерийская стрелковая дивизия 101-я также к началу 1943 г. по причине больших потерь личного состава утратила свой национальный статус (табл. 2).

Приказом командующего Среднеазиатским военным округом от 12 марта 1942 г. № 00232 определялось расформировать 100, 101 и 107 национальные кавалерийские стрелковые дивизий, а их личный состав и имущество передать на доукомплектование других национальных кавалерийских дивизий военного округа и формируемых национальных запасных кавалерийских полков по Особому плану.

¹ Центральный архив Министерства обороны. Ф. 56, оп. 12234, д. 123, л. 12–23.

Таблица 1

Динамика изменения численности личного состава 100-й Казахской национальной кавалерийской стрелковой дивизии в ходе Великой Отечественной войны (чел.)

Дата	Русские	Украинцы	Белорусы	Узбеки	Казахи	Татары	Коми	Всего
01.01.1943	1108	132	23	108	1753	82	4	3410
01.04.1943	2777	311	92	77	794	112	86	4521
01.07.1943	2515	311	60	86	734	95	75	4104

Таблица 2

Динамика изменения численности личного состава 101-й Казахской национальной кавалерийской стрелковой дивизии в ходе Великой Отечественной войны (чел.)

Дата	Русские	Украинцы	Белорусы	Азербайджанцы	Казахи	Татары	Всего
01.01.1943	352	88	16	1	1004	33	1579
01.04.1943	2877	394	41	133	1156	95	5163
01.07.1943	2873	331	53	143	1066	95	4960
01.01.1944	1787	229	76	20	543	61	2963

На основании приказа Ставки Верховного Главнокомандующего СССР от 25 марта 1942 г. № 0054 расформировывалась 102-я кавалерийская дивизия, а ее личный состав, техника, имущество и материальные средств передавались на доукомплектование выведенных с фронта воинских частей, понесших большие потери¹.

Данное обстоятельство свидетельствует, о том, что национальные воинские формирования, помимо их применения для ведения боевых действий, могут также являться мощным и хорошо подготовленным маневренным резервом

¹ Центральный архив Министерства обороны. Ф. 56, оп. 12236, д. 148, л. 17–48.

для воинских частей, ведущих активные боевые действия на наиболее важных и ответственных участках фронта.

Но интеграция национальных формирований в многонациональные воинские части имеет и ряд специфических трудностей, заключающихся в первую очередь в необходимости соблюдении традиций и религиозных воззрений каждого военнослужащего из состава национальных подразделений.

Так, в докладе прокурора СССР Виктора Михайловича Бочкова от 29 июня 1942 г., обобщающего в себе результаты установления причин побега из Красной армии 44 грузин и азербайджанцев, указывалось, что командиры подразделений имеют слабую подготовку и не понимают национальных обычаев и языка подчиненных. А именно, 27 мая 1942 г. работниками прокуратуры установлено, что причина побега десяти военнослужащих азербайджанцев из состава 626-го стрелкового полка заключалась в том, что командир роты заставил всех подчиненных в обязательном порядке брить усы, не зная национальных обычаев азербайджанского народа¹.

Лишь хорошее знание национальных традиций, умение ориентироваться в идеологических и нравственных устоях каждого народа страны позволит в полной мере сплотить все общественные слои населения в единой борьбе с врагом.

Из-за больших потерь в ходе Великой Отечественной войны многие национальные воинские формирования постепенно становились многонациональными. Однако еще в течение длительного времени после ее завершения продолжали существовать национальные воинские формирования Прибалтийских республик. Данное обстоятельство в большой степени обуславливалось политиче-

¹ Центральный архив Министерства обороны. Ф. 56, оп. 12234, д. 145, л. 61.

ской необходимостью борьбы с негативно настроенными подпольными организациями националистов.

С момента вхождения в состав СССР Прибалтийских республик, планировалось провести реорганизацию содержащихся в их составе национальных воинских формирований. Нарком обороны СССР Семен Константинович Тимошенко в своей директиве Военному Совету Прибалтийского военного округа № 0/2/105022 от 17 августа 1940 г. определял: «... существующие армии в Эстонской, Латвийской и Литовской ССР сохранить сроком на 1 год, очистить от неблагонадежных элементов и преобразовать каждую армию в стрелковый территориальный корпус. После чего территориальные корпуса заменить экстерриториальными, формируемыми на общих основаниях».

В течение 1940 г. советское военное командование предусматривало перейти на смешанный и многонациональный способы комплектования воинских частей Прибалтийских республик, но эти планы так и не удалось реализовать по причине начавшейся Великой Отечественной войны.

Директивой Народного Комиссариата Обороны, утвержденной И. В. Сталиным 25 сентября 1942 г. определялось сформировать 8-й стрелковый корпус в составе 249-й и 7-й Эстонской стрелковых дивизий.

В ходе боев на фронтах Великой Отечественной войны 13 солдат и офицеров Эстонии удостоены высшей награды СССР – звания Героя Советского Союза. Более 20 тыс. эстонцев за проявленную отвагу и героизм награждены орденами и медалями СССР.

Уже 3 декабря 1941 г. начинается формирование 201-й Латышской добровольческой стрелковой дивизии. В своей основе дивизия укомплектовывалась гражданами из числа курсантов Рижского пехотного училища, народной милиции, НКВД, а также добровольцев латышской национальности, проживающих в других регионах Совет-

ского Союза и военнослужащих, прибывающих из других воинских частей Красной армии.

С 20 октября 1942 г. 201-я стрелковая дивизия ведет бои на Северо-Западном фронте за «Демьянскую горловину». В ходе ожесточенных боевых действий дивизия потеряла убитыми 8024 чел., 24137 чел. ранеными и контуженными, а также 1421 военнослужащий дивизии пропал без вести и четыре попали в плен¹.

В 1943 г. существовала угроза потери национальной идентичности 201-й Латышской стрелковой дивизии, чего удалось избежать благодаря руководству коммунистической партии Латышской ССР и командования дивизии (табл. 3).

Применение национальных прибалтийских подразделений на Северо-Западном участке фронта на практике доказало эффективность и правильность принятого решения о создании подобных подразделений. С освобождением территории Прибалтийских республик от немецких войск, начинается формирование Латышского стрелкового корпуса, состоящего из двух дивизий.

Таблица 3
Динамика изменения численности национального состава 201-й Латышской стрелковой дивизии в ходе Великой Отечественной войны (чел.)

Дата	Русские	Украинцы	Белорусы	Евреи	Латыши	Татары	Мордва	Чуваши	Всего
01.01.1943	1896	153	114	535	2147	-	-	-	5009
01.04.1943	1794	129	73	361	1630	-	-	-	4284
01.07.1943	3835	155	65	624	2709	-	-	-	7747
01.01.1944	3648	157	67	702	3179	95	-	-	8110
01.07.1945	3745	165	76	664	3812	165	80	61	7976

¹ Информационная система «Память народа» Министерства обороны Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 27.01.24).

Таблица 4

Динамика изменения численности национального состава 16-й
Литовской стрелковой дивизии в ходе Великой Отечественной войны (чел.)

Дата	Русские	Украинцы	Белорусы	Евреи	Латыши	Татары	Литовцы	Всего
01.07.1943	2801	210	70	661	72	72	2536	7566
01.01.1944	1913	101	23	938	46	46	1579	4733
01.07.1944	1795	108	84	1134	52	52	1477	4724
01.07.1945	1886	63	7	439	18	18	5269	6722

Так, 16-я Литовская стрелковая дивизия и отдельный Литовский запасной батальон формировались в период с 28 декабря 1941 г. по 1 мая 1942 г. из граждан Литвы и литовцев, проживавших во всех союзных республиках СССР. В ходе освобождения оккупированных территорий Прибалтийских республик, в ряды Красной армии вступает все больше и больше прибалтов, неизбежно верящих в скорую и неминуемую победу СССР над фашистской Германией (табл. 4).

После завершения Великой Отечественной войны принято решение о расформировании 16-й Литовской стрелковой дивизии и создание из нее 44-й отдельной Литовской стрелковой бригады. Но уже в 1950 г., по причине возросшего сопротивления националистических подпольных организаций вновь разворачивается 16-я Литовская стрелковая дивизия, которая впоследствии просуществовала вплоть до 1954 г.¹

В целях реализации Постановления Центрального Комитета коммунистической партии большевиков Эстонии и Совета народных комиссаров Эстонской ССР, личный состав

¹ Центральный архив Министерства обороны. Ф. 56, оп. 12216, д. 8, л. 6–19.

дивизии пожертвовал 2265 605 р. на строительство национальной Эстонской авиаэскадрильи «Азуя» и 736540 р. – на национальную танковую колонну «Лембита»¹.

В соответствии с приказом Главного политического управления РККА от 14 июля 1942 г. № 0228 в структуру 249-й Эстонской стрелковой дивизии включается дополнительная должность переводчика, предусматривающая соответствующий уровень владения русским и эстонским языками.

Проводимая работа военным ведомством в скором времени дала свои положительные результаты. После освобождения советской территории от фашистских войск вблизи города Великие Луки в январе 1943 г., на бывших немецких позициях обнаружены агитационные листовки на эстонском языке, адресованные офицерам и солдатам 7-й и 249-й Эстонских стрелковых дивизий. Найденные листовки содержали большое количество орфографических ошибок и вызывали лишь смех читавших их солдат².

Заключение

Благодаря верно выбранному партийно-политическому курсу руководством страны в отношении национальных меньшинств Советского Союза удалось достичь высоких результатов и не проиграть Германии идеологическую борьбу за умы малочисленных народов Советского Союза.

Положительный опыт применения национальных воинских формирований в условиях усиливающегося политического влияния завершающего этапа Великой Отечественной войны сыграл решающую роль в принятии Центральным Комитетом партии Постановления о предоставлении дополнительных полномочий союзным республикам в области обороны и внешних сношений на январском Пленуме 1944 г. После чего на 10-й сес-

¹ Центральный архив Министерства обороны. Ф. 56, оп. 12238, д. 158, л. 17.

² Там же. Ф. 56, оп. 12234, д. 196, л. 41.

сии Центральным Комитетом партии утвержден новый закон «О создании войсковых формирований союзных республик и о преобразовании Народного комиссариата Обороны из общесоюзного в союзно-республиканский народный комиссариат».

За принятием вышеназванного закона последовало внесение изменений в Конституцию СССР, предусматривающих дополнение ее ст. 18-б, в соответствии с которой каждая советская республика обладала правом создавать республиканские национальные формирования и регулировать порядок их образования [5, с. 384–401].

Руководству Красной армии предписывалось в приоритетном порядке направлять часть призывного контингента на укомплектование национальных воинских формирований. Но само количество формирований не увеличивалось и являлось весьма незначительным. Данный факт дополнительно подтверждает, что правительство СССР в своей политике учитывало практически все национальные особенности народов страны.

Несмотря на возросшие полномочия союзных республик по созданию и содержанию в своем составе национальных воинских подразделений, с течением времени они все также постепенно становились многонациональными. Очевидно, что данное решение в большей мере носило лишь политический характер, так как новые национальные части не создавались, а оставшиеся прибалтийские требовались лишь для укрепления советской власти в данном регионе. Как только руководству страны удалось ликвидировать националистическое подполье в Прибалтийских республиках, необходимость в их существовании отпала, и они были упразднены.

На основании проведенного научного исследования целесообразно прийти к выводу, что Советским государством в ходе Великой Отечественной войны использо-

вался как собственный опыт проведения мобилизации, так и наработки предшествующего Временного правительства и монархов.

Рассматривая исторические результаты проведения мобилизационного развертывания вооруженных сил нашей страны в различные эпохи ее существования, становится очевидно, что для улучшения деятельности региональных органов власти и координации выполнения поставленных перед ними задач, необходимо учреждение нового правового института в общей системе мобилизационного развертывания. Подобный федеральный орган объединил бы в себе функции юридического регулирования аспектов мобилизации и порядок создания национальных воинских контингентов.

Список литературы

1. Белинский В. Г., Чернышевский Н. Г., Добролюбов Н. А., Писарев Д. И. Литературная критика. – М.: Олимп, 2002. – С. 192–198.
2. Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я. Международный процесс главных японских военных преступников. – М.: Академия наук СССР, 1950. – С. 75–118.
3. Подпрятков Н. В. Национальные воинские формирования народов Советского Союза в СССР и в фашистской Германии в годы второй мировой войны. – Пермь: Пермский государственный университет, 2006. – С. 88–123.
4. Горьков Ю. А. Государственный комитет обороны постановляет (1941–1945). – М.: Олма-Пресс, 2002. – С. 246–251.
5. Бобылев П. Н., Липицкий С. В., Монин М. Е., Панкратов Н. Р. Великая Отечественная война: Вопросы и ответы. – М.: Политиздат, 1984. – С. 384–401.

References

1. Belinskij, V. G., Chernyshevskij, N. G., Dobrolyubov, N. A., Pisarev, D. I. (2002) *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. Moscow: Olimp. (In Russian).
2. Raginskij, M. YU., Rozenblit, S. YA. (1950) *Mezhdunarodnyj process glavnyh yaponskih voennyh prestupnikov* [The international trial of the main Japanese war criminals]. Moscow: Akademiya nauk SSSR. Pp. 75–118. (In Russian).
3. Podpryatov, N. V. (2006) *Nacional'nye voinskie formirovaniya narodov Sovetskogo Soyuzo v SSSR i v fashistskoj Germanii v gody vtoroj mirovoj vojny* [National military formations of the peoples of the Soviet Union in the USSR and in Nazi Germany during the Second World War]. Perm': Permskij gosudarstvennyj universitet. Pp. 88–123. (In Russian).

4. Gor'kov, YU. A. (2002) *Gosudarstvennyj komitet oborony postanovlyaet (1941–1945)* [The State Defense Committee decides (1941–1945)]. Moscow: Olma-Press. Pp. 246–251. (In Russian).

5. Bobylev, P. N., Lipickij, S. V., Monin, M. E., Pankratov, N. R. (1984) *Velikaya Otechestvennaya vojna: Voprosy i otvety* [The Great Patriotic War: Questions and Answers]. Moscow: Politizdat. Pp. 384–401. (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
35/30/35 %

Об авторах

Глушаченко Сергей Борисович, доктор юридических наук, профессор, Мурманский арктический университет, г. Мурманск, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9499-0081, e-mail: professor_p@list.ru

Никонов Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, Мурманский арктический университет, г. Мурманск, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-2523-7365, e-mail: snikonov-77@mail.ru

Демиденко Владимир Владимирович, аспирант, Мурманский арктический университет, г. Мурманск, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-3712-2209, e-mail: demidenkva@mail.ru

About the authors

Sergey B. Glushachenko, Dr. Sci. (Law), Professor, Murmansk Arctic University, Murmansk, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9499-0081, e-mail: professor_p@list.ru

Sergey A. Nikonov, Dr. Sci. (History), Associate Professor, Murmansk Arctic University, Murmansk, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-2523-7365, e-mail: snikonov-77@mail.ru

Vladimir V. Demidenko, Postgraduate student, Murmansk Arctic University, Murmansk, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0005-3712-2209, e-mail: demidenkva@mail.ru

Поступила в редакцию: 31.01.2024
Принята к публикации: 15.02.2024
Опубликована: 30.03.2024

Received: 31 January 2024
Accepted: 15 February 2024
Published: 30 March 2024

Методология правового регулирования в сфере предотвращения ядерного терроризма

А. Н. Метельков

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Целью статьи является выработка правовых взглядов на правовое регулирование предотвращения угроз актов ядерного терроризма.

Актуальность исследования проблемы правового регулирования воздействия государства на отношения в сфере противодействия ядерному терроризму, с учетом новых сведений о фактах нападений в 2022–2023 г. на российские АЭС в период проведения специальной военной операции, требует корректировки представлений о методологическом подходе к правому регулированию предотвращения актов ядерного терроризма и минимизации их возможных социальных, государственно-правовых и экологических последствий возможно для нескольких поколений граждан.

В результате анализа теоретических подходов к пониманию методологии раскрывается смысловое содержание методологии правового регулирования предотвращения актов ядерного терроризма. В статье акцентировано внимание на том, что в основе методологии предотвращения государством и обществом угроз актов ядерного терроризма должна лежать методология юридической науки. Основным результатом является разработка авторского определения методологии правового регулирования противодействия ядерному терроризму и раскрытие ее содержания.

Ключевые слова: методология, правовое регулирование, предотвращение, акты ядерного терроризма.

Для цитирования: Метельков А. Н. Методология исследования правового регулирования предотвращения актов ядерного терроризма // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 1 (75). – С. 126–137. DOI: 10.35231/18136230_2024_1_126. EDN: OIAYXT

Methodology of Legal Regulation in the Field of Prevention of Nuclear Terrorism

Alexander N. Metelkov

Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation

The purpose of the article is to develop legal views on the legal regulation of preventing threats of acts of nuclear terrorism.

Relevance the study of the problem of legal regulation of the state's impact on relations in the field of countering nuclear terrorism, taking into account new information about the facts of attacks on Russian nuclear power plants in 2022–2023 during a special military operation, requires an adjustment of ideas about the methodological approach to legal regulation of preventing acts of nuclear terrorism and minimizing their possible social, state-legal and environmental consequences, several generations of citizens.

As a result of the analysis of theoretical approaches to understanding the methodology, the semantic content of the methodology of legal regulation of the prevention of acts of nuclear terrorism is revealed. The article focuses on the fact that the methodology of preventing threats of nuclear terrorism by the state and society should be based on the methodology of legal science. The main result is the development of the author's definition of the methodology of legal regulation of countering nuclear terrorism and the disclosure of its content.

Key words: methodology, legal regulation, prevention, acts of nuclear terrorism.

For citation: Metelkov, A. N. (2024) Metodologiya issledovaniya pravovogo regulirovaniya predotvrashheniya aktov yadernogo terrorizma [Methodology of Legal Regulation in the Field of Prevention of Nuclear Terrorism]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (75). Pp. 126–137. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_1_126. EDN: OIAYXT

Введение

Одной из важных задач любого теоретического исследования является разработка методологии. Методология как учение о способах научного познания обеспечивает исследователя познавательными инструментами для проведения теоретических изысканий. Теоретико-методологические основы позволяют глубже уяснить социально-политическую и правовую сущность воздействия на общественные отношения, складывающиеся по поводу ядерного терроризма как деструктивного для общества феномена. Правовое регулирование предотвращения и минимизации последствий актов ядерного терроризма охватывает не только экономическую, политическую и социальную функции государства, но и практически все его внутренние обязательства.

В случае с научной проблемой познания влияния и воздействия ядерного терроризма на государство и право, и наоборот, государства и права на соответствующие общественные отношения, востребованность методологии существует объективно. Исследование проблемы воздействия государства, общества и права на ядерный терроризм и его последствия с учетом новой научной информации о фактах нападений в 2022–2023 гг. на российские АЭС приобретает противоречивый описательный характер, который необходимо скорректировать с помощью нового методологического подхода к проблеме правового регулирования предотвращения ядерного терроризма и минимизации его возможных социальных и экологических последствий. Такой подход позволит оценить современное состояние теоретико-правовой проблематики взаимного воздействия угрозы ядерного терроризма на государство и право, а также государства и права на регулирование общественных отношений и поведения людей при таких угрозах. Сущность, цели и ценности

тесно увязываются юриспруденцией в формулировании понятия актов ядерного терроризма.

Методология правового регулирования

Методология является интегральным руководством в осмыслении и познавательным стержнем всякого исследования [1, с. 85], обеспечивает исследователя познавательными инструментами для проведения теоретических изысканий.

На рубеже XX–XXI вв. возросла вероятность использования в политических целях транснациональными террористическими структурами и различными негосударственными субъектами расщепляющихся материалов, представляющих катастрофогенную угрозу государству в социально-политическом, экологическом, правовом аспекте. Влияние на вызревание общественного сознания по отношению к ядерному феномену в современный период актуально, обладает «новизной и имеет серьезные методологические особенности» [2, с. 131]. Методология юридической науки, теории катастроф, систем и деятельности служит базой анализа государственно-правовых явлений предотвращения актов ядерного терроризма.

Методологию как философское понятие и учение о научном методе вообще или о методах, применяемых в отдельных науках, рассматривают с помощью множества разнообразных подходов, в частности как учение о «структуре, логической организации, методах и средствах деятельности» [3], «принципах построения, формах и способах» [4, с. 22] и «методах, приемах»¹ научного познания, «методах, способах познания закономерностей права и их использования в практической деятельности» [5, с. 14–18], а также как «сами методы» [6, с. 24–25] позна-

¹ Честнов И. Л. Теория государства и права: учебное пособие. Ч. 1. Теория государства. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юрид. институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. С. 6.

ния. Методологию представляют и как совокупность «методов познания» [7, с. 46], «методов, приемов исследования, применяемых в науке; учение о методе познания и преобразования мира»¹, «определенных теоретических принципов, логических приемов и специальных методов (способов) исследования» [8, с. 116]. Оригинальный подход к пониманию методологии представил А. А. Борщ, который методологию политической борьбы определяет в качестве «силы и средства политической борьбы»². Полагаем такой подход методологически некорректным ввиду смешения субъектов и средств с методологией как совокупностью методов. В исследовании правового регулирования предотвращения угроз ядерного терроризма методология нами рассматривается в русле представлений «о методах, направленных на разработку и совершенствование системы приемов, способов научного познания» [9].

Методология правового регулирования предотвращения ядерного терроризма

В исследовании ядерного терроризма можно выделить два методологических подхода естественно-научный и социально-научный, юридический. С нашей точки зрения, верно утверждение Ю. А. Тихомирова о доминировании «нормативного подхода к регулированию общественных отношений без глубоких аналитических и прогнозных расчетов и предвидения результатов действия права» [10, с. 1]. Следствием отставания такого регулирования в регулировании на социальные изменения является слабая эффективность регулирования социально-политических процессов и многочисленные поправки в законодатель-

¹ Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права: учеб. М.: Проспект, 2011. С. 23.

² Борщ А. А. Политическая борьба как инструмент формирования среды обитания национальной безопасности государства в условиях глобализации: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04. М. 2014. С. 27.

ство. Например, в Федеральный закон «О противодействии терроризму» изменения с 2006 г. вносились свыше двадцати раз. Существование различных подходов к пониманию ядерного терроризма можно объяснить многогранностью элементов объективной действительности и ограниченностью теорий, которые «приводят к тому, что один и тот же "участок действительности" может ...объясняться одновременно несколькими теориями» [11, с. 100]. Однако все эти теории могут быть правомерными.

Акты ядерного терроризма как террористические проявления изучаются целым рядом естественно-научных и гуманитарных дисциплин, характерным признаком которых является социальная направленность их результатов. Аргумент о невозможности использования научных методов в социальной сфере из-за существующего разнообразия взглядов на проблемы, методы, принципы и терминологию на самом деле – один из сильнейших доказательств в пользу такого использования [12, с. 480]. Однако в основе методологии предотвращения государством и обществом угроз актов ядерного терроризма должна лежать именно методология юридической науки. Методология права непосредственно не предназначена для решения отличающихся междисциплинарной сутью и глубиной научных задач. Она формирует концептуальные основы исследования, обеспечивая нахождение актуальных подходов, методов, приемов и способов постижения объемного содержания явлений правовой действительности, в единстве внутренних связей и тенденций закономерного развития правовых явлений. Вполне правомерно утверждение М. Б. Колоткова о множественности взглядов на понимание термина «методология» на всем протяжении развития юридической науки, существенные различия в которых проявились «в конце XX – начале XXI в.» [13, с. 171].

В контексте дискуссий по поводу содержания методологии и ее функций, возможности выделения в отдельную науку, появляется необходимость определения методологии правового регулирования предотвращения ядерного терроризма, основывающейся на общенаучном подходе. Специфика правового регулирования предотвращения угроз ядерного терроризма обуславливает акценты в методологии на ее теоретико-мировоззренческом компоненте. В. Гейзенберг сделал вывод, что применение научных методов «...изменяет предмет познания, вследствие чего сам метод уже не может быть отстранен от предмета исследования...» [14, с. 304]. Разделяя мнение Нобелевского лауреата, отметим, что предотвращение терроризма как объект правового регулирования обладает динамичным своеобразием, отражаясь на правовых явлениях, связанных с актами ядерного терроризма.

Методология правового регулирования предотвращения ядерного терроризма включает следующие составляющие: методы исследований и анализа воздействия правовых средств на социальные отношения при угрозе ядерного терроризма в условиях влияния радиоактивности на окружающую среду и человека; методы анализа и обоснования правовых мер безопасности; методы и средства правового регулирования радиационного мониторинга территорий и радиационной разведки при угрозе и возникновении чрезвычайной ситуации; методы правового регулирования организации и функционирования систем комплексной защиты ядерных объектов; методы правового регулирования координации взаимодействия государственных систем в обеспечении различных видов безопасности в условиях радиологических угроз; методы правового регулирования минимизации последствий актов ядерного терроризма; методы правового регулирования предотвращения и пресечения его актов.

Результаты исследования приводят нас к выводу, что методология предотвращения ядерного терроризма означает феномен, объединяющий не только методы юридической науки, но и совокупность методов различных технических (ядерная физика и технологии, ядерная энергетика, ядерные установки и материалы, радиационная безопасность и др.) и гуманитарных наук (социологии, политологии, юриспруденции и психологии), а также находящиеся в процессе образования полемологии, конфликтологии, террорологии, вайленсологии, секьюритологии и виктимологии.

В результате исследования предлагается авторское определение методологии правового регулирования предотвращения ядерного терроризма как совокупности особых приемов, способов, принципов и методов, направленных на изучение государственно-правовых явлений в сфере предотвращения актов ядерного терроризма и минимизации их последствий, ориентирующих воздействие государства на общественные отношения на основе комплексного межведомственного подхода с помощью юридических средств с целью их упорядочивания.

Особенности рассматриваемой методологии проявляются в сочетании и системном взаимодействии ее структурных элементов. На основе Конвенции нами предложено толкование ядерного терроризма в узком и широком смысле, включающем ядерный терроризм в узком смысле и радиационный (радиологический) терроризм [15]. Методологически такой подход закладывает теоретическую основу комплексного метода решения государством как основным субъектом правового регулирования общественных отношений в ядерной сфере задач в рамках гибкой интегрированной системы предотвращения и противодействия.

Правильное использование методологии в исследованиях является залогом успеха достоверности искомого результата – выводов и рекомендаций. В научных и научно-практических исследованиях отдельно взятый метод применяется редко, поэтому субъект исследования использует методологию – «выбранную совокупность методов для решения поставленной задачи» [16, с. 26]. Разделяя выводы о том, что постнеклассическая научная рациональность детерминирует активные поиски новых методологических подходов представителями отечественного правоведения, полагаем, что одним из базовых направлений таких поисков выступает современный уровень междисциплинарности правовых исследований.

Заключение

В результате исследования приходим к следующим выводам:

1. Форма законодательного отражения взаимопроникновения ядерного и радиационного терроризма, основанного на общности отдельных последствий их физико-химического и радиобиологического воздействия на окружающую среду и человека, позволяет государству как основному субъекту противодействия угрозам актов ядерного терроризма обеспечить правовое регулирование общественных отношений и поведение людей с социально полезной целью предотвращения этих угроз и минимизации их возможных последствий.

2. Сущностью предлагаемого методологического подхода к предотвращению угроз актов ядерного терроризма является регулирование с использованием системы юридических средств общественных отношений, направленное на интеграцию усилий государства и общества, граждан в формировании единого подхода к предотвращению угроз таких актов и минимизации их последствий.

Правовое регулирование как одна из основных категорий теории права представляется правоведами в качестве воздействия на общественные отношения при помощи правовых средств, о которых в теории не сформировано устоявшихся представлений.

Правовая природа актов ядерного терроризма явилась основой предложенного в данной статье методологического подхода, суть которого заключается в рассмотрении понятия «ядерный терроризм» в широком смысле, которое охватывает определение «радиационный терроризм». Такой подход служит теоретической организационно-правовой платформой для развития государственной системы предотвращения и противодействия угрозе актов ядерного терроризма, которая из потенциальной, маловероятной превратилась в реальную.

Список литературы:

1. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – М., 2000. – 560 с.
2. Комлева Е. Ядерные проблемы социального существования // Север промышленный. – Октябрь. 2009.
3. Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 1633 с.
4. Павленок П. Д. Методология научного исследования как ядро философии социальных наук // Вестник МГГЭУ. – № 4. – 2014. – С. 22–29.
5. Казимирчук В. П. Право и методы его изучения. – М.: Юрид. лит., 1965. – 204 с.
6. Лукич Р. Методология права. – М.: Прогресс, 1981. – 304 с.
7. Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А. Проблемы теории государства и права. – М.: Эксмо, 2005. – 824 с.
8. Шабалин В. А. Методологические вопросы правоведения. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1972. – 226 с.
9. Сырых В. М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1: Элементный состав. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юстицинформ, 2001. – 528 с.
10. Правовые модели и реальность: монография / О. А. Акопян, Н. В. Власова, С. А. Грачева и др.; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. Е. Рафалюк, Н. И. Хлуденева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2014. – 280 с.
11. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – 4-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

12. Loevinger L. Jurimetrics-The Next Step Forward // *Minnesota Law Review*. – 1949. – Vol. 33. – № 5. – Pp. 455–493.

13. Колотков М. Б. Методологические основы исследования конфликтной модели «Терроризм – государство» периода второй половины XIX – начала XX в. // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 11. – С. 170–178. EDN: HSULSF

14. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. – М: Прогресс, 1987. – 366 с.

15. Метельков А. Н. О соотношении понятий ядерного и радиационного терроризма как преступлений международного характера // Мир юридической науки. – 2014. – № 3. – С. 64–77.

16. Комаров И. М. Метод научного познания и его место в криминалистической методологии // Философия права. – 2022. – № 2. – С. 26–29.

References

1. Kerimov, D. A. (2009) *Metodologija prava (predmet, funkcii, problemy filosofijip rava)* [Methodology of law (subject, functions, problems of philosophy of law)]. Moscow. (In Russian).

2. Komleva, E. (2009) *Jadernye problem social'nogo sushhestvovaniya* [Nuclear problems of social existence] *Sever promyshlennyj – The industrial NORTH magazine*. – *Oktjabr'* (In Russian).

3. Prokhorov, A. M. (1989) (ed.) *Sovetskij enciklopedicheskij slovar'* [The Soviet Encyclopedic dictionary]. 4th ed. Moscow: Sovetskaya enciklopediya. (In Russian).

4. Pavlenok, P. D. (2014) *Metodologija nauchnogo issledovaniya kak jadro filosofii social'nyh nauk* [Methodology of scientific research as the core of the philosophy of social sciences]. *Vestnik MGGJeU – Vestnik of Moscow state institute of humanities and economics*. No. 4. Pp. 22–29. (In Russian).

5. Kazimirchuk, V. P. (1965) *Pravo i metody ego izuchenija* [Law and methods of its study]. Moscow: Jurid. lit. (In Russian).

6. Lukich, R. (1981) *Metodologija prava* [Methodology of law]. Moscow: Progress. (In Russian).

7. Golovistikova, A. N., Dmitriev, Ju. A. (2005) *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the theory of state and law]. Moscow: Jeksmo. (In Russian).

8. Shabalin, V. A. (1972) *Metodologicheskie voprosy pravovedeniya* [Methodological issues of jurisprudence] Saratov, Izd-voSarat. un-ta. (In Russian).

9. Syryh, V. M. (2001) *Logicheskie osnovaniya obshhej teorii prava* [Logical foundations of the general theory of law]. In 2 vols. Vol. I. Elemental composition. 2nd ed. Moscow: Justic in form. (In Russian).

10. Akopjan, O. A., Vlasova, N. V., Grachevai, S. A. i dr. (2014) *Pravovye modeli real'nost': monografija* [Legal models and reality: monography]. Eds. Ju. A. Tihomirov, E. E. Rafaljuk, N. I. Hludeneva. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: INFRA-M. (In Russian).

11. Lejchik, V. M. (2009) *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology: subject, methods, structure] 4th ed. Moscow: LIBROKOM. (In Russian).

12. Loevinger, L. (1949) Jurimetrics-The Next Step Forward. *Minnesota Law Review*. Vol. 33. No. 5. Pp. 455–493.

13. Kolotkov, M. B. (2016) *Metodologicheskie osnovy issledovaniya konfliktnoj modeli «Terrorizm – gosudarstvo» perioda vtoroj poloviny XIX – nachala XX v* [Methodological foundations of the study of the conflict model "Terrorism – the state" of the period of the second half of the XIX – early XX century]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. No. 11. Pp. 170–178. (In Russian).

14. Gejzenberg, V. (1987) *Shagi za gorizont* [Steps beyond the horizon]. Moscow: Progress. (In Russian).

15. Metel'kov, A. N. (2014) O sootnoshenii ponyatij yadernogo i radiacionnogo terrorizma kak prestuplenij mezhdunarodnogo haraktera [On the correlation of the concepts of nuclear and radiation terrorism as crimes of an international nature]. *Mir juridicheskoy nauki. – The world of legal science*. No. 3. Pp. 64–77. (In Russian).

16. Komarov, I. M. (2022) Metod nauchnogo poznaniya ego mesto v kriminalisticheskoy metodologii [Method of scientific cognition and its place in criminalistic methodology]. *Filosofiya prava – Philosophy of law*. No. 2. Pp. 26–29. (In Russian).

Об авторе

Метельков Александр Николаевич, кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-6113-8981, e-mail: metelkov@mail.ru

About the author

Alexander N. Metelkov, Cand. Sci. (Law), Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-6113-8981, e-mail: metelkov@mail.ru

Поступила в редакцию: 24.01.2024
Принята к публикации: 10.02.2024
Опубликована: 30.03.2024

Received: 24 January 2024
Accepted: 10 February 2024
Published: 30 March 2024

Отделение судебной власти от исполнительной власти: исторические перипетии российской модели. Часть IV. Отделение судов от исполнительной власти в условиях современной России

В. П. Очерedyкo

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В данной статье завершается рассмотрение сложного и противоречивого исторического процесса развития российской модели отделения судов от исполнительной власти. В предыдущих статьях [12–14] был дан анализ отделению суда от администрации на предшествующих этапах становления государственности в России, включая советскую Россию.

В работе анализируются серьезные преобразования во взаимодействии ветвей власти, основанном на реализации принципа разделения властей в современной России. Прослеживается процесс становления современной отечественной модели отделения судов от исполнительной власти на основе формирования государственного органа в составе судебной системы, осуществляющего организационное обеспечение судов, а также основной массив организационного взаимодействия судебной и исполнительной власти. В результате можно говорить о формировании внутрисистемного механизма организационного обеспечения судов как современной модели отделения судов от исполнительной власти.

Ключевые слова: разделение властей, судебная власть, исполнительная власть, самостоятельность суда, судебный департамент, организационное и финансовое обеспечение деятельности судов.

Для цитирования: Очерedyкo В. П. Отделение судебной власти от исполнительной власти: исторические перипетии российской модели. Часть IV. Отделение судов от исполнительной власти в условиях современной России // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 1 (75). – С. 138–159. DOI: 10.35231/18136230_2024_1_138. EDN: INDVIU

Separation of Judicial Power from Executive Power: Historical Vicissitudes of the Russian Model. Part IV. Separation of Courts from Executive Power in the Conditions of Modern Russia

Viktor P. Ocheredko

North-Western Branch of the Russian State University of Justice,
Saint Petersburg, Russian Federation

The author concludes the consideration of the complex and contradictory historical process of the development of the Russian model of separation of judicial power from executive power. The previous articles [12–14] were devoted to the analysis of the separation of the court from the administration at the previous stages of formation of the statehood in Russia, including Soviet Russia.

The paper analyzes serious transformations in the interaction of the branches of government based on the implementation of the principle of separation of powers in modern Russia. The process of formation of the modern domestic model of separation of courts from the executive power is traced on the basis of the formation of a state body within the judicial system that provides organizational support for courts, as well as the main array of organizational interaction between the judicial and executive authorities. As a result, we can talk about the formation of an intra-system mechanism of organizational support of courts as a modern model of separation of courts from executive power.

Key words: separation of powers, judicial power, executive power, independence of the court, Judicial Department, organizational and financial support of the courts.

For citation: Ocheredko, V. P. (2024) Otdelenie sudebnoj vlasti ot ispolnitel'noj vlasti: istoricheskie peripetii rossijskoj modeli. Chast' IV. Otdelenie sudov ot ispolnitel'noj vlasti v usloviyah sovremennoj Rossii [Separation of Judicial Power from Executive Power: Historical Vicissitudes of the Russian Model. Part IV. Separation of Courts from Executive Power in the Conditions of Modern Russia]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (75). Pp. 138–159. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_1_138. EDN: INDVIU

Введение

Конституция РФ в корне изменила модель организации государственной власти в стране. Она закрепила в качестве одной из основ конституционного строя осуществление государственной власти на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти. Важным моментом ее организации является самостоятельность органов власти. Они формируются и функционируют в пределах своей компетенции как самостоятельные структуры, а полномочия одной власти по прекращению деятельности другой допустимы только при условии их сбалансированности, обеспечиваемой на основе законодательных решений.

ФКЗ О судебной системе в Российской Федерации (ч. 2 ст. 1) определил самостоятельность судебной власти и ее функционирование независимо от органов законодательной и исполнительной власти, что меняет место суда в системе органов государственной власти, преобразует суд из звена правоохранительной системы в центральный и наиболее эффективный механизм защиты прав и свобод человека и гражданина. Эти глубокие изменения становятся возможными и приобретают конкретные очертания в рамках отделения судов от исполнительной власти, создания организационно-правовых форм взаимодействия судов с органами исполнительной власти.

Самостоятельность как основа отделения судов от исполнительной власти

В контексте анализа обозначенной проблемы определяющее значение имеет правильное понимание соотношения обозначенных в Конституции РФ понятий независимости и самостоятельности в системе разделения органов власти.

Важно отметить, что Конституция РФ определяет органы государственной власти в качестве самостоятельных, но нигде в качестве независимых. «Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны»¹. Следует отметить, однако, что весьма часто происходит смешение этих понятий. Для примера приведем цитату: «Суды должны быть реально независимы от других ветвей власти – исполнительной и законодательной» [19. с. 131]. И далее в качестве аргумента цитируется конституционное положение о самостоятельности государственных органов (ст. 10). Представляется, что это неоправданное смешение понятий, препятствующее глубокому пониманию статуса судебной власти в целом и ее взаимодействию с другими ветвями власти.

Принципы независимости и самостоятельности имеют вполне конкретное конституционное закрепление. основополагающее значение принципа независимости в характеристике судебной власти определяется лишь его отражением в статусе судьи (тем, что она осуществляется независимым судьей). Тем самым независимость характеризует ограждение субъекта (судьи как носителя судебной власти) от чужой воли, влияния, тем самым характеризуя процессуальный элемент судебной власти. В то же время, как верно отмечают исследователи, «самостоятельность судебной власти предполагает внешнюю и внутреннюю автономию с возможностями самостоятельности во всех аспектах организации и деятельности ее как ветви государственной власти» [2, с. 8].

Самостоятельность судебной власти основывается на равновеликости всех ветвей государственной власти, т. е. отсутствию в доктрине и конституционном строительстве иерархии, соподчиненности органов власти. Другим

¹ Конституция Российской Федерации (Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 10. // Российская газета. 04 июля 2020.

базовым концептом является их обособленность друг от друга. В свою очередь, самостоятельность составляет базисную характеристику правового положения судебной власти в системе российской государственности, содержащую основания ее отделения от других ветвей власти и определяющую принципы их взаимодействия. Во внешней сфере отношений она проявляется в отсутствии соподчиненности с другими органами власти в рамках осуществления собственных полномочий.

Взаимодействие судов с органами других ветвей власти осуществляется в разнообразных формах. Они отражают свойства этих органов как субъектов государственной власти в рамках новой политической системы.

Важно отметить, принципиальное различие существующих форм от предшествующей советской модели взаимодействия суда с другими органами государственной власти, которая характеризовалась «потерей специфики в определении целей и задач функционирования судебных органов, включением их в единую систему правоохранительных органов с сохранением организационной и юрисдикционной обособленности на последних этапах советский государственности» [15, с. 157].

При характеристике взаимодействия ветвей власти обычно указывают на систему сдержек и противовесов. Однако взаимодействие далеко не ограничивается этим механизмом. Взаимодействие осуществляется на уровне обеспечения деятельности судебной власти в различных сферах: организационной, финансовой, материальной.

От судебного управления через организационное руководство к организационному обеспечению деятельности суда

Анализ отделения судов от исполнительной власти в России показывает, что, начиная с Великой судебной

реформы 1864 г. и до конца XX в., практически весь массив их взаимоотношений (преимущественно исключающих осуществление судами юрисдикционных полномочий) реализуется в рамках судебного управления как самостоятельного элемента государственного управления. Перипетии развития судебного управления достаточно изучены отечественными исследователями [1; 18].

В осуществлении судебного управления в рассматриваемый период решающее значение среди органов исполнительной власти занимало Министерство юстиции. Несмотря на различия в идеологическом обосновании, в этом проявлялась определенная преемственность в становлении российской государственности.

В последний период советской власти изменение взаимодействия судов и органов юстиции проявилось в переходе от судебного управления к организационному руководству судами¹. Последнее осуществлялось в самых разнообразных формах, включая материально-техническое снабжение и финансирование судов. Принципиальное значение при этом имело сохранение роли Министерства юстиции, Оно, наряду с решением задачи всемерно содействовать правосудию, осуществляло также проверку организации работы судов, руководило работой с кадрами судов.

Следует признать большой вклад органов юстиции в становление и развитие судебной системы. Однако между судами и органами юстиции постоянно существовал антагонизм, приводящий в советский период к периодической ликвидации полномочий Минюста по отношению к судебной системе, передаче функции судебного управления вышестоящим судебным органам и местным советским органам власти. Последние не справлялись с возложенными задачами в силу отсутствия соответствующих ресурсов.

¹ О судоустройстве РСФСР: закон РСФСР от 8 июля 1981 г. // СПС ГАРАНТ.

Результатом было ухудшение условий функционирования судов, а кроме того, усиление влияния местных органов власти, что было губительно для правосудия.

Последовательная реализация политико-правовой доктрины разделения ветвей власти в постсоветской России обнаружила проблемы организационного руководства судами во главе с Министерством юстиции. Существующая система оказалась препятствием в осуществлении судебной реформы, основные идеи которой были сформулированы в Концепции судебной реформы в РСФСР¹. Исполнительная власть продолжала опекать суды. Вопросы финансирования судебной системы оставались в поле экономических возможностей и политических предпочтений. Под угрозой оказались создание условий для независимого осуществления правосудия, обеспечивающего высокий уровень защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц.

Все очевиднее становилась необходимость последовательного отделения судов от органов исполнительной власти, создания принципиально новой системы их взаимодействия. Основные импульсы в концептуальной разработке и институционально-правовом оформлении освобождения судебной системы от влияния органов юстиции исходили от самой судебной власти. Впервые идея об образовании Судебного департамента была высказана судьейским сообществом на III (внеочередном) Всероссийском съезде судей и была закреплена на IV (Чрезвычайном) Всероссийском съезде судей². Нормативное оформление предлагаемая модель получила в ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 г. В 1998 г. по законодательной иници-

¹ Концепции судебной реформы в РСФСР. Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

² VI Всероссийский съезд судей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ssr.ru/siezd-sudiei/846> (дата обращения: 05.08.2023).

циативе Верховного суда РФ был принят Федеральный закон «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации», по которому функции организационного обеспечения судебной деятельности были переданы из системы органов исполнительной власти в лице Министерства юстиции федеральному государственному органу, действующему при судебной системе. Таким образом, реализован один из самых принципиальных концептов судебной власти – отделение ее от власти исполнительной. Смысл деятельности вновь созданного органа – «способствовать укреплению самостоятельности судов, независимости судей»¹.

Система организационного обеспечения деятельности судов, выведенная из-под юрисдикции Министерства юстиции как органа исполнительной власти, является формой последовательного отделения судебной власти от исполнительной в рамках российской модели разделения властей. Она является институтом российской судебной системы, отвечающим за создание необходимых условий для отправления правосудия в Российской Федерации.

В результате произошло разграничение судебной власти по функциональному признаку, осуществление юрисдикционных полномочий было отделено от системы обеспечения судов. Важно отметить, что разграничение было осуществлено внутри судебной системы, что создало условия для органичной и неразрывной взаимосвязи правосудия и его организационного обеспечения. Была создана, как принято называть, судебно-организационная система обеспечения деятельности судов [7].

Важно отметить, что организационное обеспечение деятельности судов лишь преимущественно сосредоточено в руках Судебного департамента при ВС РФ. В настоящее

¹ О Судебном департаменте при ВС РФ: федер. закон от 08.01.1998 № 7-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 223.

время его деятельность охватывает сферу федеральных судов общей юрисдикции и арбитражных судов, включая органы судейского сообщества, и не распространена на ВС РФ, КС РФ, мировых судей (за исключением финансирования и информатизации их деятельности). Организационное обеспечение высших судебных органов осуществляют их аппараты, мировых судей в значительной мере – органы исполнительной власти соответствующего субъекта РФ.

Следует отметить, что организационное обеспечение деятельности судов не имеет конституционного основания. Легальное закрепление оно получило в ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», в котором введено понятие обеспечения судов, с дифференцированием этой деятельности по субъектам. Понимание организационного обеспечения как мероприятий кадрового, финансового, материально-технического, информационного и иного характера, направленных на создание условий для полного и независимого осуществления правосудия, излагается сразу в трех законах: ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации», ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации». При этом везде законодатель идет по пути перечисления мероприятий, но не определяет явление и его признаки.

Очевидно, что современное понимание организационного обеспечения деятельности судов нуждается в дальнейшей теоретической разработке, существует необходимость его дальнейшего институционально – правового оформления. Оживленные дискуссии продолжаются, высказываются предложения по его дальнейшему нормативному урегулированию [11–12; 20]. В рамках этого процесса важная роль принадлежит совершенствованию деятельности Судебного департамента при ВС РФ.

Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации

Организационному обеспечению деятельности судов придан правовой характер. Оно базируется на достаточно разработанной законодательной базе, регламентирующей деятельность Судебного департамента при ВС РФ и его территориальных управлений по субъектам РФ,

Судебный департамент при ВС РФ является новым не существовавшим ранее в российской истории автономным государственным органом, осуществляющим финансовое и материально-техническое обеспечение судов, а также занимающимся организацией их работы, включая контроль за деятельностью администраторов и аппаратов судов по обеспечению правосудия.

Несмотря на наличие специального федерального закона, правовой статус Судебного департамента нельзя считать окончательно определенным. В научной среде идут дискуссии вокруг определения его места в системе государственных органов. Одни исследователи характеризуют его как орган судебной власти, размывая тем самым монизм в понимании суда и судьи как носителя судебной власти [9], другие относят к органам исполнительной власти [10], видя в нем особую форму правопреемства с Министерством юстиции в части обеспечения судебной системы, третьи распространяют традиционное разделение органов власти на уровень отдельной власти и соответственно относят Судебный департамент к исполнительным органам судебной власти [6].

Правильное понимание правового статуса Судебного департамента имеет, помимо сугубо академического интереса, весьма существенный практически значимый организационно-правовой аспект. Оно в основе определения характера взаимодействия Судебного департамента с другими органами государственной власти, прежде

всего в сфере исполнительной власти, а именно соподчиненности или координации в рамках реализации своих юрисдикционных полномочий.

Законодатель определил Судебный департамент как «государственный орган, осуществляющий организационное обеспечение ...» (ст. 1 ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном суде Российской Федерации»). Он, как справедливо отмечают исследователи, является органом, реализующим государственные властные полномочия в отношении неопределенного круга лиц, его деятельность имеет властно-распорядительный, а не управленческий характер [8]. Его можно определить как организационно-обеспечительный государственный орган в рамках судебной системы РФ.

Такое понимание статуса Судебного департамента позволяет правильно определить его взаимодействие с исполнительными органами государственной власти на основе координации деятельности. Реализация такого понимания потребовала усилий со стороны ВС РФ. Наиболее полно это проявилось в сфере организации финансового контроля деятельности Судебного департамента.

Верховный суд РФ в рамках рассмотрения дела по второй кассации, оценивая непредставление Судебным департаментом в Росфиннадзор РФ сведений, необходимых для проверки его финансовой деятельности, встал на сторону Судебного департамента. Он указал на неправомерность осуществления внутреннего контроля за расходованием средств федерального бюджета со стороны Росфиннадзора, являющегося органом исполнительной власти. Суд исходил из того, что конституционно определенная самостоятельность органов судебной власти во взаимоотношениях с исполнительной властью распространяется и на финансовую сферу, в частности на финансовую деятельность Судебного департамента.

Тем самым, он признал Судебный департамент частью судебной системы и правомерным осуществление только внешнего финансового аудита, осуществляемого Счетной палатой РФ в рамках государственного финансового контроля в отношении судебной системы РФ¹.

Взаимодействие судебных органов с аппаратом исполнительной власти

Отделение судебной власти от исполнительной предполагает развитие разнообразных форм взаимодействия судебных органов с исполнительной властью, отражающих свойства этих субъектов государственной власти в рамках единой политической системы. Проблема взаимодействия судов и органов исполнительной власти всегда вызывала интерес исследователей [4–5; 17].

Формы взаимодействия наиболее определенно проявляются на уровне Правительства Российской Федерации и иных федеральных органов исполнительной власти: Министерства экономического развития Российской Федерации, Министерства финансов Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации и др.

В ст. 23. п. 5 ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» закреплены полномочия правительства осуществлять меры по обеспечению деятельности органов судебной власти, проводить финансирование судов из федерального бюджета, обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с федеральным законом. Начиная с 2001 г., Правительством РФ разрабатываются федеральные целевые программы развития судебной системы России на ряд лет. Последняя федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»

¹ Постановление ВС РФ от 3 июля 2015 г. по делу № 5-АД15-20 // СПС КонсультантПлюс.

была пролонгирована до 2024 г. Это позволяет утверждать, что исполнительная власть сохраняет влияние на судебные органы, поскольку именно в ее руках находится финансовое и материально-техническое обеспечение деятельности судов.

Проблемы в вопросах финансирования судов значительной мере были бы решены при реализации положения ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» об осуществлении финансирования судов на основании утвержденных федеральным законом нормативов (ст. 33.2). Однако закон об этих нормативах до сих пор не принят. Отсутствие нормативов обуславливает зависимость судебной системы в вопросах финансирования деятельности от Министерства финансов РФ. Последнее при формировании проекта бюджетных расходов судебной системы на предстоящий год использует в качестве базы контрольные цифры годовых расходов по аналогии с финансированием других органов государственной власти.

Вместе с тем следует отметить последовательное решение вопросов взаимодействия исполнительной и судебной власти в этой сфере. Внесенные изменения в законы обусловили установление ежегодного объема финансирования судебной системы в рамках формирования федерального бюджета на очередной финансовый год во взаимодействии с органами судебной власти и судебного сообщества в лице Совета судей РФ.

В соответствии с ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», Регламентом Правительства Российской Федерации (пп. 110–112). Разрабатывается проект федерального закона о федеральном бюджете в части финансового обеспечения деятельности судов во взаимодействии с председателями КС РФ, ВС РФ, генеральным директором Судебного департамента при ВС РФ и Советом судей Российской Федерации. Указанные субъекты судебной власти

участвуют в обсуждении проекта федерального закона о федеральном бюджете в части финансового обеспечения деятельности судов с целью устранения разногласий.

Существенным барьером на пути возможного сокращения финансирования судов является положение, закрепленное в ФЗ «О финансировании судов в Российской Федерации», согласно которому уменьшение размера бюджетных средств, выделенных на финансирование судов Российской Федерации в текущем финансовом году или подлежащих выделению на очередной финансовый год, не более чем на 5 % может осуществляться только с согласия Совета судей Российской Федерации, а более чем на 5 % – только с согласия Всероссийского съезда судей Российской Федерации.

Судебная власть регулярно обращается к Правительству РФ с просьбами о предоставлении помещений для размещения объединенных судебных архивов, о дополнительном финансировании растущих расходов на решение многочисленных проблем ее развития: на получение медицинской помощи и организацию санаторно-курортного лечения судей, обеспечение жильем судей, создание ведомственной охранной структуры и многое другое¹.

Взаимодействие судебной власти с институтом Президента РФ формально не входит в рассматриваемое взаимодействие судов с органами исполнительной власти в силу особого статуса президента как главы государства. Однако внесенные в 2020 г. изменения в Конституцию РФ прочно связали президента и исполнительную власть, поставив его во главе ее. Президент РФ возглавляет систему исполнительной власти России. Он определяет направления работы правительства, которое обязано выполнять не только его указы, как это было определено

¹ О развитии судебной системы Российской Федерации: постановление X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1 // СПС ГАРАНТ.

прежней редакцией Конституции РФ, но и его распоряжения и поручения, как это следует из положений обновленной Конституции РФ.

Региональные аспекты взаимоотношений судов и исполнительной власти

Существующие проблемы взаимоотношений судов и исполнительной власти наиболее отчетливо проявляются на региональном уровне. Федеральное законодательство прямо вменяет в обязанности органов исполнительной власти соответствующего субъекта РФ организационное, материально-техническое обеспечение деятельности мировых судей, финансированием его аппарата. Определение порядка организации этой деятельности также возлагается на субъект Федерации.

Для решения этой задачи в субъектах РФ созданы самостоятельные государственные органы по обеспечению деятельности мировых судей. Названия и место этих органов самые различные, но везде они находятся в системе органов исполнительной власти субъекта РФ. В Калининградской области для этих целей создано Агентство по обеспечению деятельности мировых судей, в Ленинградской области – государственное казенное учреждение «Центр материально-технического обеспечения судебных участков мировых судей Ленинградской области». В Республике Татарстан эти задачи решает отдел обеспечения деятельности мировых судей в составе Министерства юстиции Республики Татарстан. Работники аппарата мирового судьи отнесены к государственным служащим соответствующего субъекта РФ и находятся в административном подчинении указанных органов. Таким образом, на уровне субъекта РФ фактически сложился административно-организационный тип обеспечения мировых судей, что обуславливает суще-

ствование рычагов влияния на мировых судей со стороны региональных органов власти.

Регионализация обеспечения деятельности мировых судей обуславливает существование различных подходов в этой сфере в субъектах РФ. Это наглядно проявляется в организации делопроизводства мировых судей в различных субъектах РФ. В большинстве субъектов РФ инструкции по делопроизводству мировых судей разрабатываются и утверждаются соответствующими органами власти субъектов, часто эти инструкции согласовываются с судами уровня субъекта РФ и управлениями Судебного департамента по соответствующему субъекту РФ (Костромская, Вологодская, Московская области), иногда только с судами уровня субъекта РФ (г. Москва). В Краснодарском крае методические рекомендации по делопроизводству мировых судей разработаны Судебным департаментом по Краснодарскому краю.

Неодинаковость в материально-технической обеспеченности мировых судей в разных регионах в значительной мере порождается различием экономических потенциалов субъектов РФ. Регионы самостоятельно устанавливают нормативы материального обеспечения, исходя из своих возможностей. Так, распространенным явлением является собирание мировых судей ряда судебных участков в одном месте, а значит за пределами своих участков. В этой связи весьма обоснованным является вывод, сделанный Счетной палатой РФ по итогам проверки бюджетного обеспечения деятельности мировых судей: «Зависимость мировых судей в вопросах необходимого и достаточного им технического обеспечения от региональных властей, снижает качество правосудия»¹.

¹ Основные положения отчета о результатах параллельного экспертно-аналитического мероприятия «Анализ и оценка расходов на финансирование и материально-техническое обеспечение деятельности мировых судей в 2012–2017 годах». Утвержден Коллегией Счетной палаты Российской Федерации (протокол от 7 декабря 2018 г. № 65К (1286). Москва. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/promo/2019-01-mirovye-sudyi/report.pdf> (дата обращения: 22.07.2023).

Сохраняющаяся зависимость мировых судей и их аппаратов от исполнительной власти субъекта РФ как в организационном, так и в материальном плане вызывает тревогу и в научной среде, и в судебском сообществе [3; 20]. Дискуссии в этой связи ведутся с момента образования института мировых судей. Иногда можно было встретить предложения по ликвидации института мировых судей субъектов РФ как радикальный способ преодоления сохраняющихся региональных проблем во взаимодействии судов и исполнительной власти [16]. При всей кажущейся рациональности предложения следует со всей определенностью отметить, что оно противоречит конституционным основам организации государственной власти и не может быть реализовано в условиях обновленной Конституции РФ. Решение проблем регионального влияния на деятельность мировых судей возможно путем последовательного усиления федеральной составляющей.

В этом направлении развивается, на наш взгляд, федеральное законодательство, регламентирующее деятельность мировых судей. В последний период в законы внесены многие изменения, в частности уточнен статус мировых судей и его компетенция, порядок назначения на должность, приостановления и прекращения полномочий. Возможное сокращение регионального финансирования мировых судей обусловлено необходимостью согласования с органами судебного сообщества субъекта РФ, Финансирование мировых судей и формирование единого информационного судебного пространства осуществляет Судебный департамент.

В интересах решения существующих проблем необходимо установить общероссийские стандарты финансирования и материально-технического обеспечения мировых судей, конкретизировать полномочия органов власти, осуществляющих это обеспечение.

Заключение

Российская судебная система в своем развитии прошла длинный и сложный путь. На всех этапах ее развития неизменным было воздействие администрации. Логика и специфика развития этого воздействия отражает особенности развития российской государственности, начиная с реализации базового правила – кто управляет, тот и судит, отсылающего нас к родовым основам организации общественной жизни на Руси.

Механизмы воздействия администрации на суд встраиваются в генезис российской государственности, являясь продуктом ее эволюции. Этим можно объяснить определенную преемственность этих механизмов, неизменное сохранение в изменяющемся соотношении стимулов и ограничений отделения судебной власти от исполнительной.

На протяжении XIX–XX вв. воздействие исполнительной власти на правосудие осуществлялось в рамках судебного управления, традиционно осуществляемого Министерством юстиции в порядке государственного управления, и существенно дополненным всесторонним партийным руководством в советский период развития российской государственности.

Современное развитие российской государственности на основе реализации политико-правовой доктрины разделения власти в значительной мере обусловило содержание современной судебной реформы, включающей в качестве важного элемента отделение судов от исполнительной власти. В результате произошла эволюция организационно-правовых форм управленческой деятельности исполнительной власти в сфере правосудия: от судебного управления через организационное руководство к организационному обеспечению.

Наиболее очевидно изменения проявились на интитуциональном уровне – организационное обеспечение

изъято из полномочий Министерства юстиции РФ как органа исполнительной власти и передано вновь образованному Судебному департаменту при Верховном суде РФ, как организационно-обеспечительному органу судебной власти. Через этот орган осуществляется основной массив организационного взаимодействия судебной и исполнительной власти. В результате можно говорить о формировании внутрисистемного механизма организационного обеспечения судов как современной модели отделения судов от исполнительной власти.

При этом очевидна обусловленность современных организационно-правовых форм взаимодействия судов с органами исполнительной власти сохранением традиционных черт российской государственности: концентрации и персонификации власти, приниженной роли закона, громоздкости и бюрократизма госаппарата и т. д.

Список литературы

1. Абдулин Р. С. Судебное управление в Российской Федерации (1917–1990 гг.). Историко-юридическое исследование. – М.: Юрлитинформ. – 2014. – 354 с.
2. Анишина В. И., Гаджиев Г. А. Самостоятельность судебной власти // *Общественные науки и современность*. – 2006. – № 6. – С. 5–14.
3. Гарифуллина, А. Р. Некоторые аспекты организационного обеспечения деятельности мировых судей // *Российский судья*. – 2012. – № 6. – С. 5–10.
4. Жмурко И. М. Проблемные аспекты взаимодействия органов судебного сообщества с исполнительной властью // *Законность и правопорядок в современном обществе: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции*. – Новосибирск: Изд-во НГТУ. – 2012. – С. 86–91.
5. Карпеченко А. В. О взаимодействии органов исполнительной власти и органов судебной власти в Российской Федерации // *Молодой ученый*. – 2018. – № 21 (207). – С. 362–365.
6. Корякин И. И. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации как исполнительный орган судебной власти // *Юридическая мысль*. – 2015. – № 5. – С. 55–63.
7. Кузнецова Е. В. Организационное обеспечение судов общей юрисдикции: сравнительно-правовой аспект // *Пенитенциарная наука*. – 2013. – № 3 (23). – С. 30–33.
8. Лесных Е. А. Взаимоотношения Судебного департамента при ВС РФ и органов государственного управления: особенности и проблемные вопросы // *Вестник РГГУ. Серия Экономика. Управление. Право*. – 2018. – № 4 (14). – С. 130–137.

9. Миронов А. А. Комментарий к Федеральному закону от 08.01.1998 № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Е. В. Шкуновой // СПС КонсультантПлюс. – 2011.

10. Нехаев В. В., Нехаева Т. Г., Беспалов В. П. Комментарий к Федеральному закону от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» (постатейный). – М.: Юстицинформ. – 2007. – 112 с.

11. Носков И. Ю. К вопросу об употреблении понятия «организационное обеспечение» применительно к деятельности судов и судей // Современное право. – 2018. – № 3. – С. 52–57.

12. Организационные модели обеспечения деятельности судов в XXI веке: российский и зарубежный опыт и перспективы развития: сборник статей Международной научно-практической конференции / отв. за выпуск А. А. Арямов, Е. В. Бурдина, Е. В. Голошумов. – М.: РГУП. – 2023. – 656 с.

13. Очерedyкo В. П. Отделение судебной власти от исполнительной власти: исторические перипетии российской модели. Часть I. Начала отделения судов от администрации в дореформенной России (до судебной реформы 1864 года) // Ленинградский юридический журнал. – 2020. – № 3 (61). – С. 47–60.

14. Очерedyкo В. П. Отделение судебной власти от исполнительной власти: исторические перипетии российской модели. Часть II. Отделение судебной власти от исполнительной в пореформенной России // Ленинградский юридический журнал – 2021. – № 1 (63). – С. 31–49.

15. Очерedyкo В. П. Отделение судебной власти от исполнительной власти: исторические перипетии российской модели Часть III. Место суда в политико-правовой системе Советской России // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 2 (68). – С. 141–157.

16. Петрова Н. А. Нужна ли субъектам Российской Федерации судебная ветвь государственной власти? // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 21. – С. 2–7.

17. Салищева Н. Г., Хаманева Н. Ю. Исполнительная и судебная ветви власти: соотношение и взаимодействие // Государство и право. – 2000. – № 1. – С. 5–11.

18. Серов Д. О. Судебное управление в России: становление и организационные модели // Администратор суда. – 2011. – № 2. – С. 19–23.

19. Тонконогов А. В. К вопросу о самостоятельности органов судебной власти Российской Федерации // Закон и право. – 2020. – № 1. – С. 130–133.

20. Третьяков В. А. Теоретические и практические проблемы организационно-правового обеспечения деятельности мировых судей // Философия права. – 2020. – № 6. – С. 6–9.

References

1. Abdulin, R. S. (2014) *Sudebnoe upravlenie v Rossijskoj Federacii (1917–1990 gg.). Istoriko-yuridicheskoe issledovanie* [Judicial Administration in the Russian Federation (1917–1990). Historical and legal research]. Moscow: YurLitinform. (In Russian).

2. Anishina, V. I., Gadzhiev, G. A. (2006) Samostoyatel'nost' sudebnoj vlasti' [Judicial Administration in the Russian Federation (1917–1990)]. *Obshhestvenny'e nauki I sovremennost' – Historical and legal research*. No. 6. Pp. 5–14. (In Russian).

3. Garifullina, A. R. (2012) Nekotory'e aspekty' organizacionnogo obespecheniya deyatel'nosti mirovy'x sudej [Some aspects of the 'organizational support of the activities' of the world's judges]. *Rossiiskij sud'ya – The Russian court*. No. 6. Pp. 5–10. (In Russian).

4. Zhmurko, I. M. (2012) Problemy`e aspekty` vzaimodejstviya organov sudejskogo soobshhestva s ispolnitel`noj vlast`yu [Problematic aspects of the interaction of the judicial community with the executive power]. *Zakonnost` i pravoporyadok v sovremennom obshhestve* [Legality and law and order in modern society]. Collection of materials of the XI International Scientific and Practical Conference. Novosibirsk: Izd-vo NGTU. Pp. 86–91. (In Russian).

5. Karpechenko, A. V. (2018) O vzaimodejstvii organov ispolnitel`noj vlasti I organov sudebnoj vlasti v Rossijskoj Federacii [On the interaction of executive authorities and judicial authorities in the Russian Federation]. *Molodoj uchenyj – Young Scientist*. No. 21 (2017). Pp. 362–365. (In Russian).

6. Koryakin, I. I. (2015) Sudebny`j department pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii kak ispolnitel`nyj` organ sudebnoj vlasti [The Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation as an executive organ of the sudebny authority]. *Yuridicheskaya mysl – Legal thought*. No. 5. Pp. 55–63. (In Russian).

7. Kuznecova, E. V. (2013) Organizacionnoe obespechenie sudov obshhej yurisdikcii: sravnitel`no-pravovoj aspect [Organizational support of courts of general jurisdiction: comparative legal aspect]. *Penitenciarnaya nauka – Penitentiary science*. No. 3 (23). Pp. 30–33. (In Russian).

8. Lesny`x, E. A. (2018) Vzaimootnosheniya Sudebnogo departamenta pri VS RF I organov gosudarstvennogo upravleniya: osobennosti I problemny`e voprosy` [Relations between the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation and public administration bodies: features and problematic issues]. *Vestnik RGGU. Seriya E` ekonomika. Upravlenie. Pravo – Bulletin of the Russian State University. The series Economics. Management. Theright*. No. 4 (14). Pp. 130–137. (In Russian).

9. Mironov, A. A. (2011) *Kommentarij k Federal`nomu zakonu ot 08.01.1998 No. 7-FZ «O Sudebnom departamente pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii» (postatejny`j)* [Commentary to Federal Law No. 7-FZ dated 08.01.1998 "On the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation" (article by article)]. Pod red. E. V. Shkunovoj. SPS Konsul`tantPlyus. (In Russian).

10. Nexaev, V. V., Nexaeva, T. G., Bepalov, V. P. (2007) *Kommentarij k Federal`nomu zakonu ot 8 yanvarya 1998 g. N° 7-FZ «O Sudebnom departamente pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii» (postatejny`j)* [Commentary to Federal Law No. 7-FZ of January 8, 1998 "On the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation" (article by article)]. Moscow: Yusticinform. (In Russian).

11. Noskov, I. Yu. (2018) K voprosu ob upotreblenii ponyatiya «organizacionnoe bespechenie» primenitel`no k deyatel`nosti sudov i sudej [On the question of the use of the concept of "organizational support" in relation to the activities of courts and judges]. *Sovremennoe pravo – Modern law*. No. 3. Pp. 52–57. (In Russian).

12. Aryamov, A. A., Burdina, E. V., Goloshumov, E. V. (2023) (eds.) *Organizacionny`e modeli obespecheniya deyatel`nosti sudov v XXI veke: rossijskij I zarubezhny`j opy`t I perspektivy` razvitiya* [Organizational models for ensuring the activity of courts in the XXI century: Russian and foreign experience and prospects for development]. Collection of articles for the International Scientific and Practical Conference. Moscow: RGUP. (In Russian).

13. Ochered`ko, V. P. (2020) Otdelenie sudebnoj vlasti ot ispolnitel`noj vlasti: istoricheskie peripetia rossijskoj modeli. Chast` I. Nachala otdeleniya sudov ot administracii v doreformnoj Rossii (do sudebnoj reformy` 1864 goda) [Separation of judicial power from executive power: historical vicissitudes of the Russian model. Part I. The beginning of the separation of courts from administration in pre-reform Russia (before the judicial reform of 1864)]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Law Journal*. No. 3 (61). Pp. 47–60. (In Russian).

14. Ochered`ko, V. P. (2021) Otdelenie sudebnoj vlasti ot ispolnitel`noj vlasti: istoricheskie peripetia rossijskoj modeli. Chast` II. Otdelenie sudebnoj vlasti ot ispolnitel`noj v poreformnoj Rossii [Separation of judicial power from executive

power: historical vicissitudes of the Russian model. Part II. Separation of the Judiciary from the executive in post-Reform Russia]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Law Journal*. No. 1 (63). Pp. 31–49. (In Russian).

15. Ochered`ko, V. P. (2022) Otdelenie sudebnoj vlasti ot ispolnitel`noj vlasti: istoricheskie peripetia rossijskoj modeli. Chast` III. Mesto suda v politiko-pravovoj sisteme Sovetskoy Rossii [Separation of Judicial Power from Executive Power: Historical Vicissitudes of the Russian Model Part III. The place of the court in the political and legal system of Soviet Russia]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Law Journal*. No. 2 (68). Pp. 141–157. (In Russian).

16. Petrova, N. A. (2008) Nuzhna li sub`ektam Rossijskoj Federacii sudebnaya vetv` gosudarstvennoj vlasti? [Do the subjects of the Russian Federation need a judicial branch of government?]. *Konstitucionnoe i municipal`noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. No. 21. Pp. 2–7. (In Russian).

17. Salishheva, N. G., Xamaneva, N. Yu. (2000) Iсполnitel`naya i sudebnaya vetvi vlasti: sootnoshenie i vzaimodejstvie [Executive and judicial branches of government: correlation and interaction]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*. No. 1. Pp. 5–11. (In Russian).

18. Serov, D. O. (2011) Sudebnoe upravlenie v Rossii: stanovlenie i organizacionny`e modeli [Judicial management in Russia: formation and organizational models]. *Administrator suda – Court Administrator*. No. 2. Pp. 19–23. (In Russian).

19. Tonkonogov, A. V. (2020) K voprosu o samostoyatel`nosti organov sudebnoj vlasti Rossijskoj Federacii [On the question of the independence of the judicial authorities of the Russian Federation]. *Zakon i pravo – Law and Law*. No. 1. Pp. 130–133. (In Russian).

20. Tret`jakov, V. A. (2020) Teoreticheskie i prakticheskie problemy` organizacionno-pravovogo obespecheniya deyatel`nosti mirovy`x sudej [Theoretical and practical problems of organizational and legal support of the activity of magistrates]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. No. 6. Pp. 6–9. (In Russian).

Об авторе

Очередыко Виктор Пантелеевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, академик РАЕН, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-9315-3457, e-mail: ocheredkovp@mail.ru

About the author

Viktor P. Ocheredko, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-9315-3457, e-mail: ocheredkovp@mail.ru

Поступила в редакцию: 09.01.2024
Принята к публикации: 23.01.2024
Опубликована: 30.03.2024

Received: 09 January 2024
Accepted: 23 January 2024
Published: 30 March 2024

Дружба народов: конституционное измерение

В. В. Мамонов

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье исследуется одна из важных основ конституционно-го развития России – дружба народов. Рассматривается конституционное регулирование дружбы народов в советский период развития России, влияние на укрепление дружбы народов положений Конституции РФ, определяющих преемственность в развитии Российского государства, поддержку соотечественников, проживающих за рубежом.

В ходе исследования были выявлены пробелы конституционно-правового регулирования дружбы народов. Проведен правовой анализ вопросов преемственности в развитии Российского государства. Дано толкование используемого в Конституции РФ понятия «государствообразующий народ». Высказаны предложения по корректировке норм законодательства, определяющих государственную политику Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом.

Укрепление дружбы народов России, содействие развитию дружбы с народами других стран следует рассматривать как конституционный долг гражданина. Обеспечение дружбы народов России, а также дружбы с народами других стран – обязанность органов публичной власти.

Ключевые слова: дружба народов, преемственность Российского государства, соотечественники за рубежом, государствообразующий народ.

Для цитирования: Мамонов В. В. Дружба народов: конституционное измерение // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 1 (75). – С. 160–173. DOI: 10.35231/18136230_2024_1_160. EDN: IVVVVT

Friendship of Peoples: Constitutional Dimension

Vadim V. Mamonov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article is devoted to one of the important foundations of the constitutional development of Russia – the friendship of peoples. The article considers the constitutional regulation of peoples' friendship in the Soviet period of Russia's development, the impact on the strengthening of peoples' friendship of the provisions of the Constitution of the Russian Federation defining continuity in the development of the Russian state, support for compatriots living abroad.

The study revealed gaps in the constitutional and legal regulation of friendship of peoples. A legal analysis of the issues of continuity in the development of the Russian state is given. The interpretation of the concept of "state-forming people" used in the Constitution of the Russian Federation is given. Proposals have been made to adjust the norms of legislation defining the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots abroad.

Strengthening the friendship of the peoples of Russia and promoting friendship with the peoples of other countries should be considered as a constitutional duty of a citizen. Ensuring the friendship of the peoples of Russia, as well as friendship with the peoples of other countries, is the responsibility of public authorities.

Key words: friendship of peoples, continuity of the Russian state, compatriots abroad.

For citation: Mamonov, V. V. (2024) Druzhba narodov: konstitucionnoe izmerenie [Friendship of Peoples: Constitutional Dimension]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (75). Pp. 160–173. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_1_160. EDN: IVVVT

Введение

Одним из первых отношений, в которые вступает ребенок в своей жизни с другими детьми, является дружба. Всем известны строки из детской песни, автором слов которой является М. Пляцковский: «Дружба крепкая не сломается, не расклеится от дождей и вьюг». Жизненный опыт корректирует представления каждого о дружбе, но неизменным остается убеждение о ней как о ценности, которую дарит общение с другими людьми. Аристотель писал: «Никто не выберет жизнь без друзей, даже в обмен на все прочие блага» [1, с. 206]. В диалоге Цицерона о дружбе читаем: «Заключая в себе многочисленные и величайшие преимущества, дружба в то же время вот в чем превосходит все другое: она проливает свет доброй надежды на будущее и не дает нам слабеть и падать духом» [2, с. 37].

В СССР дружба понималась как необходимое условие развития советского человека. Один из нравственных принципов Морального кодекса строителя коммунизма звучал так: «Человек человеку друг, товарищ и брат». На заповеди о дружбе воспитывалось юное поколение советских граждан. Вспоминается закон пионеров: «Пионер – друг пионерам и детям трудящихся всех стран». Конечно, дружба рассматривалась через ориентиры коммунистического мировоззрения, разделявшего общество на классы.

Вероятно, чрезмерное использование советской государственной идеологией стремлений людей к взаимной дружбе, стало причиной того, что среди принципов, которыми руководствовался многонациональный народ Российской Федерации при принятии Конституции России, отсутствует упоминание о дружбе. Не названа дружба и среди традиционных российских духовно-нравственных ценностей в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении основ

государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹. Вместе с тем, согласно Указу Президента РФ от 7 сентября 2010 г. № 1099 (ред. от 09.08.2023) «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации»² в государственную наградную систему входит орден Дружбы, которым награждаются граждане иностранных государств за особые заслуги в укреплении мира, дружбы, сотрудничества и взаимопонимания между народами. Обратим внимание, что Президентом РФ 19 октября 2023 г. подписан Указ № 783 «О проведении международных соревнований "Всемирные Игры дружбы" в 2024 г.»³.

Результаты

Дружба объединяет людей, помогает им ощутить сопричастность друг к другу. Наряду с добром и справедливостью она выступает ценностью, без веры в которую затруднительно укрепление в сознании граждан гуманистических принципов. Дружба – гарантия провозглашенных в преамбуле Конституции РФ согласия и гражданского мира. И. С. Кон пишет: «Никакой общественный строй не может закрепить дружбу конституционно» [3, с. 146]. Конечно, нельзя провозгласить дружбу в качестве субъективного права или обязанности гражданина. В ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ говорится о сохранении памяти предков, передавших нам идеалы. Хотя представления о дружбе у каждого субъективны, ее следует рассматривать одним из таких идеалов.

Некоторые поправки, внесенные в Конституцию РФ в 2020 г., созвучны с нормами конституций советского

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 14.11.2022. № 46. Ст. 7977.

² Там же, 13.09.2010. № 37. Ст. 4643.

³ Там же, 23.10.2023. № 43. Ст. 7675.

периода развития России, например провозглашающие уважение человека труда, принятие мер по обеспечению мирного сосуществования государств. Одной из важных основ конституционного развития РСФСР была дружба народов. Ст. 62 Конституции РСФСР 1978 г. провозглашала долгом каждого гражданина укреплять дружбу наций и народностей Советского многонационального государства, а интернациональным долгом – содействовать развитию дружбы и сотрудничества с народами других стран. К сожалению, данное конституционное наследие не нашло непосредственного закрепления в Конституции РФ. Конечно, в современном конституционном развитии России оно могло бы быть востребовано без идеологической догмы об интернациональном характере дружбы народов.

В ч. 1 ст. 59 Конституции РФ провозглашается защита Отечества не только как обязанность, но и как долг гражданина РФ. Это предполагает повышенную ответственность гражданина, основанную на его нравственных убеждениях и поощряемую моральными принципами организации общества за участие в обеспечении государственного суверенитета своей Родины. Россия – многонациональная страна. Дружба народов для сохранения ее территориальной целостности имеет не меньшее значение, чем защита в случае агрессии. Поэтому содействие укреплению дружбы народов России, развитие дружбы и сотрудничества с народами других стран можно рассматривать в качестве конституционного долга гражданина РФ.

В Указе Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»¹ одним из основных

¹ Собрание законодательства Российской Федерации, 24.12.2012, № 52. Ст. 7477.

направлений государственной национальной политики названо сохранение и приумножение духовного, исторического и культурного наследия и потенциала многонационального народа Российской Федерации посредством пропаганды дружбы народов. Во-первых, национальная политика должна основываться, вероятно, не на пропаганде, а на воспитании культуры дружбы народов. Во-вторых, дружба народов – понятие, имеющее универсальное значение. Достигнуть положительных результатов здесь невозможно в границах страны, оторвавшись от мирового сообщества. Правильно исходить из необходимости стремления к дружбе народов во всем мире.

В Уставе ООН одна из целей ООН провозглашена: «Развивать дружественные отношения между нациями». Часть 4 статья 15 Конституции РФ определяет, что общепризнанные нормы международного права являются составной частью правовой системы Российской Федерации. Следовательно, дружбу народов можно рассматривать как принцип конституционного развития России.

В Конституцию РФ в 2020 г. были внесены поправки, которые имеют значение для дружбы народов.

1. Согласно ст. 67.1 Конституции РФ, Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, сохраняет преемственность в развитии Российского государства.

О` Коннелл писал, что собственная суверенная власть государства, заступающего на место другого государства в осуществлении суверенитета над какой-либо территорией, распространяется на поглощенную территорию как неизбежное последствие акта преемства [4, с. 305]. Включение в текст Конституции России нормы о правопреемстве на своей территории было бы важно сразу после

подписания Соглашения от 8 декабря 1991 г. «О создании Содружества Независимых Государств»¹. В тот момент это было важно для решения многих вопросов, например: о выплате пенсий, право на которые возникло до перемены суверенитета, выплат по вкладам, внесенным в Сберегательный банк СССР, определении российского гражданства, действия нормативных актов СССР. В прошествии почти трех десятилетий после прекращения существования СССР как субъекта международного права включение нормы о преемственности России на своей территории не имело какого-либо существенного значения для реализации прав граждан.

Норма о преемственности в развитии Российского государства требует уточнения. Во-первых, речь следует вести о преемственности государственности, а не государства. Согласимся с Н. А. Рябининым, утверждающим, что категория «государственность» имеет гораздо больший объем и включает государство в качестве одной из составляющих². Киевская Русь – Московское государство – Российская империя – Советское государство – Российская Федерация – этапы развития отечественной государственности. Говорить о преемственности в отношении одновременно к Российской империи и Советской России невозможно, поскольку Конституция РСФСР 1918 г. устанавливала антагонистические нормы по отношению к предшествовавшему политическому режиму. Р. А. Ромашов верно пишет: «В истории России следует выделить три исторических этапа, каждый из которых характеризует собой завершённые в историческом плане государственно-правовые явления: Российскую Империю, РСФСР/ СССР, Российскую Федерацию. Завершение

¹ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации, 19.12.1991. № 51. Ст. 1798.

² Рябинин Н. А. Преемственность государственности: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2001. С. 6.

каждого цикла означает разрыв исторической традиции и начало «новой истории новой России» [5, с. 130].

Во-вторых, в истории России имели место события, впоследствии получившие официальное осуждение, например, в Постановлении Съезда народных депутатов СССР от 24.12.1989 № 979–1 «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года», в Законе РСФСР от 26.04.1991 № 1107–1 «О реабилитации репрессированных народов» (ред. от 01.07.1993)¹, в Законе РФ от 18.10.1991 № 1761–1 «О реабилитации жертв политических репрессий» (ред. от 28.12.2022)². Отметим, что порицание от имени государства событий, имевших место в прошлом страны, наличествует и в зарубежных странах. Так, в 2009 г. Конгрессом США была принята резолюция с извинениями перед коренными жителями Америки.

В конституционном праве вопрос о правопреемстве государств является малоизученным. Согласимся с мнением В. А. Рыбакова: «Отношение к прошлому – один из главных политических вопросов в любой стране»³. Закрепление в Конституции РФ идей преемственности требует определения того, что именно должно быть взято из прошлого для последующего конституционного развития России. Этому должен предшествовать вдумчивый научный анализ и общественное обсуждение проблемы. Имеющая место сегодня форма провозглашения России правопреемником Союза ССР на своей территории и преемственности в развитии Российского государства может создать опасения в реставрации элементов уже ушедшего в прошлое политического режима. Это не бу-

¹ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР, 02.05.1991. № 18. Ст. 572.

² Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР, 31.10.1991. № 44. Ст. 1428.

³ Рыбаков В. А. Преемственность в отечественном праве в переходный период: общетеоретические вопросы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск. 2009. С. 19.

дет способствовать укреплению дружбы народов как внутри России, так и за ее пределами.

2. В ч. 1 ст. 68 Конституции РФ определяется статус русского языка как языка государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации.

Одна из главных функций конституции – объединительная. В обществе есть немало противоречий, многие обстоятельства влияют на различие граждан. Долговечна та конституция, в которой ее составителями найдены идеи, сближающие граждан страны. В Конституции РФ формулой, цементирующей каждого в единый общественный монолит, является категория «многонациональный народ Российской Федерации».

Обратим внимание, что каждая последующая конституция советского периода развития России, хотя и исходила из классовой структуры общества, все в большее степени рассматривала государство как единое образование. Конституция СССР 1924 г. определяла СССР как «добровольное объединение равноправных народов», Конституция СССР 1936 г. – «добровольное объединение равноправных Советских Социалистических Республик», Конституция СССР 1977 г. – «единое союзное многонациональное государство». Рассматривая этот феномен, М. Г. Кириченко писал: «Речь идет о прогрессирующем сближении наций и народностей СССР» [6, с. 20]. Однако это не уберегло СССР от распада. Одной из юридических предпосылок для прекращения существования СССР стало присутствие в текстах советских конституций нормы, допускающей пересмотр единства государства через реализацию каждой союзной республикой права свободного выхода из СССР.

В ст. 68 Конституции РФ вводятся такие определения, как «государствообразующий народ», «многонациональ-

ный союз равноправных народов». Во-первых, возникают сложности в определении их соотношения с категорией «многонациональный народ», который принял Конституцию РФ. Во-вторых, поскольку русский язык установлен в качестве государственного, то он является языком всего многонационального народа России, независимо от деления на национальности. В конституциях республик русский язык признан государственным. Например, ст. 8 Конституции Татарстана от 6 ноября 1992 г. гласит: «Государственным языком Республики Татарстан являются равноправные татарский и русский языки». Именно многонациональный народ России и есть ее государствообразующий народ.

Требуется уточнение, какие народы, помимо государствообразующего, входят в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации. Анализ конституций и уставов субъектов Российской Федерации показывает, что в них отсутствуют нормы, взаимосвязанные с положениями Конституции РФ о государствообразующем народе и многонациональном союзе равноправных народов. Например, в преамбуле Конституции Чеченской Республики от 23 марта 2003 г. сказано, что многонациональный народ Чеченской Республики свидетельствует о своей исторической общности с Россией и ее многонациональным народом. В преамбуле Конституции Республики Дагестан от 10 июля 2003 г. многонациональный народ Республики Дагестан понимается как составная часть многонационального народа Российской Федерации, исторически объединившегося в единое государство.

Неопределенность в конституционных понятиях, определяющих устройство государства, не способствует укреплению дружбы между народами и в перспективе может нарушить сложившийся конституционный порядок.

Вновь вспомним опыт государственного строительства СССР. Вряд ли в момент принятия советских конституций можно было всерьез рассматривать нормы, устанавливавшие право выхода союзных республик из СССР. Однако при изменении политического режима стало иным отношение и к возможности их реализации.

3. Согласно ч. 3 ст. 69 Конституции РФ, Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности. Согласно ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»¹, признание своей принадлежности к соотечественникам является актом личной самоидентификации, подкрепленной общественной либо профессиональной деятельностью по укреплению дружественных отношений государств проживания соотечественников с Российской Федерацией. Включение в Конституцию РФ нормы о поддержке соотечественников за рубежом следует признать обоснованным. После распада СССР за пределами государственных границ России проживало значительное число тех, кто рассматривал ее как свою историческую Родину. Однако вызывает сомнение корректность формулировки текста Конституции РФ, определяющего государственную политику России в отношении данной категории лиц.

Речь должна идти о поддержке культурных связей соотечественников с Россией через участие в ее культурной жизни, изучении русского языка, получении ими образования, для отдельных групп, например ветеранов Великой Отечественной войны, – предоставлении дополнительных мер социальной защиты. Примером

¹ Собрание законодательства Российской Федерации, 31.05.1999. № 22. Ст. 2670.

эффективной государственной политики в отношении соотечественников за рубежом можно считать подписанное в Бишкеке 29 марта 2023 г. Соглашения между Правительством Российской Федерации и Кабинетом Министров Киргизской Республики об условиях строительства, создания и функционирования в Киргизской Республике совместных общеобразовательных организаций, осуществляющих обучение на русском языке¹.

Поддержка соотечественников в осуществлении ими всех прав невозможна. Так, содействие в реализации политических прав может рассматриваться как вмешательство во внутренние дела иностранного государства. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г. гласит, что «вмешательства или всякие угрозы, направленные против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных основ, являются нарушением международного права». Еще более сложно защитить «интересы» соотечественников за рубежом. Ведь интересы могут быть у каждого человека личные. Часто под ними выступает получение выгоды, пользы, прибыли. Защита таких интересов должна учитывать возможности экономики России.

Дружба с народами, являющимися титульными нациями стран, в которых проживают наши соотечественники, является гарантией эффективности государственной политики России, направленной на поддержку русскоязычного населения иностранных государств. Поэтому нормы ч. 3 ст. 69 Конституции РФ можно было бы скорректировать, например, следующим образом: «Россия поддерживает связи с соотечественниками, проживающими за рубежом: обеспечивает их участие в культурной

¹ Собрание законодательства Российской Федерации, 23.10.2023. № 43. Ст. 7598.

жизни исторической Родины, изучении русского языка, получении образования в России».

Заключение

Дружба – идеал, переданный предками многонациональному народу Российской Федерации. Дружба народов – принцип конституционного развития России. Укрепление дружбы народов России, содействие развитию дружбы с народами других стран следует рассматривать как конституционный долг гражданина. Обеспечение дружбы народов России, а также дружбы с народами других стран – обязанность органов публичной власти. Этим вопросам предстоит найти более подробное рассмотрение в научных исследованиях по конституционному праву Российской Федерации.

Список литературы

1. Аристотель. Никомахова этика. – СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2022. – 443 с.
2. Цицерон. О дружбе // О старости. О дружбе. Об обязанностях. – М.: Наука, 1993. – 245 с.
3. Кон И. С. Дружба. Этико-психологический очерк. – СПб.: Питер, 2005. – 329 с.
4. О`Коннелл. Правопреемство государств. – М.: Иностранная литература, 1957. – 589 с.
5. Ромашов Р. А. Изменения Конституции России: исторические предпосылки, целеполагания, юридическая техника: монография / авт. колл.; под общ. ред. Д. Е. Мерешкина, С. Л. Сергевнина, Н. В. Разуваева. – СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. – С. 110–135.
6. Кириченко М. Г. Единое союзное многонациональное государство. – М.: Юридическая литература, 1978. – 87 с.

References

1. Aristotel' (2022) *Nikomahova etika* [Nikomakhova ethics]. St. Petersburg: Azbuka-Attikus. (In Russian).
2. Ciceron (1993) *O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyah* [About old age. About friendship. About responsibilities]. Moscow: Nauka. (In Russian).
3. Kon, I. S. (2005) *Druzhba. Etiko-psihologicheskij ocherk* [Ethical and psychological essay]. St. Petersburg. (In Russian).
4. O`Konnell (1957) *Pravopreemstvo gosudarstv* [Succession of states]. Moscow: Inostrannaya literatura. (In Russian).

5. Romashov, R. A. (2022) *Izmeneniya Konstitucii Rossii: istoricheskie predposylki, celepolaganiya, yuridicheskaya tekhnika: monografiya / avt. koll.; pod obshch. red. D. E. Mereshkina, S. L. Sergevnina, N. V. Razuvaeva* [Amendments to the Constitution of Russia: historical prerequisites, goal-setting, legal technique: monography. Eds. D. E. Mereshkina, S. L. Sergevnina, N. V. Razuvaeva]. St. Petersburg: IPC SZIU RANHiGS. Pp. 110–135. (In Russian).

6. Kirichenko, M. G. (1978) *Edinoe soyuznoe mnogonacional'noe gosudarstvo* [United Union multinational state]. Moscow. YUridicheskaya literatura. (In Russian).

Об авторе

Мамонов Вадим Васильевич, доктор юридических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0001-8274-5991, e-mail: vadimmamonov2020@yandex.ru

About the author

Vadim V. Mamonov, Dr. Sci. (Law), Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0001-8274-5991, e-mail: vadimmamonov2020@yandex.ru

Поступила в редакцию: 18.01.2024
Принята к публикации: 30.01.2024
Опубликована: 30.03.2024

Received: 18 January 2024
Accepted: 30 January 2024
Published: 30 March 2024

Избирательная система России: от думских выборов 1906 г. к президентским 2024 г.

Р. А. Ромашов, О. В. Виноградов, М. В. Рыбкина

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

На основании предложенной дефиниции избирательной системы как совокупности институциональных и процессуальных составляющих, обеспечивающих проведение в России открытых, свободных, демократических выборов, осуществляется сравнительно-правовой анализ особенностей организации и проведения выборов в представительные органы публичной власти на различных исторических этапах (циклах) российского политогенеза.

Анализируется структура современной российской избирательной системы. Определяются целевые установки избирательного процесса, законодательные основы, субъектный состав и содержательные особенности.

Осуществляется характеристика президентской избирательной кампании 2024 г., с акцентированием внимания на особенностях ее проведения в субъектах Федерации, на территориях которых действуют чрезвычайные режимы правового регулирования.

Ключевые слова: представительство, представительные органы, избирательная система, выборы, парламент, советский народ, народ Российской Федерации, электорат, электоральные группы, политические партии, режим военного положения.

Для цитирования: Ромашов Р. А., Виноградов О. В., Рыбкина М. В. Избирательная система России: от думских выборов 1906 г. к президентским 2024 г. // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 1 (75). – С. 174–197. DOI: 10.35231/18136230_2024_1_174. EDN: CUFBRD

Electoral System of Russia: From the Duma Elections of 1906 to the Presidential Elections of 2024

Roman A. Romashov, Oleg V. Vinogradov, Marina V. Rybkina

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

Based on the proposed definition of the electoral system as a set of institutional and procedural components that ensure the holding of open, free, democratic elections in Russia, a comparative legal analysis of the features of the organization and conduct of elections to representative bodies of public power is carried out at various historical stages (cycles) of Russian political genesis.

The structure of the modern Russian electoral system is analyzed. The objectives of the electoral process, legislative framework, subject composition and substantive features are determined.

The characteristics of the 2024 presidential election campaign are carried out, with an emphasis on the peculiarities of its conduct in the constituent entities of the federation, in the territories of which emergency regimes of legal regulation are in force.

Key words: representation, representative bodies, electoral system, elections, parliament, Soviet people, people of the Russian Federation, electorate, electoral groups, political parties, martial law regime.

For citation: Romashov, R. A., Vinogradov, O. V., Rybkina, M. V. (2024) Izbiratel'naya sistema Rossii: ot dumskih vyborov 1906 g. k prezidentskim 2024 g. [Electoral System of Russia: From the Duma Elections of 1906 to the Presidential Elections of 2024]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (75). Pp. 174–197. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_1_174. EDN: CUFBRD

Введение

В ст. 3 Конституции России говорится о том, что «единственным источником власти в Российской Федерации является многонациональный народ... Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы». Обеспечение процессов подготовки и проведения выборов и референдумов осуществляется посредством национальной избирательной системы, формирующейся и функционирующей под воздействием как объективных, так и субъективных факторов.

Актуальность проблемных вопросов, связанных с характеристикой избирательной системы, обусловлена, с одной стороны, теоретической неоднозначностью концептуального статуса избирательной системы как совокупности институциональных и процессуальных составляющих, объединенных общими целевыми установками и ценностными приоритетами, а с другой стороны, практической значимостью средств и технологий избирательного процесса, обеспечивающих проведение в России открытых, свободных, демократических выборов.

Целью осуществленного в рамках избранной проблематики исследования является проведение комплексного историко-теоретического и сравнительно-правового анализа избирательной системы России, с акцентированием внимания на особенностях ее понимания и структурирования в условиях циклического политогенеза Российского государства.

Достижение поставленной цели связывается с решением следующих задач:

- Проанализировать избирательную систему как теоретико-правовую конструкцию;
- показать особенности структурирования и функционирования национальной избирательной системы России на различных исторических этапах политогенеза;

■ провести праксиологический анализ современной избирательной системы Российской Федерации с учетом факторов влияющих на выборы президента России в 2024 г.

Авторы в своих рассуждениях руководствовались теоретической концепцией реалистического позитивизма (Р. А. Ромашов) [11], позволяющей рассматривать национальную избирательную систему в качестве двуединства юридической формы и социально-психологической субстанции.

Понимание избирательной системы в контексте цикличного политогенеза российской государственно-правовой системы

История Российского государства представляет собой явление, восприятие которого носит двойственный характер. В 2020 г. во внесенном в Конституцию пакете поправок в том числе было положение, в котором отмечалось, что «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» (ст. 67.1). Безусловно, что обозначенный в Конституции 1000-летний период существования Российской Федерации носит метафорический характер. Как суверенное государство, выраженное в юридических формах (правления, административно-территориального устройства, политического режима) и являющееся автономным субъектом международных отношений (членом ООН), Россия существует с 1992 г. При этом факт обретения современной Россией государственного суверенитета непосредственным образом связан с распадом Союза ССР, о правопреемстве по отношению к которому, также говорится в Конституции. Используемый авторами метод

циклического политогенеза, не отрицая линейной истории «1000-летней» России как социально-культурного явления, объединяющего «русскую землю, русский народ и русскую веру», вместе с тем по отношению к пониманию Российского государства в формально-юридическом аспекте предполагает выделение трех дискретных исторических циклов (монархического, советского, постсоветского), каждый из которых характеризуется собственными только ему признаками.

В контексте рассматриваемой проблематики следует выделять три модели представительства и обусловленные ими виды избирательных систем.

Для Московского царства Всея Руси (Российской империи), была характерна система сословно-имущественного представительства (Земский собор, государственная дума), формирующегося из представителей сословных электоральных групп. Земский собор (середина XVI – конец XVII в.) включал представителей светской (Боярская дума) и церковной (Освященный собор) аристократии, а также «земских послов» (городскую знать, военачальников, земских старост) [7]. Формирование отечественной избирательной системы в современном ее понимании связывается с организацией и проведением выборов в первый в российской истории парламентский орган – Государственную думу Российской империи. В соответствии с Положением о выборах, утвержденным Манифестом об учреждении Думы от 6.08.1905, для организации выборов в Государственную думу (1906–1917 гг.) были созданы четыре избирательных курии (поместное дворянство (крупные землевладельцы), представленные двумя разрядами (крупная торгово-промышленная буржуазия, мещане и разночинцы) горожане, фабрично-заводские рабочие, крестьяне) [2]. Избирательные округа были созданы на базе

губерний, областей, а также особо выделенных 26 городов, имевших наиболее важное значение для политико-экономической жизни страны [10].

Избирательная система в условиях монархического государства носила ярко выраженный дискриминационный характер. Самое большое по численности крестьянское сословие обладало наименьшими электоральными возможностями. Кроме того, были лишены избирательных прав женщины, военнослужащие, студенты, «бродячие инородцы» [1].

Формирование Советского государства стало следствием Великой Октябрьской революции 1917 г., начало которой было положено осуществленным под руководством партии большевиков (впоследствии КПСС) государственным переворотом [15]. Отменив сословное неравенство, революция узаконила неравенство классовое. В соответствии с первой писаной Конституцией РСФСР 1918 г.: «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции» (ст. 23). К числу «лишенцев» были отнесены:

- лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;
- лица, живущие на нетрудовой доход, как то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.;
- частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;
- монахи и духовные служители церквей и религиозных культов;
- служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома;

- лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой;

- лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором (ст. 65).

Выборы в представительные органы советской власти носили многоступенчатый характер. Нижестоящие советы избирали вышестоящие. Высшим органом государственной власти являлся Всероссийский Съезд Советов [6].

С принятием Конституции СССР 1936 г. связывается завершение периода революционной законности, обусловившей «окончательную победу социализма» в отдельно взятой стране (И. В. Сталин)¹ и переход к системе социалистической законности, в рамках которой советская избирательная система претерпела качественные изменения.

В качестве высшего органа государственной власти новая Конституция определяла двухпалатный советский парламент – Верховный Совет СССР, формирование которого осуществлялось по политико-территориальному (Совет Союза) и национальному (Совет Национальностей) принципам. Выборы осуществлялись по мажоритарной системе и являлись всеобщими, равными, прямыми, тайными [16].

Формально была отменена категория «лишенцев», хотя на практике сохранились дискриминационные ограничения в отношении «врагов народа» и членов их семей. Современные исследователи отмечают, что в условиях, сложившихся на момент принятия «самой демократической конституции мира» [3], выявление «классовых врагов народа» с последующей дискриминацией их избирательного статуса выходит за пределы круга «лишенцев», и это, по сути, лишало смысла легальное существование

¹ См.: Клейн А. Сталин и Зиновьев. Социализм в отдельной стране? [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2023/11/05/1693> (дата обращения: 02.01.2024).

института лишения избирательных прав как самостоятельного вида юридической ответственности [13]. Сложившаяся в период действия социалистической законности (1936–1988 гг.) избирательная система базировалась на классово-партийной структуре советского общества как интернационального союза трудящихся, в своей совокупности формирующих новую историческую общность – советский народ (преамбула Конституции СССР 1977 г.) представленный «нерушимым блоком коммунистов и беспартийных» [8].

Классовая структура советского народа предполагала выделение двух основных классов: рабочего класса и колхозного крестьянства, а также «прослойку» трудовой интеллигенции (советских служащих), выступающих в качестве электоральных групп, представленных депутатами трудящихся в советских органах государственной власти. О том, что названный электорат в реальности составлял основу советского парламентаризма, свидетельствует социальный состав Верховного Совета (1938–1989 гг.), в котором, несмотря на заявляемую официальной властью главенствующую роль рабочего класса, на всех этапах «парламентское большинство» принадлежало представителям «совслужащих». В доказательство можно сослаться на статистические данные, приведенные Б. Н. Миرونным: «Доля служащих де-факто среди депутатов, как правило, превышала половину. В 1938–1989 гг. средний процент депутатов из рабочих равнялся 26,6, из колхозников – 13,3 и из служащих – 58,3 %. Рабочие и крестьяне даже вместе всегда были в меньшинстве. Аналогичная ситуация наблюдалась в Верховных Советах союзных и автономных республик, а также в местных Советах» [8].

Трансформация советской избирательной системы была обусловлена политикой перестройки, имевшей своей целью «апгрейд» социалистического государства

в целях придания ему «человеческого лица»¹, ассоциировавшегося у инициаторов перестройки с так называемыми общечеловеческими, а по сути своей западными либеральными ценностями, которые, по мнению советских руководителей, пришедших к власти в середине 90-х гг. XX в., должны были изменить форму, но не суть как российского, так и мирового социализма. Общеизвестно, что непродуманные реформы наносят вред больший, нежели простое бездействие. Руководствующиеся «благими помыслами», советские руководители, попытавшиеся «скрестить» капитализм и социализм, экспериментально доказали невозможность «совмещения несовместимого». К сожалению, результатом этого эксперимента стало не только научно-теоретическое фиаско несостоятельных новаторов, но и масштабная цивилизационная трагедия – распад мировой сверхдержавы – СССР и обусловленное этим историческим событием разрушение мировой системы социалистического права [12].

Модель современной избирательной системы Российской Федерации

Несмотря на то что Конституция рассматривает современную Россию не только как правопреемника, но и как правопродолжателя Союза ССР (ст. 67.1), в реальности сложившийся в Российской Федерации государственный и общественный строй качественно отличается от советского. Изменения затронули практически все формы Российского государства и права, экономику, идеологию, сферу духовной жизни и т. п. Естественно, что претерпела существенные изменения система представительных органов публичной власти и неразрывно связанная с ней избирательная система [9].

¹ См.: Ратин Ф. Почему у социализма нет человеческого лица? [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/@classical_liberal-pochemu-u-socializma-net-chelovecheskogo-lica1 (дата обращения: 02.01.2024).

На сегодняшний день избирательная система России представляет собой комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих структурных элементов (институциональных и процессуальных), объединенных общей целью – обеспечением избирательного процесса и вовлеченных в решение обусловленных этой целью постановочных задач, к числу наиболее значимых среди которых следует отнести:

- формирование, систематизацию, оптимизацию источников (юридических форм) избирательного права;
- определение профессиональных компетенций субъектов, осуществляющих организационное управление избирательным процессом и создание условий по реализации компетентностного подхода в ходе подготовки и проведения выборов и референдумов;
- обеспечение соответствия избирательного процесса требованиям национального законодательства и международным стандартам;
- своевременное восполнение пробелов в избирательном праве;
- создание действенных механизмов по устранению нормативных коллизий, а также предотвращение, пресечение и разрешение спорных и конфликтных ситуаций в избирательном процессе.

В условиях современного российского парламентаризма концепция органов публичной власти представлена несколькими видами:

- общенациональное (общенародное) представительство – президент Российской Федерации;
- государственное представительство – сенаторы Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации – представители Российской Федерации;
- электоральное (партийное) представительство – депутаты – представители политических партий в Государствен-

ной Думе Федерального Собрания Российской Федерации и парламентских органах субъектов федерации, избранные по пропорциональной системе (по партийным спискам);

- представительство главы государства – представители президента Российской Федерации в федеральных округах и федеральных органах государственной власти;
- региональное (субъектов Федерации) представительство – депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и парламентских органов субъектов Федерации, избранные по мажоритарной системе;
- местное – депутаты муниципальных советов.

В отличие от «коллективного статуса» советского человека как трудящегося (добывающего средства к существованию собственным производительным трудом, исключая эксплуатацию человека человеком и нетрудовые доходы, т. е. официально трудоустроенному), либо законного иждивенца, в современных условиях понятие «трудящийся» заменено на «занятый». В качестве занятости законодатель рассматривает как трудовую (в форме официального трудоустройства), так и иные, не противоречащие законодательству Российской Федерации, виды деятельности граждан (к примеру, индивидуальное предпринимательство, самозанятость и др.), осуществляемые ими в целях получения дохода¹.

Фактическое отождествление понятий «занятость» и «трудоустройство» привело к «размыванию» социального статуса «человека труда», распространяющемуся в настоящее время практически на всех граждан, получающих доходы не противоречащим закону путем. Подобная неопределенность существенным образом влияет на социальный состав как федерального, так и региональных парламентов, в которых достаточно большое

¹ О занятости населения в Российской Федерации: федер. закон от 12.12.2023 г. № 565-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50059> (дата обращения: 02.01.2024).

количество «народных депутатов» представлены гражданами, владеющими многомиллионными (в долларовом эквиваленте) состояниями, а также всякого рода медийными личностями (известными спортсменами, телеведущими, артистами и т. п.), электоральная принадлежность которых, равно как и их «партийная ориентация», вызывают законные вопросы избирателей¹. Причем, в отличие от советского депутатского корпуса, осуществлявшего свои представительские функции на так называемой «неосвобожденной» основе (ст. 104 Конституции СССР 1977 г. закрепляла положение о том, что «Депутат осуществляет свои полномочия, не прерывая с производственной или служебной деятельностью»), современные народные избранники на федеральном и региональном (частично) уровне являются профессиональными политиками, осуществляющими свои полномочия, основываясь на принципе «свободного мандата» [17].

Сложившаяся в настоящее время избирательная система Российской Федерации представляет собой структурно-функциональный элемент единой системы публичной власти и в подобном качестве включает три уровня: федеральный (общегосударственный), региональный (субъектов Федерации), местный (муниципальных образований).

Источники (юридические формы) избирательного права представляют иерархическую систему во главе с Конституцией Российской Федерации. Особенностью национального избирательного законодательства является его некодифицированный характер, что обуславливает существование многочисленных повторов и коллизий между федеральными и региональными нормативно-правовыми актами.

¹ Миллиардеры, космонавты, спортсмены: чего ждать от депутатов новой Госдумы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2620125/> (дата обращения: 02.01.2024).

В качестве основных субъектов избирательных правоотношений выступают государство (Российская Федерация/Россия), с одной стороны, и народ России как коллективный носитель суверенитета и источник власти, с другой. Кроме того, в субъектный состав избирательных правоотношений входят федеральные и региональные органы государственной власти (Президент РФ, Совет Федерации ФС РФ, Конституционный и Верховный суды РФ, высшие должностные лица и парламентские органы субъектов РФ), иные государственные органы (ЦИК РФ), институты гражданского общества (политические партии и общественные движения).

С учетом особенностей сложившегося в настоящее время представительства, современная российская избирательная система объединяет две типовых модели: мажоритарную (выборы президента РФ, высших должностных лиц субъектов РФ, местных советов народных депутатов) и смешанную – мажоритарно-пропорциональную (выборы депутатов Государственной Думы ФС РФ, парламентских органов субъектов РФ).

Анализ формальных и содержательных характеристик современной избирательной системы РФ, дает основания сделать вывод о ее функциональной компетентности, позволяющей с достаточной степенью эффективности обеспечивать избирательный процесс, в том числе в сфере организации и проведения выборов главы государства – президента РФ.

Особенности избирательной кампании по выборам президента России в 2024 г.

Так, 4 октября 2022 г. президентом РФ были подписаны федеральные конституционные законы о принятии в Российскую Федерацию и образовании в её составе четырёх новых субъектов: ЛНР, ДНР, Запорожской и Херсонской

областей. Территории новых субъектов стали неотъемлемой частью России. Между тем против нашего государства продолжилось ещё более интенсивное применение Вооружённых сил Украины при пособничестве националистических формирований и иностранных наёмников [4, с. 120]. Усилились меры финансовой поддержки и поставки Украине различных типов вооружений государств-членов блока НАТО и их сателлитов, а также расширение применения рестрикций к нашей стране. Так, Фэнли Го в данном контексте справедливо отмечает, что «... характер происходящего на Украине, варьируется: для прямых участников специальной военной операции – она является примером классического общевоинского противостояния между Россией и Украиной; с позиции ее косвенных участников – это типичная гибридная война США и их союзников руками прокси, в роли которых выступают режим В. Зеленского и другие прямые участники конфликта» [5, с. 147].

Эти и иные обстоятельства потребовали применения Российской Федерацией дополнительных чрезвычайных мер организационно-правового воздействия на сложившуюся обстановку посредством введения правового режима военного положения на территориях новых субъектов России. Руководствуясь ч. 2 ст. 87 Конституции РФ, ст. 3 и 4 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) (далее – ФКЗ) «О военном положении»¹, 19 октября 2022 г. президент РФ подписал указ № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей»² которое было введено на указанных территориях с 20 октября 2022 г. с нуля часов и действует до настоящего времени.

¹ Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

² Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). 19 октября 2022. № 0001202210190002.

В этой связи возник вопрос об организационных и правовых гарантиях реализации избирательных прав граждан России на территориях, где введено военное положение.

29 мая 2023 г. президентом РФ был подписан ФКЗ № 2-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы»¹. Этим нормативным правовым актом были внесены изменения в п. 4 ст. 7 ФКЗ от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении». Если ранее положения приведённого пункта ст. 7 в императивной форме устанавливали прямой запрет проведения выборов и референдумов на территориях, где введено военное положение, то в настоящее время ЦИК России может назначать выборы и референдумы различного уровня на таких территориях. При этом выборы и референдумы могут проводиться как на всей территории, где введено военное положение, так и на ее части².

Также 29 мая 2023 г. был опубликован и вступил в силу Федеральный закон от № 184-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³. В частности, были внесены изменения и дополнения в Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Так, наименование ст. 10.1 этого нормативного правового акта изложено в следующей редакции «Проведение выборов, референдума при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации,

¹ О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы: федер. конституционный закон от 29 мая 2023 г. № 2-ФКЗ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406845302/> (дата обращения: 02.01.2024).

² Так, например, в соответствии с приведённой нормой и избирательным законодательством России выборы в органы государственной власти и органы местного самоуправления в новых регионах России прошли 8, 9 и 10 сентября 2023 г.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29.05.2023 № 184-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305290009> (дата обращения: 02.01.2024).

военного положения»¹. Эта же статья дополнена пп. 5–12 конкретизирующими порядок проведения выборов и референдумов на указанных территориях в период действия военного положения.

Так, 14 ноября 2023 г. президентом РФ был подписан и вступил в силу Федеральный закон № 531-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" и ст. 1 Федерального закона "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд"»². В частности, этим законом были внесены редакционные изменения и дополнения в ст. 10.1, предусматривающие проведение выборов и референдумов на территориях, где действует военное положение.

Позже, 11 декабря 2023 г. было принято постановление ЦИК РФ № 141/1084–8 «О проведении выборов Президента Российской Федерации на части территории Российской Федерации, на которой введено военное положение»³ в соответствии с которым допускается проведение выборов президента РФ, назначенных на 17 марта 2024 г. на территориях ДНР, ЛНР, Запорожский области и Херсонской области. Это решение было принято ЦИК РФ по результатам консультаций с Министерством обороны РФ, ФСБ РФ и высшими должностными лицами субъектов России, на территориях которых введено военное положение, основываясь на позициях указанных феде-

¹ Ранее ст. 10.1 имела следующее наименование: «Проведение выборов, референдума при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации».

² О внесении изменений в Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" и ст. 1 Федерального закона "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд": федер. закон от 14.11.2023 № 531-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311140006> (дата обращения: 05.01.2024).

³ О проведении выборов Президента Российской Федерации на части территории Российской Федерации, на которой введено военное положение: постановление ЦИК РФ от 11 декабря 2023 г. № 141/1084–8. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/54213/> (дата обращения: 05.01.2024).

ральных органов исполнительной власти и высших должностных лиц субъектов Федерации.

Далее, 13 декабря 2023 г. ЦИК РФ приняла постановление № 142/1086–8 «О Положении об особенностях подготовки и проведения выборов Президента Российской Федерации в период действия военного положения на части территории Российской Федерации»¹, которым было утверждено данное Положение.

Таким образом, подготовка и проведение выборов президента РФ в 2024 г. характеризуются рядом особенностей, связанных с созданием дополнительных организационно-правовых возможностей реализации активного избирательного права граждан России, обеспечением безопасности, защиты жизни и здоровья участников избирательного процесса.

В целях создания дополнительных возможностей реализации избирательных прав граждан Российской Федерации, руководствуясь положениями ст. 63.1 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»² (далее – Федеральный закон № 67-ФЗ), ст. 68.1 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ (ред. от 14.11.2023) «О выборах Президента Российской Федерации»³ (далее – Федеральный закон № 19-ФЗ), ЦИК РФ решила, что голосование на выборах Президента РФ будет проходить в течение трех дней – 15, 16 и 17 марта 2024 г.⁴

¹ О рекомендациях по организации голосования на избирательных участках, образованных за пределами территории Российской Федерации, при проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва и выборов Президента Российской Федерации: постановление ЦИК РФ от 03 августа 2011 г. № 23/238–6. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/25879/> (дата обращения: 05.01.2024).

² Российская газета. 15 июня 2002 г.

³ Российская газета. 16 января 2023 г.

⁴ См.: О проведении голосования на выборах Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 г., в течение нескольких дней подряд: постановление ЦИК РФ от 8 декабря 2023 г. № 140/1080–8. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/54202/> (дата обращения: 01.01.2024).

Особенностью выборов президента РФ в 2024 г. также является и то, что при их проведении будут использованы четыре вида голосования:

- основное, которое пройдет 17 марта 2024 г. непосредственно на избирательных участках;
- придомовое, проводимое вне помещений для голосования (на придомовых территориях, на территориях общего пользования и в иных местах);
- дистанционное электронное голосование (далее – ДЭГ);
- досрочное голосование.

Согласно п. 4 постановления ЦИК РФ от 8 декабря 2023 г. № 140/1080–8 (ред. от 08.02.2024) «О проведении голосования на выборах Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 г., в течение нескольких дней подряд», в целях обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья граждан Российской Федерации при подготовке и проведении выборов президента РФ придомовое голосование будет применяться на территориях 9 субъектов Российской Федерации – Республики Крым, Белгородской, Брянской, Курской областей и города федерального значения Севастополя, а также ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей.

Руководствуясь ст. 64.1 Федерального закона № 67-ФЗ, п. 17 ст. 69 Федерального закона № 19-ФЗ, 20 декабря 2023 г. ЦИК РФ приняла постановление № 143/1099–8 «О дистанционном электронном голосовании на выборах Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 года»¹, которым утвержден Порядок дистанционного электронного голосования на выборах президента Российской Федерации. ДЭГ будет проходить только в тех регионах, где оно уже было опробовано

¹ О дистанционном электронном голосовании на выборах Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 года: постановление ЦИК России от 20 декабря 2023 г. № 143/1099–8 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cikr.ru/activity/docs/postanovleniya/54274/> (дата обращения: 10.01.2024).

ранее, т. е. в 29 субъектах России. По словам Э. Памфиловой, «предлагается провести дистанционное голосование в 29 субъектах. Потенциально участие в электронном голосовании могут осуществить около 38 млн избирателей»¹. ДЭГ начнется в восемь часов 15 марта и завершится в двадцать часов 17 марта 2024 г. по местному времени.

Пункт 1 ст. 65 Федерального закона № 67-ФЗ, п. 1 ст. 70 Федерального закона № 19-ФЗ закрепляют положение о том, что избирательные комиссии субъектов России вправе разрешить проведение *досрочного* голосования «всех избирателей на одном или нескольких избирательных участках, образованных на судах... полярных станциях, в *труднодоступных или отдаленных местностях*». Таким образом, в соответствии с постановлением ЦИК РФ 13 декабря 2023 г. № 141/1084–8 трехдневному голосованию на выборах Президента РФ в 2024 г. в новых субъектах Федерации будет предшествовать досрочное голосование, проводимое на территориях, признанных *труднодоступными или отдалёнными*² в связи с введённым, в рамках СВО военным положением в период с 25 февраля по 14 марта 2024 г.

Обобщая сказанное, следует констатировать, что подготовка и проведение выборов президента России в 2024 г. будут осуществляться на основе Конституции РФ и требований федерального избирательного законодательства, правовых актов ЦИК РФ, с учетом особенностей, установленных Положением «Об особенностях подготовки и проведения выборов Президента Российской Федерации в период действия военного положения на части

¹ Мисливская Г. Онлайн-голосование впервые применят на выборах президента РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/12/20/biulleteni-vyjdut-v-set.html> (дата обращения: 10.01.2024).

² Согласно п. 1.4 Положения «Об особенностях подготовки и проведения выборов Президента Российской Федерации в период действия военного положения на части территории Российской Федерации», утвержденного постановлением ЦИК РФ от 13 декабря 2023 г. № 142/1086–8, *перечень труднодоступных и отдалённых местностей* устанавливается решением избирательной комиссии субъекта России с учетом предложений территориальных избирательных комиссий.

территории Российской Федерации», утвержденного постановлением ЦИК РФ от 13 декабря 2023 г. № 141/1084–8.

Заключение

Проведенный историко-теоретический и практико-логический анализ юридической формы и социально-правового содержания избирательной системы России, позволяет сформулировать ряд выводов обобщающего характера:

– Избирательная система – это структурно-содержательный комплекс, включающих взаимосвязанные элементы (материальные институты и динамические процессы), взаимодействие которых определяется общей целевой установкой: созданием условий, обеспечивающих подготовку и проведение выборов и референдумов в рамках соответствующего социопространственно-временного континуума.

■ Представляется целесообразным при рассмотрении особенностей исторической динамики российской государственно-правовой системы использовать метод циклического политогенеза, предполагающий выделение в 1000-летней истории Российской Федерации (ст. 67.1), трех дискретных этапов (циклов): монархического (императорского); советского; постсоветского. Для каждого цикла свойственна собственная, отличная от других, модель представительства, обуславливающая особенности формирования и функционирования национальной избирательной системы.

■ Избирательная система современной России включает в качестве структурных элементов некодифицированное избирательное законодательство, субъектов избирательных правоотношений, а также сами избирательные правоотношения в комплексе, образующем единый избирательный процесс.

■ Подготовка и проведение выборов президента Российской Федерации в 2024 г. осуществляются в условиях СВО, что предопределяет ряд особенностей: проведение выборов в субъектах с объявленным военным положением; проведение выборов в течение нескольких дней подряд; использование различных видов голосования.

Отмечая необычность избирательного процесса в создавшихся условиях, полагаем возможным утверждать, что современное состояние избирательной системы обеспечивает возможность проведения президентских выборов в полном соответствии как с требованиями национального законодательства, так и с международными стандартами закрепленными в документах МПА СНГ.

Список литературы

1. Баяев В. А. Развитие избирательного права России в начале XX века // *Мариинский юридический вестник*. – 2011. – Вып. 8. – С. 143–147.
2. Белов С. А. Выборы членов Государственной думы Российской империи в 1905–1912 гг. // *Ленинградский юридический журнал*. – 2005. – № 3. – С. 98–107.
3. Бредихин А. Л., Гончар А. А. «Конституция победившего социализма» 1936 года в политической системе советского государства // *Закон и право*. – 2022. – № 6. – С. 17–20.
4. Виноградов О. В., Топчий В. В. О классификации правовых режимов // *XI Лужские научные чтения. Современное научное знание: теория и практика: материалы международной научной конференции, 22 мая 2023 г.* / отв. ред. Т. В. Седлецкая. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. – С. 117–122.
5. Го Ф. Гибридная война США и их союзников против России в контексте специальной военной операции // *Гражданин. Выборы. Власть*. – 2023. – № 2 (28). – С. 146–155.
6. Кузьменко С. Г. Первая избирательная система РСФСР: предпосылки появления и основные принципы // *Актуальные проблемы российского права*. – 2007. – № 2. – С. 16–22.
7. Ласынов Р. Р. Земский Собор – орган сословного представительства Московского царства XVI–XVII вв. // *Ленинградский юридический журнал*. – 2023. – № 2 (72). – С. 74–99. DOI: 10.35231/18136230_2023_2_74.
8. Мионов Б. Н. Коллективный портрет депутатов Верховного Совета СССР // *Новейшая история России*. – 2023. – Т. 13. – № 1. – С. 141–171.
9. Парламентаризм: история, теория, технология / Н. А. Боброва, А. В. Гоголевский, А. А. Демичев [и др.]. – СПб.: Алетей, 2022. – 202 с. EDN: QOSRNP
10. Патрикеева О. А. Выборы в I Государственную думу Российской империи: столица и провинция // *Центр и регионы в истории России: проблемы экономи-*

ческого, политического и социокультурного взаимодействия: сборник научных статей. – СПб.: Скифия-принт, 2010. – С. 356–379.

11. Ромашов Р. А. Интегральная юриспруденция и энциклопедия права: историко-методологический анализ // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 3 (308). – С. 105–120.

12. Ромашов Р. А. Государственно-правовые системы современности // Ленинградский юридический журнал. – 2020. – № 3 (61). – С. 34–46. DOI: 10.35231/18136230_2020_3_34. EDN: ZXVKQV

13. Саламатова М. С. Реформа избирательной системы в Конституции 1936 года: новые материалы // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2020. – № 4. – С. 112–123.

14. Сомов В. А. Советский человек как социокультурный тип в современном научном дискурсе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 6 (3). – С. 117–122.

15. Фадеева В. Октябрьская революция 1917 г. – революция или государственный переворот? // История мировых цивилизаций: революции и реформы: материалы XI Межрегиональной научной конференции, Красноярск, 25 мая 2018 года. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2018. – С. 135–139. EDN: XPYNBR

16. Шульженко Ю. Л. Конституционализм периода реального социализма в СССР // Юридические науки. – 2018. – № 6. – С. 11–15.

17. Черепанов В. А. Свободный депутатский мандат: за и против // Журнал российского права. – 2015. – № 6 (222). – С. 15–26. DOI: 10.12737/11545. EDN: TWPZLR

References

1. Baev, V. A. (2011) Razvitie izbiratel'nogo prava Rossii v nachale XX veka [The development of electoral law in Russia at the beginning of the XX century]. *Marijskij juridicheskij vestnik – Mari Legal Bulletin*. Issue. 8. Pp. 143–147. (In Russian).
2. Belov, S. A. (2005) Vyборы членов Gosudarstvennoj dумы Rossijskoj imperii v 1905–1912 gg. [Elections of members of the State Duma of the Russian Empire in 1905–1912]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Law Journal*. No. 3. Pp. 98–107. (In Russian).
3. Bredihin, A. L., Gonchar, A. A. (2022) «Konstituciya pobedivshego socializma» 1936 goda v politicheskoy sisteme sovetского gosudarstva [“The Constitution of victorious socialism” of 1936 in the political system of the Soviet state]. *Zakon i pravo – Law and Law*. No. 6. Pp. 17–20. (In Russian).
4. Vinogradov, O. V., Topchij, V. V. (2023) O klassifikacii pravovyh rezhimov [On the classification of legal regimes]. *XI Luzhskie nauchnye chteniya. Sovremennoe nauchnoe znanie: teoriya i praktika* [XI Luga Scientific Readings. Modern scientific knowledge]. Proceedings of International Conference. 22 May 2023. Ed. T. V. Sedleckaya. Saint Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina. Pp. 117–122. (In Russian).
5. Go, F. (2023) Gibridnaya vojna SShA i ih soyuznikov protiv Rossii v kontekste special'noj voennoj operacii [Hybrid war of the USA and its allies against Russia in the context of a special military operation]. *Grazhdanin. Vyборы. Vlast' – Citizen. Elections. Power*. No. 2 (28). Pp. 146–155. (In Russian).
6. Kuz'menko, S. G. (2007) Pervaya izbiratel'naya sistema RSFSR: predposylki povleniya i osnovnye principy [The first electoral system of the RSFSR: prerequisites for the emergence and basic principles]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Current problems of Russian law*. No. 2. Pp. 16–22. (In Russian).
7. Lasynov, R. R. (2023) Zemskij Sobor – organ soslovnogo predstavitel'stva Moskovskogo carstva XVI–XVII vv. [Zemsky Sobor – organ of the estate representation of the Moscow Kingdom of the XVI–XVII centuries]. *Leningradskij juridicheskij*

zhurnal – Leningrad Law Journal. No. 2 (72). Pp. 74–99. DOI: 10.35231/18136230_2023_2_74. (In Russian).

8. Mironov, B. N. (2023) Kollektivnyj portret deputatov Verhovnogo Soveta SSSR [Collective portrait of deputies of the Supreme Soviet of the USSR]. *Novejshaya istoriya Rossii – Modern history of Russia*. Vol. 13. No. 1. Pp. 141–171. (In Russian).

9. Pomashov, R. A. (2022) *Parlamentarizm: istoriya, teoriya, tekhnologiya* [Parliamentarism: history, theory, technology] / N. A. Bobrova, A. V. Gogolevskij, A. A. Demichev [i dr.]. Saint Petersburg: Aletejya. EDN: QOSRNP (In Russian).

10. Patrikeeva, O. A. (2010) Vybory v I Gosudarstvennuyu dumu Rossijskoj imperii: stolicy i provinciya [Elections to the I State Duma of the Russian Empire: capitals and provinces]. *Centr i regiony v istorii Rossii: problemy ekonomicheskogo, politicheskogo i sociokul'turnogo vzaimodejstviya: sbornik nauchnyh statej*. Saint Petersburg: Skifiya-print. Pp. 356–379. (In Russian).

11. Romashov, R. A. (2013) Integral'naya yurisprudenciya i enciklopediya prava: istoriko-metodologicheskij analiz [Integral jurisprudence and the encyclopedia of law: historical and methodological analysis]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie – Izvestia of higher educational institutions. Law studies*. No. 3 (308). Pp. 105–120. (In Russian).

12. Romashov, R. A. (2020) Gosudarstvenno-pravovye sistemy sovremennosti [State-legal systems of modernity]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Law Journal*. No. 3 (61). Pp. 34–46. DOI: 10.35231/18136230_2020_3_34. EDN: ZXVKQV. (In Russian).

13. Salamatova, M. S. (2020) Reforma izbiratel'noj sistemy v Konstitucii 1936 goda: novye materialy [Reform of the electoral system in the 1936 Constitution: new materials]. *Istoriko-pravovye problemy: Novyj rakurs – Historical and legal problems: A new perspective*. No. 4. Pp. 112–123. (In Russian).

14. Somov, V. A. (2012) Sovetskij chelovek kak sociokul'turnyj tip v sovremennom nauchnom diskurse [The Soviet man as a sociocultural type in modern scientific discourse]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*. No. 6 (3). Pp. 117–122. (In Russian).

15. Fadeeva, V. (2018) Oktyabr'skaya revolyuciya 1917 g. – revolyuciya ili gosudarstvennyj perevorot? [October Revolution of 1917 – revolution or coup d'etat?]. *Istoriya mirovyh civilizacij: revolyucii i reformy* [History of world civilizations: revolutions and reforms]. Proceedings of International Conference, Krasnoyarsk, 25 May 2018. Krasnoyarsk: Krasnoyarskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. V. P. Astaf'eva. Pp. 135–139. EDN: XPYNBR (In Russian).

16. Shul'zhenko, Yu. L. (2018) Konstitucionalizm perioda real'nogo socializma v SSSR [Constitutionalism of the period of real socialism in the USSR]. *Yuridicheskie nauki – Legal sciences*. No. 6. Pp. 11–15. (In Russian).

17. Cherepanov, V. A. (2015) Svobodnyj deputatskij mandat: za i protiv [Free deputy mandate: pros and cons]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. No. 6 (222). Pp. 15–26. DOI: 10.12737/11545. EDN: TWPZLR. (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/25/25%

Об авторах

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Виноградов Олег Васильевич, кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-6405-5460, e-mail: vinogradov1962@mail.ru

Рыбкина Марина Владимировна, доктор юридических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-3321-0353, e-mail: marina-rybkina@mail.ru

About the authors

Roman A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist Russian Federation, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Oleg V. Vinogradov, Cand. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-6405-5460, e-mail: vinogradov1962@mail.ru

Marina V. Rybkina, Dr. Sci. (Law), Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-3321-0353, e-mail: marina-rybkina@mail.ru

*Поступила в редакцию: 15.01.2024
Принята к публикации: 01.02.2024
Опубликована: 30.03.2024*

*Received: 15 January 2024
Accepted: 01 February 2024
Published: 30 March 2024*

Понимание Конституции как базовая составляющая конституционного правопонимания

М. Р. Ромашова¹, М. В. Рыбкина²

¹ Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В данной статье приводятся результаты анализа историко-правового развития российского конституционного правопонимания, а также конституционализма в целом. Методология работы строится на применении циклического подхода к исследованию исторических и правовых процессов. Выделяются как повторяющиеся фазы исторического процесса, так и конкретные циклы в отечественной истории. Дается краткая характеристика особенностей правопонимания, конституционных ценностей, присущих каждому циклу. Приводится оценка современного конституционного правопонимания и дается прогноз будущего развития. Отмечается, что в обозримом времени будет сохраняться тенденция по усилению консерватизма в государственно-правовой политике, а также по сохранению традиционных для отечественной государственности ценностей, модели устройства публичной власти, включая положение главы государства.

Ключевые слова: конституционное правопонимание, циклы историко-правового развития, конституционализм, конституционная аксиология.

Для цитирования: Ромашова М. Р., Рыбкина М. В. Понимание Конституции как базовая составляющая конституционного правопонимания // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 1 (75). – С. 198–212. DOI: 10.35231/18136230_2024_1_198. EDN: FORENC

Understanding the Constitution as a Basic Component of Constitutional Legal Understanding

Maria R. Pomashova¹, Marina V. Rybkina²

¹ North-West Institute of Management of the RANEP,
Saint Petersburg, Russian Federation

² Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

This article presents the results of an analysis of the historical and legal development of Russian constitutional legal understanding, as well as constitutionalism in general. The methodology of the work is based on the use of a cyclical approach to the study of historical and legal processes. The author identifies both repeating phases of the historical process and specific cycles in Russian history. The article contains a brief description of the peculiarities of legal understanding and constitutional values inherent in each cycle. The completion of the work contains the author's assessment of modern constitutional legal understanding and presents a forecast of future development. The author notes that in the foreseeable future the trend will continue to increase conservatism in state legal policy, as well as to preserve the traditional values of national statehood, the model of the structure of public power, including the status of the head of state.

Key words: constitutional legal understanding, cycles of historical and legal development, constitutionalism, constitutional axiology.

For citation: Romashova, M. R., Rybkina, M. V. (2024) Ponimanie Konstitucii kak bazovaya sostavlyayushchaya konstitucionnogo pravoponimaniya [Understanding the Constitution as a Basic Component of Constitutional Legal Understanding]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*, No. 1 (75). Pp. 198–212. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_1_198. EDN: FOREHC

Введение

Формирование модели конституционного правопонимания, равно как и правопонимания в целом, является длительным и в крайней мере сложным процессом, в котором многообразие факторов, определяющих специфику и условия конкретной территории, государства и населяющего его народа, за столетия, а порой и значительно большие периоды времени, рождает уникальные, самобытные и вместе с ним имманентно присущие человечеству паттерны поведения, в том числе устоявшиеся формы отношения к власти, людям и обществу. В России о конституционном правопонимании «говорят мало, не прямо и как бы неуверенно» [4, с. 24], причиной тому, по нашему мнению является неустоявшееся, вплоть до настоящего времени, отношение к конституции, представляющей, с одной стороны, формальный источник национального позитивного права – писанный нормативно-правовой акт, а с другой стороны, выступающей в качестве базовой ценности, воплощающей сложившиеся как на уровне государственной власти, так и в широких общественных массах политико-правовые идеалы.

Принимая во внимание, что Россия официально заявляет о себе как о государстве с тысячелетней историей (ч. 2 ст. 67¹ Конституции Российской Федерации), исследование особенностей, становления и развития института правопонимания в целом и конституционного правопонимания в частности представляется важным как с научно-теоретической точки зрения, так и с позиции практики правотворческой и правоприменительной деятельности.

Сегодня вопросы правопонимания, выступая предметом научных изысканий со стороны известных ученых, таких как В. И. Крусс [3], А. В. Скоробогатов [12], В. А. Четвернин [15], тем не менее сохраняют многочисленные пробелы,

противоречия, коллизии, среди которых особый интерес вызывают историко-правовые аспекты заявленной темы.

В качестве методологического фундамента, используемого для осуществления междисциплинарного анализа конституционного правопонимания, предлагаем интегративный метод циклического право- и политогенеза. Этот метод предполагает изучение политико-правовых явлений, рассматриваемых в контексте последовательно сменяющих друг друга «замкнутых в себе» этапов (циклов) политико-правового развития. При этом для каждого из циклов характерна определенная модель понимания права и государства, в рамках которой существенно образом отличаются модели ценностного восприятия конституции, а также технико-юридические особенности конституционного правотворчества и конституционного правоприменения.

Поясняя выбор методологии, необходимо отметить ряд преимуществ, которым обладает рассматриваемый подход в сравнении с иными, а именно:

1) применение указанного метода в рамках историко-правового анализа позволяет выявлять закономерности, давать обоснованный прогноз будущего состояния государства, права и, как следствие, правопонимания. В названной особенности находит проявление основное достоинство теории циклического право-генеза, которое позволяет выстраивать логически аргументированные причинно-следственные связи;

2) цикличность исторического процесса способна рассматриваться как обладающая самостоятельным значением закономерность, предполагающая повторяемость явлений, событий во времени [11, с. 3]. Еще в работах римских философов получают широкое распространение теории цикличности мира. К примеру, Лукреций Кар называл цикличность принципом мирового развития,

который хоть и не лишен деструктивных возможностей, но способен вести к прогрессу и эволюции [13, с. 335]. Более того, среди римских ученых одним из наиболее последовательных сторонников цикличности являлся Цицерон, предлагавший в своих работах использовать «круги и как бы круговороты перемен и чередований событий в государстве» в практической политике, чтобы «видеть пути и повороты в делах государства, дабы, зная, куда приведет то или иное из них, быть в состоянии задержать его ход и даже воспрепятствовать ему» [5, с. 67];

3) циклический подход к анализу государственно-правовых явлений имеет глубокую научно-теоретическую разработку как в России [7, 10], так и в странах Запада [2]. Более того, как справедливо отмечает А. Н. Медушевский, в последнее время все чаще можно встретить упоминания о циклической смене фаз конституционного развития, в том числе применительно к американской, французской и испанской конституционной модели [6, с. 6]. Формационный подход, признававшийся в СССР, также был построен на циклической схеме, что с учетом признания ошибочности советского курса построения общества на идеях и принципах коммунизма, тем не менее указывает на общее высокое значение характеризуемого метода.

Изложенное в своей совокупности свидетельствует о том, что изучение историко-правового развития в контексте его циклическости находится в числе научных трендов и отличается наличием внушительной теоретической базы.

Результаты

В ходе анализа юридической литературы следует обратить внимание на то, что многие ученые предлагают выделять два либо более цикла в развитии отечественно-

го конституционализма. Например, в трудах ранее упомянутого нами А. Н. Медушевского говорится, что в российском конституционализме необходимо выделять три стадии или фазы, это:

1) деконституционализация и подъём конституционализма нового типа (фаза завышенных политических ожиданий). Под характеристику названного цикла удачно попадает как Россия 90-х гг. XX-го в., так и в равной мере начальный этап становления Советского государства;

2) фаза конституционализации или практического осуществления конституционных принципов и выяснения их конфликтности с реальностью (начало политического разочарования). Полагаем, что наилучшим примером данной фазы может выступать конец существования Советского Союза;

3) переход к реконституционализации, т. е. ограниченной демократии, а затем обращение к авторитаризму (при политической апатии общества) [6, с. 450–451].

Авторский подход известного российского ученого Ю. А. Тихомирова связан с весьма широким пониманием циклов правового развития, которые в его интерпретации могут быть сведены к двум последовательно сменяющим друг друга фазам, а именно старту юридического прогнозирования и финишу правоприменения [14, с. 19–22].

Среди сторонников цикличности при разрешении вопросов историко-правового развития нельзя не отметить Р. А. Ромашова, который предложил оригинальную концепцию типологии государств, выделив четыре основных их типа: государства-деспотии – храмы (дворцы); государства-города, гражданские общины (polis); государства-объекты владения и управления государя (kingdom); государства публичного политико-правового порядка (state of law) [9, с. 92]. Несмотря на то что данная классификация напрямую не затрагивает вопросы кон-

ституционного правопонимания и характеризует общие вопросы теории права, возможно предположить, что для каждого из перечисленных типов государств будет свойственна собственная модель понимания конституции и конституционализма.

Не погружаясь подробно в разработанные современной юридической наукой конструкции циклического конституционализма, считаем возможным предпринять попытку сформировать, аргументировать оригинальный подход к эволюции конституционного правопонимания.

На основе анализа особенностей отечественной истории можно прийти к выводу о том, что основные циклы историко-правового развития сводятся к следующим основным фазам (стадиям):

1) фаза конституционного новаторства. Отличительной чертой данной стадии является возникновение и распространение в правовом пространстве государства новой политико-правовой идеи, оказывающей непосредственное влияние как на устройство публичной власти, так и на мировоззрение людей, их отношение к политическим институтам и другим членам общества;

2) фаза апробации конституционных новшеств к правовой реальности и их приспособления к российским условиям и ментальности. Наиболее долгая и сложная стадия, в ходе которой происходит трансформация действующего законодательства и существующей системы организации публичной власти, а также формирование устойчивой модели отношения населения и власти к происходящим (как спонтанно, так и целенаправленно) изменениям. Важно обратить внимание, что процесс перехода от настоящей стадии к следующей зависит от успеха приспособления. Так, при неудаче и распространении среди большей части граждан негативного отношения к проникающим в общество новшествам становится ве-

роют революционный сценарий. Одновременно с этим при относительно успешном внедрении новых политико-правовых идей в политическое пространство России предполагается относительно медленная эволюционная трансформация политико-правовой системы;

3) частичная рецепция традиционных отечественных конституционных ценностей и форм государственно-правового устройства. К числу такого рода аксиологических ориентиров необходимо отнести сохранение традиционной семьи, исторической памяти, культурной самобытности, патриотизм и т. д. Со слов Р. А. Ромашова, в части государственно-правового устройства для России представляется характерной «полнота власти персонифицированного главы государства, выступающего в качестве "центра публичности" и сосредоточивающего в своем лице прерогативы, связанные с формированием и функционированием властных структур, а также определением направлений внутренней и внешней политики Российского государства» [7, с. 27].

Взяв за основу вышеизложенные теоретические предположения, можно выдвинуть гипотезу, что за период тысячелетнего существования российской государственности развитие конституционного правопонимания, которое тесным образом связано с определенными событиями российской истории, преодолело следующие циклы:

1) *княжеский*. В отечественной истории 882 г. традиционно признают датой образования Древнерусского государства, сформированного по итогам объединения Новгорода и Киева под властью князя Олега. Само образование государства в данный момент времени, на наш взгляд, следует рассматривать как новаторство, нашедшее в дальнейшем прочное закрепление в российских условиях и специфике. Период феодальной раздробленности, приходящийся на XII–XIII вв. и завершающийся княжеский

цикл, отражает частичный возврат к догосударственному (племенному) строю, но основанному не на родовом, а на территориальном и экономическом принципах.

Правопонимание в указанные промежутки времени строится, в первую очередь, на традициях и обычаях (кровная месть, вира, язычество, признание князя первым среди равных, вече и т. д.);

2) *царский*. Началом названного цикла нужно считать венчание первым царем Руси Ивана IV Грозного в 1547 г. После данного события в истории отечества происходят значимые изменения как в системе государства, так и в народном менталитете. Царь возвышается не только над людьми, также и над знатью, которая этим изменениям противодействует. В народе образуется образ справедливого царя-защитника, ведущего активную борьбу как против внешней агрессии, так и против внутренних врагов (боярства, знати). В конце цикла (в период Смуты и некоторое время после нее) происходит временное ослабление царской власти и укрепление власти боярских родов (Годуновых, Шуйских и иных), неудачи которых привели к воцарению Романовых;

3) *ранний имперский*. Переход к указанному циклу находится в тесной связи с первым российским императором Петром I, который широко известен тем, что стал распространять западные культурные и правовые ценности на территории русского государства (Российской империи с 1721 г.). С его подачи в среду интеллигенции и дворянства проникают начинают проникать первые либеральные ценности, которые до начала XIX в. не вступали в прямую конфронтацию с идеями самодержавия. Отечественная война 1812 г. и последующее неудачное восстание декабристов в 1825 г., вдохновленное европейским правовым и государственным опытом, можно воспринимать как первую неудовлетворительную (на тот период времени)

попытку апробации и приспособления либеральных ценностей к российской действительности, в последующем вызвавшую проведение реакционной политики Николая I.

Примечательно, что неоднозначный вклад Петра I в совершенствование российской конституционной мысли выразился в известной дискуссии между славянофилами и западниками, начатой в 30–40-е годы XX в.

Кроме того, нельзя не отметить то, что значимым показателем развития правопонимания в пределах обозначенного цикла представляется разработка декабристами проектов первых конституций за авторством П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева;

4) *поздний имперский*. На наш взгляд, самостоятельным циклом нужно считать период, начавшийся в эпоху правления Александра II. В рамках этого цикла получили окончательное оформление идеи необходимости разработки и принятия конституции как правового акта, закрепляющего права и свободы граждан и защищающего от угнетения, отмены крепостного права, создания представительного органа и т. д. При этом позитивные изменения, которыми запомнилось правление императора-освободителя, завершились его смертью, вызвав долгий период регресса и возвращения к консервативной политике, продолжавшийся вплоть до отречения от престола последнего императора Николая II.

Правопонимание большей части настоящего периода удачно описывает триада «Православие. Самодержавие. Народность», которая больше известна как теория официальной народности, созданная и предложенная министром народного просвещения графом С. С. Уваровым в 1833 г. Исключением из приведенного предположения представляется начальная фаза цикла, которой присуще распространение среди населения анархических идей, что в итоге и привело к убийству Александра II;

5) *советский*. Главной особенностью данного цикла, начавшегося после революции 1917 г., является распространение в России идей Ф. Энгельса и К. Маркса о мировой пролетарской революции, необходимости установления диктатуры рабочего класса. Приспособление марксизма к российской среде и условиям вынудило идеолога революции В. И. Ленина значительным образом видоизменить разработанную немецкими мыслителями доктрину. К примеру, увеличив роль и влияние крестьянства.

Правопонимание во временных пределах характеризуемого цикла было полностью подчинено партийной воле, формируемой, уточняемой на съездах коммунистической партии, являвшейся руководящей и направляющей силой советского общества. При этом, как отмечается Р. А. Ромашовым, «в основу понимания конституций в условиях советской социалистической конституционно-правовой системы был положен принцип ретроспективного действия: принимаемая по инициативе партии конституция закрепляла сам факт завершения очередного этапа социалистического строительства, а также определяла структуру и содержание конституционного устройства государства» [8, с. 48]. Тем самым конституция, выступая нормативным актом высшей юридической силы, в советской системе права также являлась инструментом диктатуры и средством обеспечения господства одного класса над другим.

В последние годы существования СССР происходит возврат к ранним либеральным ценностям, ориентация на западные образцы государственного, политико-правового и экономического устройства.

6) *российский*. Актуальный цикл исторического и правового развития. Сегодня существуют основания полагать, что Российская Федерация прошла фазы новаторства (во время принятия Конституции 1993 г., основанной

на западных, либеральных ценностях и европейском опыте политико-правового устройства), а также фазу апробации к новым правовым условиям. При этом явные неудачи в приспособлении, вызванные неготовностью большей части населения к принятию западных демократических ценностей, обуславливают очередной возврат к традиционным для России аксиологическим установкам, охарактеризованным ранее.

Полагаем возможным предположить, что ближайшие 5–10 лет следует ожидать сохранения консервативной тенденции, которая, вероятно, приведет к значимым изменениям в существующей конституционно-правовой системе, направленным на достижение баланса между демократическими ценностями, успешно внедренными в отечественные условия, а также исконно русскими и присущими российской ментальности конституционными, аксиологическими ориентирами и идеалами. При этом важно, что переход к следующему циклу станет возможен лишь в случае распространения и последующего укоренения в отечественном правовом пространстве значимой политико-правовой идеи, отвечающей критерию новаторства.

Заключение

Таким образом, на основании совокупности вышеизложенного, следует акцентировать внимание на том, что использование циклического подхода к анализу российского правопонимания и конституционно-правового развития позволяет выделить шесть ключевых циклов: княжеский, царский, ранний и поздний имперский, советский и российский. Каждый из названных циклов предполагает преодоление обществом и государством последовательных фаз конституционного новаторства, апробации новшеств к правовой реальности и их приспособления к российским условиям и ментальности, частичной ре-

цепции традиционных отечественных конституционных ценностей и форм государственно-правового устройства.

Правопонимание, присущее любому из указанных циклов, находится в прямой зависимости от имевших распространение и укоренение в обществе конституционных ценностей и формы политико-правового устройства страны в конкретные исторические периоды. При этом правовопонимание настоящего времени характеризуется соединением западных и традиционных российских ценностей, в котором последние получили тенденцию к преобладанию.

Список литературы

1. Барсуков А. Ю. Циклический характер трансформации права и правовой системы общества: теоретико-методологические основания исследования // LEX RUSSICA. – 2019. – № 7 (152). – С. 85–92.
2. Коллингвуд Р. Освальд Шпенглер и теория исторических циклов // Античность. – 1927. – № 1 (3). – С. 311–325.
3. Крусс В. И. Конституционное правовопонимание и злоупотребление правом // Вестник РГГУ. Серия Экономика. Управление. Право. – 2011. – № 8 (70). – С. 13–20.
4. Крусс В. И. Психологическое измерение в конституционном правовопонимании: опыт доктринальной рецепции // Правоведение. – 2017. – № 6 (335). – С. 23–43.
5. Марк Туллий Цицерон. Диалог о государстве, законах. – М.: Мысль, 1999.
6. Медушевский А. Н. Теория конституционных циклов. – М.: Изд.дом ГУ ВШЭ, 2005. – 547 с.
7. Ромашов Р. А. Конституционно-правовые системы современного мира: опыт сравнительного анализа (статья 1) // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 1 (67). – С. 19–32. DOI: 10.35231/18136230_2022_1_19.
8. Ромашов Р. А. Конституционно-правовые системы современного мира: опыт сравнительного анализа (статья 3) // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 3 (69). – С. 36–50. DOI: 10.35231/18136230_2022_3_36.
9. Ромашов Р. А. Политогенез. Храм – *Pólis* – Государство – State. СПб.: Алетейя, 2020. – 194 с.
10. Ромашов Р. А. Преемственность и цикличность в российском праве: единство и противоречия / Р. А. Ромашов // Юридическая техника: ежегодник. Вторые Бабаевские чтения: Преемственность в праве: доктрина, российская и зарубежная практика, техника. – Н. Новгород, 2011. – С. 41–42.
11. Сапронов М. В. Цикличность исторического процесса: Историография. Теория. Методология: дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2003. – 207 с.
12. Скоробогатов А. В. Конституционное правовопонимание как интегральная правовая доктрина // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 4. – С. 258–266.
13. Тит Лукреций Кар. О природе вещей. – М., 1945. – 1117 с.

14. Тихомиров Ю. А. Циклы правового развития // Журнал российского права. – 2008. – № 10. – С. 15–22.

15. Четвернин В. А. Российская конституционная концепция правопонимания // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2003. – № 4 (45). – С. 28–36.

References

1. Barsukov, A. Yu. (2019) Ciklicheskiy harakter transformacii prava i pravovoj sistemy obshchestva: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya issledovaniya [The cyclical nature of the transformation of rights and systems of society: theoretical and methodological justifications]. *LEX RUSSICA*. No. 7. Pp. 85–92. (In Russian).

2. Kollingvud, R. (1927) Osval'd Shpengler i teoriya istoricheskikh ciklov [Oswald Spengler and the theory of historical cycles]. *Antichnost' – Antichnost*, No. 1 (3). Pp. 311–325. (In Russian).

3. Kruss, V. I. (2011) Konstitucionnoe pravoponimanie i zloupotreblenie pravom [Constitutional understanding and abuse of law]. *Vestnik RGGU. Seriya Ekonomika. Upravlenie. Pravo – Bulletin of the Russian State University. The series Economics. Management. The right*. No. 8 (70). Pp. 13–20. (In Russian).

4. Kruss, V. I. (2017) Psihologicheskoe izmerenie v konstitucionnom pravoponimani: opyt doktrinal'noj recepcii [Psychological dimension in constitutional legal understanding: experience of doctrinal reception] *Pravovedenie – Jurisprudence*, No. 6 (335). Pp. 23–43 (In Russian).

5. Mark Tullij Ciceron (1999) *Dialog o gosudarstve, zakonah* [Dialogue about the state, laws]. Moscow: Mysl. (In Russian).

6. Medushevskij, A. N. (2005) *Teoriya konstitucionnykh ciklov* [Theory of constitutional cycles]. Moscow: Publishing house of the State University Higher School of Economics. (In Russian).

7. Romashov, R. A. (2022) Konstitucionno-pravovye sistemy sovremennoogo mira: opyt sravnitel'nogo analiza (stat'ya 1) [Constitutional and legal systems of the modern world: experience of comparative analysis (Article 1)]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningradskij yuridicheskij zhurnal*, No. 1 (67). Pp. 19–32. DOI: 10.35231/18136230_2022_1_19. (In Russian).

8. Romashov, R. A. (2022) Konstitucionno-pravovye sistemy sovremennoogo mira: opyt sravnitel'nogo analiza (stat'ya 3) [Constitutional and legal systems of the modern world: experience of comparative analysis (Article 3)]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningradskij yuridicheskij zhurnal*, No. 3 (69). Pp. 36–50. DOI: 10.35231/18136230_2022_3_36. (In Russian).

9. Romashov, R. A. (2020) *Politogenez. Hram – Polis – Gosudarstvo – State* [Polyto-genesis. Temple – Πόλις – State – State]. St. Petersburg: Aletheia. (In Russian).

10. Romashov, R. A. (2011) Preemstvennost' i ciklichnost' v rossijskom prave: edinstvo i protivorechiya [Continuity and cyclicity in Russian law: unity and contradictions]. *Yuridicheskaya tehnika: ezhegodnik. Vtorye Babaevskie chteniya: Preemstvennost' v prave: doktrina, rossijskaya i zarubezhnaya praktika, tehnika – Legal technique: yearbook. The second Babaev readings: Continuity in Law: doctrine, Russian and foreign practice, technology*. N. Novgorod. Pp. 41–42. (In Russian).

11. Saponov, M. V. (2003) *Ciklichnost istoricheskogo processa: Istoriografiya. Teoriya. Metodologiya: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [The cyclical nature of the historical process: Historiography. Theory. Methodology: dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Chelyabinsk. (In Russian).

12. Skorobogatov, A. V. (2014) Konstitucionnoe pravoponimanie kak integral'naya pravovaya doktrina [Constitutional legal understanding as an integral legal doctrine].

Aktualnye problemy ekonomiki i prava – Actual problems of economics and law.
No. 4. Pp. 258–266. (In Russian).

13. Tit Lukrecij Kar (1945) *O prirode veshej* [About the nature of things]. Moscow.
(In Russ.).

14. Tihomirov, Yu. A. (2008) *Cikly pravovogo razvitiya* [Cycles of legal development].
Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law. No. 10. Pp. 15–22. (In Russian).

15. Chetvernin, V. A. (2003) *Rossijskaya konstitucionnaya koncepciya pravoponi-*
maniya [Russian constitutional concept of legal understanding]. *Konstitucionnoe pra-*
vo: vostochnoevropejskoe obozrenie – Constitutional law: Eastern European Review.
No. 4 (45). Pp. 28–36. (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

50/50 %

Об авторах

Ромашова Мария Романовна, специалист кафедры конституционного и адми-
нистративного права, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009–0003–0504–5822, e-mail:
7029807@mail.ru

Рыбкина Марина Владимировна, доктор юридических наук, профессор,
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-
Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000–0003–3321–0353, e-mail: marina-
rybkina@mail.ru

About the author

Maria R. Romashova, Specialist at the Department of Constitutional
and Administrative Law, North-West Institute of Management of the RANEP, Saint
Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009–0003–0504–5822, e-mail: 7029807@
mail.ru

Marina V. Rybkina, Dr. Sci. (Law), Professor, Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000–0003–3321–0353, e-mail: marina-
rybkina@mail.ru

Поступила в редакцию: 07.02.2024

Принята к публикации: 29.02.2024

Опубликована: 30.03.2024

Received: 07 February 2024

Accepted: 29 February 2024

Published: 30 March 2024

Актуальные проблемы реализации права заключенного на телефонный разговор

М. Н. Пригон

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Актуальность статьи состоит в сформулированных предложениях по применению законодательства, регулирующего отношения в сфере связи и информационных технологий, складывающиеся при реализации права на телефонный разговор подозреваемого, обвиняемого или осужденного, содержащихся в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (ФСИН).

Проанализировано нормативно-правовое регулирование реализации права заключенного на телефонный разговор в современных условиях цифровизации. Рассмотрены вопросы исполнимости требований законодательства о связи и информационных технологиях об идентификации пользователей услуг радиотелефонной связи в условиях заключения пользователя услуг в учреждении ФСИН.

Обосновано наличие проблемных вопросов правового регулирования отношений, складывающихся в условиях применения операторами связи современных телекоммуникационных технологий, требующих решения. Имеет перспективу применение сформулированных предложений в правоприменительной практике.

Ключевые слова: права заключенного, телефонный разговор, гуманизация условий содержания заключенных.

Для цитирования: Пригон М. Н. Актуальные проблемы реализации права заключенного на телефонный разговор // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 1 (75). – С. 213–226. DOI: 10.35231/18136230_2024_1_213. EDN: IZLPAO

Current Problems in the Implementation of a Prisoner's Right to Telephone Conversation

Maksim N. Prigon

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The relevance of the article lies in the formulated proposals for the application of legislation regulating relations in the field of communications and information technology that arise when exercising the right to a telephone conversation of a suspect, accused or convicted person held in institutions of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (FSIN).

The legal regulation of the implementation of a prisoner's right to a telephone conversation in modern conditions of digitalization is analyzed. The issues of the feasibility of the requirements of the legislation on communications and information technologies regarding the identification of users of radiotelephone communication services in the conditions of confinement of the service user in the institution of the Federal Penitentiary Service are considered.

The existence of problematic issues of legal regulation of relations that arise in the conditions of the use of modern telecommunication technologies by telecom operators that require solutions is substantiated.

There is a prospect of using the formulated proposals in law enforcement practice.

Key words: prisoner's rights, telephone conversation, humanization of conditions of detention of prisoners.

For citation: Prigon, M. N. (2024) Aktual'nyye problem realizatsii prava zaklyuchennogo na telefonnyy razgovor [Current Problems in the Implementation of a Prisoner's Right to Telephone Conversation]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (75). Pp. 213–226. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_1_213. EDN: IZLPAO

Введение

Исследуемая проблема находится на стыке вопросов цифровизации общества, влияния цифровизации на уголовно-юрисдикционную деятельность, регулирования общественных отношений нормами уголовно-процессуального законодательства.

Актуальность исследования состоит в анализе изменений законодательства о связи¹, которые установили обязательную процедуру идентификации пользователей, не учитывающих особенностей правового статуса заключенных в учреждениях ФСИН, поскольку заключенные не имеют возможности использовать Единый портал государственных и муниципальных услуг, вносить в базу данных сведения о выделенном ему оператором подвижной связи телефонном номере.

Так, Н. В. Витрук выделяет понятие специального правового статуса в отношении подозреваемого, подследственного, осужденного к лишению свободы². Авторы монографического исследования уголовно-юрисдикционной деятельности в условиях цифровизации приходят к выводу, что, несмотря на консервативность, цифровой трансформации подвержена и уголовно-юрисдикционная деятельность [1, с. 8].

Необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в сфере исполнения наказаний отмечают М. Л. Гачава, М. Г. Захватов: «проблема эффективности исправительного воздействия режима в ИУ действительно существует и достойна рассмотрения [2, с. 592]. Потребность модернизации системы уголовных наказаний в современных социально-экономических условиях подтверждает О. Н. Уваров [3, с. 83]. Анализируя режим содер-

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О связи»: федер. закон от 30.12.2020 № 533-ФЗ, ст. 44. Федерального закона Российской Федерации от 07.07.2003 № 126-ФЗ "О связи": ред. от 04.08.2023 // СПС КонсультантПлюс.

² Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности // СПС КонсультантПлюс. С. 149.

жания заключенных в Республике Беларусь, В. С. Шабаль приходит к выводу о необходимости воплощения идей гуманизма в регулировании правового статуса лиц, подвергнутых наказанию в виде лишения свободы в Республике Беларусь [4, с. 84].

И. Н. Коробова, Т. С. Хван, Е. Б. Васильева обозначают нерешенные задачи в пенитенциарной системе Российской Федерации, выделяя приемлемые и соответствующие уголовно-исполнительному законодательству условия содержания заключенных [5, с. 169]. По мнению Е. А. Чигринца социальной адаптации осужденных к лишению свободы способствует, в том числе, переписка и телефонные разговоры [6].

По мнению Т. И. Егоровой наиболее верным подходом является «поворот пенитенциарного процесса от ограничения осужденного от общества к ограничению самореализации личности» [7]. О. Г. Ковалев, А. А. Карпов, С. И. Зайцева приходят к выводу о первостепенной значимости прокурорского надзора и ведомственного контроля за соблюдением прав и свобод заключенных [8].

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года¹ предусматривает, в том числе увеличение количества телефонных разговоров осужденных с родственниками (разд. X).

Схема организации телефонных разговоров заключенных в учреждениях ФСИН через оператора подвижной радиотелефонной связи

Основная особенность распространенной в настоящее время схемы коммуникации заключенных состоит в использовании сети подвижной радиотелефонной связи, современных возможностей IP-телефонии, облачных

¹ О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р; ред. от 27.05.2023 // СПС КонсультантПлюс.

технологий и баз данных, что позволяет более технологичным образом организовать как переписку между заключенными и их родственниками, облегчив работу сотрудникам учреждений по цензурированию переписки, так и осуществлять телефонные разговоры, обеспечивая их подконтрольность, предусмотренную уголовно-исполнительным законодательством.

Компания, непосредственно взаимодействующая с учреждением ФСИН на основании гражданско-правового договора, предоставляет пользователям (заключенным) услугу доступа к аппаратно-программному комплексу (далее – АПК), предназначенному для проведения подконтрольных телефонных переговоров лиц, содержащихся в учреждениях ФСИН. Подключение абонентского оборудования в учреждениях ФСИН к АПК осуществляется по договору на оказание услуг подвижной радиотелефонной связи, в связи с особенностями размещения учреждений ФСИН (требования к территории для содержания заключенных), отсутствием стабильного подключения учреждений к сети Интернет, устаревшими внутренними распределительными сетями на территории и внутри объектов. Схема позволяет экономить бюджетные средства, повысить эффективность работы уполномоченных сотрудников ФСИН и предоставить заключенным возможность реализовать законное право на телефонный разговор.

Пользователи (заключенные) реализуют предусмотренное законом право на телефонный разговор, используя пользовательское устройство с установленным специальным программным обеспечением. Для получения возможности осуществить телефонный разговор с использованием АПК, заключенный пишет личное заявление на имя руководителя учреждения ФСИН, и разрешения, приобретает карту для авторизации в системе АПК.

Внесенные в законодательство обязанности, связанные с предоставлением достоверных сведений¹ являются неисполнимыми для лиц, содержащихся в учреждениях ФСИН, поскольку у заключенных отсутствует право и возможность использовать Единый портал государственных и муниципальных услуг, законом установлены ограничения прав и свобод заключенных. Вместе с тем каждый заключенный в учреждении ФСИН является идентифицированным, а процедуры реализации заключенным права на телефонный разговор регламентированы законами и принятыми в соответствии с ними подзаконными нормативными актами.

Существует неопределенность в исполнимости требований законодательства² о предоставлении и подтверждении самим заключенным сведений о нем с использованием Единого портала государственных услуг с тем, чтобы обеспечить реализацию права заключенного на телефонный разговор.

Идентификация пользователя – заключенного в учреждении ФСИН

Процедура идентификации лиц, содержащихся в учреждении ФСИН, реализуется в несколько этапов, согласно установленному порядку, предусмотренному законодательством и подзаконными нормативными актами для следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы и исправительных учреждений³.

¹ О связи: федер. закон № 126-ФЗ. Абзац 10, п. 1.1, ст. 44.

² О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федер. закон. № 126-ФЗ (в редакции Федерального закона РФ № 533-ФЗ), для подозреваемых и обвиняемых – подпункт 6, ч. 2, ст. 17 Федерального закона РФ от 15.07.1995 № 103-ФЗ, для осужденных – часть 1 статьи 92 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. П. 1.1, ст. 44.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон Российской Федерации от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (зарегистрировано в Минюсте России 05.07.2022 № 69157) // СПС КонсультантПлюс.

Прием и размещение подозреваемых и обвиняемых в СИЗО, осужденных к лишению свободы в исправительных учреждениях ФСИН установлены соответствующими правилами внутреннего распорядка¹.

В отличие от оформления гражданско-правовой сделки, когда для получения услуг связи абонент и оператор связи заключают соответствующий гражданско-правовой договор, идентификация абонента осуществляется согласно утвержденным Правительством РФ правилам оказания услуг, заключенный уже полностью идентифицирован, ограничен в правах и для того чтобы состоялся телефонный разговор, заключенный обязан обратиться лично с письменным заявлением на имя руководителя учреждения ФСИН, указать в заявлении информацию о вызываемом абоненте, т. е. полностью идентифицировать не только себя как абонента, а предварительно письменно идентифицировать вызываемого абонента, с которым желает поговорить заключенный, что вообще не предусмотрено для гражданско-правового договора.

Содержание законного права на телефонный разговор подозреваемого, обвиняемого и осужденного

Осуществление подозреваемым, обвиняемым гарантированного им права на телефонный разговор регламентировано специальным федеральным законом и утвержденными правилами внутреннего распорядка². Осужденный к наказанию в виде лишения свободы реализует принадлежащее ему право на телефонный

¹ Раздел XIX Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (приложение № 1 к приказу Минюста РФ от 04.07.2022 № 110), разд. XIX Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений (приложение № 2 к приказу Минюста РФ от 04.07.2022 № 110).

² Подпункт 6, ч. 2, ст. 17 Федерального закона РФ от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (приложение № 1 к приказу Минюста РФ от 04.07.2022 № 110).

разговор в порядке, урегулированном уголовно-исполнительным законодательством и утвержденными правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений¹.

Установленный законодательством порядок осуществления заключенными телефонных разговоров включает процедуры идентификации и контроля и фиксируется одновременно в системе документооборота учреждения ФСИН в бумажной форме и в системе АПК в электронной форме. В системе документооборота учреждения ФСИН хранится личное заявление заключенного о предоставлении возможности телефонного разговора, осуществляется учет совершенных разговоров.

Требования законодательства о предоставлении достоверных сведений об абоненте (редакция Федерального закона РФ № 533-ФЗ)

Согласно изменениям в законодательстве о связи², услуги подвижной радиотелефонной связи предоставляются абоненту – физическому лицу или абоненту – юридическому лицу либо индивидуальному предпринимателю и пользователю услугами связи такого абонента, достоверные сведения о которых предоставлены оператору связи в соответствии с правилами оказания услуг связи, если иное не предусмотрено федеральным законом; абонент, являющийся юридическим лицом либо индивидуальным предпринимателем, обязан предоставить оператору связи сведения о пользователях услугами связи в соответствии с правилами оказания услуг связи³.

¹ Ч. 1, ст. 92 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и разделом XIV Правил внутреннего распорядке исправительных учреждений (Приложение № 2 к приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 04.07.2022 № 110).

² О связи: федер. закон № 126-ФЗ в редакции Федерального закона № 533-ФЗ. Абзац 6, п. 1.1, ст. 44.

³ Там же.

Согласно редакции, внесенной Федеральным законом № 533-ФЗ¹, абонент – юридическое лицо либо индивидуальный предприниматель, заключающие договор об оказании услуг подвижной радиотелефонной связи, предоставляют возможность пользоваться в рамках указанного договора услугами подвижной радиотелефонной связи пользователям услугами связи – физическим лицам только при условии внесения в федеральную государственную информационную систему «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» (далее – единая система идентификации и аутентификации) абонентом – юридическим лицом либо индивидуальным предпринимателем или по решению абонента – юридического лица либо индивидуального предпринимателя пользователем услугами связи сведений о таком пользователе услугами связи – физическом лице и сведений об используемом этим пользователем услугами связи абонентском номере, выделенном оператором подвижной радиотелефонной связи, а также о наименовании абонента – юридического лица либо индивидуального предпринимателя².

Будучи ограниченным в правах, лицо, которое содержится в учреждении ФСИН, не обладает правом и возможностью самостоятельно идентифицировать себя для использования услуг подвижной радиотелефонной связи, обратившись к Единому portalу государственных и муниципальных услуг, поскольку заключенным запрещено иметь при себе и пользоваться техническими

¹ О связи: федер. закон № 126-ФЗ в редакции Федерального закона № 533-ФЗ. Абзац 6, п. 1.1, ст. 44.

² Там же.

устройствами, в функционале которых включена техническая возможность обратиться к ресурсам сети Интернет и присоединенных к ней сетей электросвязи.

Заключение

1. Согласно вышеуказанной схеме реализации телефонных разговоров заключенных, компания, предоставляющая учреждению ФСИН функционал АПК и тем самым обеспечивающая возможность телефонных разговоров, подключает оборудование аппаратно-программного комплекса к сети электросвязи на основании договора об оказании услуг связи с оператором связи. При этом, учитывая ограничение прав при нахождении в учреждении ФСИН, у заключенного нет права и возможности внести сведения в ЕСИА для получения услуг радиотелефонной связи, т. е. исполнить требования законодательства о связи, внесенные Федеральным законом № 533-ФЗ¹, равно как у пользователя (заключенного) отсутствует право подтвердить внесенные сведения с использованием портала государственных и муниципальных услуг, что обязательно по закону². Возникает неопределенность в отношении того, достаточно ли для исполнения требований законодательства с учетом положений Федерального закона № 533-ФЗ, что компания, непосредственно взаимодействующая с учреждением ФСИН, вносит в ЕСИА сведения о пользователе (заключенном) – физическом лице и сведения об используемом этим пользователем услугами связи абонентском номере, выделенном оператором подвижной радиотелефонной связи, а также о наименовании абонента, без последующего подтверждения этих сведений пользо-

¹ О связи: федер. закон № 126-ФЗ в редакции Федерального закона № 533-ФЗ. Абзац 7, п. 1.1 ст. 44.

² Там же. Абзац 9, п. 1.1, ст. 44.

вателем (заключенным)¹. Полагаем, что в рассматриваемой ситуации отсутствие последующего подтверждения пользователем информации через единый портал не является нарушением законодательства, поскольку цели идентификации уже достигнуты – заключенный уже полностью идентифицирован и не обладает правом использовать единый портал.

2. Принимая во внимание установленное законодательством право каждого заключенного, находящегося в учреждении ФСИН, на телефонный разговор, разрешительный (на основании письменного заявления) порядок предоставления заключенному телефонного разговора, а также процедуры идентификации заключенных, проведение телефонного разговора под контролем сотрудников ФСИН, фактическое осуществление разговора в определяемое согласно правилам распорядка время (не в любое время по желанию пользователя), представляется соответствующим уголовно-правовому законодательству и достаточным для целей реализации требований Федерального закона № 533-ФЗ внесение сведений в ЕСИА о пользователях (заключенных) на периодической основе (например, один раз в месяц).

3. Принимая во внимание, что оборудование АПК, размещенное в учреждении ФСИН, функционирует, используя телематические услуги связи, технологию IP-телефонии, представляется соответствующим законодательству о связи и информационных технологий рассматривать оборудование АПК как информационный терминал, обеспечивающий техническую возможность осуществления заключенными, содержащимися в учреждении ФСИН, телефонных разговоров, с целью применения порядка внесения сведений абонентом

¹ О связи: федер. закон № 126-ФЗ в редакции Федерального закона № 533-ФЗ. Абзац 7, п. 1.1, ст. 44.

в ЕСИА¹, который не предусматривает внесение в ЕСИА сведений о пользователях и последующее подтверждение их достоверности каждым пользователем с использованием единого портала. При этом компания, непосредственно взаимодействующая с учреждением ФСИН и обеспечивающая работу АПК, сообщает оператору сведения о фактических пользователях в порядке, установленном утвержденными правилами².

4. Исходя из буквального толкования права заключенного на телефонный разговор, установленного специальным законодательством о содержании лиц в местах лишения свободы³, а также руководствуясь тем, что регулирование предоставления достоверных сведений и их последующее подтверждение через единый портал, в соответствии с Федеральным законом № 533-ФЗ⁴, направлены на гражданско-правовые отношения, возникающие из заключаемого договора об оказании услуг связи, на заключенных не распространяется требование закона о подтверждении достоверных сведений о себе через единый портал⁵, поскольку организационные вопросы обеспечения возможности реализации заключенным права на телефонный разговор подлежат урегулированию учреждением ФСИН и компанией, обеспечивающей функционирование АПК, в соответствии с порядком, установленным специальным законодательством, который не предусматривает подтверждение заключенным сведений о себе через единый портал.

¹ Абзац 8, п. 11, ст. 44 Федерального закона № 126-ФЗ, утв. постановлением Правительства РФ от 31.05.2021 № 844.

² Правил оказания телематических услуг связи, утв. Постановлением Правительства РФ от 31.12.2021 № 2607, подпункт «ж» п. 36 Правил оказания услуг по передаче данных, утв. Постановлением Правительства РФ от 31.12.2021 № 2606.

³ О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федер. закон РФ от 15.07.1995 № 103-ФЗ, подпункт 6, ч. 2, ст. 17.; ч. 1, ст. 92 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

⁴ О связи: федер. закон № 126-ФЗ в редакции Федерального закона № 533-ФЗ. П. 11, ст. 44.

⁵ Там же.

Список литературы

1. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография / Н. А. Голованова, А. А. Гравина, О. А. Зайцев и др. – М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. – 212 с.
2. Гачава М. Л., Захватов М. Г. Режим в исправительных учреждениях на современном этапе // *Аллея науки*. – 2022. – Т. 1. – № 9 (72). – С. 589–593.
3. Уваров О. Н. К вопросу о реформировании уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // *Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России*. – 2022. – № 3 (13). – С. 79–89.
4. Шабаль В. С. Об условиях отбывания наказания в виде лишения свободы // *Труд. Профсоюзы. Общество*. – 2021. – № 4 (74). – С. 80–85.
5. Коробова И. Н., Хван Т. С., Васильева Е. Б. Проблемы обеспечения прав и свобод осужденных в исправительных учреждениях России: по материалам докладов Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // *Уголовно-исполнительное право*. – 2018. – Т. 13. – № 2. – С. 168–173.
6. Чигринец Е. А. Проблемы законодательного регулирования ресоциализации и социальной адаптации осужденных к лишению свободы // *Административное право и процесс*. – 2019. – № 12. – С. 98–100.
7. Егорова Т. И. Вопросы гуманизации наказания в виде лишения свободы // *Российская юстиция*. – 2020. № 2. – С. 48–51.
8. Ковалев О. Г., Карпов А. А., Зайцева С. И. Современные проблемы реализации и совершенствования прокурорского надзора за законностью исполнения уголовных наказаний, соблюдения прав и законных интересов лиц, заключенных под стражу и осужденных к лишению свободы // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. – 2023. – № 3. – С. 6–8.

References

1. Golovanova, N. A., Gravina, A. A., Zaytsev, O. A. i dr. (2019) *Ugolovno-yurisdiksionnaya deyatel'nost' v usloviyakh tsifrovizatsii: monografiya* [Criminal-jurisdictional activity in the conditions of digitalization: monograph]. Moscow: IZiSP, KONTRAKT. (In Russian).
2. Gachava, M. L., Zakhvatov, M. G. (2022) *Rezhim v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh na sovremennom etape* [Regime in correctional institutions at the present stage]. *Alleya nauki – Alley of Science*. Vol. 1. No. 9 (72). Pp. 589–593. (In Russian).
3. Uvarov, O.N. (2022) *K voprosu o reformirovaniy ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii* [On the issue of reforming the penal system of the Russian Federation]. *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii – Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia*. No. 3 (13). Pp.79–89. (In Russian).
4. Shabal', V. S. (2021) *Ob usloviyakh otbyvaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody* [On the conditions for serving a sentence of imprisonment]. *Trud. Profsoyuzy. Obshchestvo – Work. Unions. Society*. No. 4 (74). Pp.80–85. (In Russian).
5. Korobova, I. N., Khvan, T. S., Vasil'yeva, Ye. B. (2018) *Problemy obespecheniya prav i svobod osuzhdennykh v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh Rossii: po materialam докладов Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации* [Problems of ensuring the rights and freedoms of convicts in Russian correctional institutions: based on the reports of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation]. *Ugolovno-ispolnitel'noye pravo – Criminal executive law*. Vol. 13. No. 2. Pp. 168–173. (In Russian).

6. Chigrinets, Ye. A. (2019) Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya resotsializatsii i sotsial'noy adaptatsii osuzhdennykh k lisheniyu svobody [Problems of legislative regulation of resocialization and social adaptation of those sentenced to imprisonment]. *Administrativnoye parvo i protsess – Administrative law and process*. No. 12. Pp. 98–100. (In Russian).

7. Yegorova, T. I. (2020) Voprosy gumanizatsii nakazaniya v vide lisheniya svobody [Issues of humanization of punishment in the form of imprisonment]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justice*. No. 2. Pp. 48–51. (In Russian).

8. Kovalev, O. G., Karpov, A. A., Zaytseva, S. I. (2023) Sovremennyye problem realizatsii i sovershenstvovaniya prokurorskogo nadzora za zakonnost'yu ispolneniya ugolovnykh nakazaniy, soblyudeniya prav i zakonnykh interesov lits, zaklyuchennykh pod strazhu i osuzhdennykh k lisheniyu svobody [Modern problems of implementing and improving prosecutorial supervision over the legality of the execution of criminal penalties, respect for the rights and legitimate interests of persons in custody and sentenced to imprisonment]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravleniye – Penal system: law, economics, management*. No. 3. Pp. 6–8. (In Russian).

Об авторе

Пригон Максим Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-2282-4863, e-mail: mprigon@yandex.ru.

About the author

Maksim N. Prigon, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-2282-4863, e-mail: mprigon@yandex.ru

Поступила в редакцию: 20.12.2023
Принята к публикации: 11.01.2024
Опубликована: 30.03.2024

Received: 20 December 2023
Accepted: 11 January 2024
Published: 30 March 2024

Уголовный закон и уголовное законодательство в дореволюционной и советской государственно-правовой системе России

Р. А. Ромашов¹, С. А. Денисов², В. Г. Павлов¹

¹ Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

² Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Понятийный и системный анализ категорий «уголовный закон» и «уголовное законодательство» осуществляется с применением метода циклического полигогенеза.

Исследуется этимология термина «закон» и осуществляется анализ его атрибутивной и содержательной трансформации, начиная от архаических форм (закон как форма обычая и воли государя) до современных/типичных (закон как форма нормативного правового акта общезначимого и общеобязательно-характера).

Анализируется представление о форме и системной структуре уголовного закона и уголовного законодательства в условиях дореволюционной и советской государственно-правовой системы России.

Ключевые слова: уголовный закон, уголовное законодательство, гражданский закон, циклический полигогенез, революционная законность, социалистическая законность, классовый подход.

Для цитирования: Ромашов Р. А., Денисов С. А., Павлов В. Г. Уголовный закон и уголовное законодательство в дореволюционной и советской государственно-правовой системе России // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 1 (75). – С. 227–245. DOI: 10.35231/18136230_2024_1_227. EDN: ADEMAC

Criminal Law and Criminal Legislation in The Pre-revolutionary and Soviet State-legal System of Russia

Roman A. Romashov¹, Sergey A. Denisov², Vladimir G. Pavlov¹

¹ Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

² St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation

The conceptual and systematic analysis of the categories of criminal law and criminal legislation is carried out using the method of cyclic politogenesis.

The etymology of the term "law" is investigated and its attributive and meaningful transformation is analyzed, starting from archaic forms (law as a form of custom and the will of the sovereign) to modern/typical ones (law as a form of a normative legal act of a generally significant and binding nature).

The article analyzes the idea of the form and systemic structure of the criminal law and criminal legislation in the conditions of the pre-revolutionary and Soviet state legal systems of Russia.

Key words: criminal law, criminal law, civil law, cyclical politogenesis, revolutionary legality, socialist legality, class approach.

For citation: Romashov, R. A., Denisov, S. A., Pavlov, V. G. (2024) Ugolovnyj zakon i ugolovnoe zakonodatel'stvo v dorevoljucionnoj i sovetskoj gosudarstvenno-pravovoj sisteme Rossii [Criminal Law and Criminal Legislation in The Pre-revolutionary and Soviet State-legal System of Russia]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (75). Pp. 227–245. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_1_227. EDN: ADEMAG

Введение

Актуальность заявленной темы обусловлена теоретической и практической значимостью проблемы понимания и системного структурирования в рамках отечественной уголовно-правовой традиции категорий «уголовный закон» и «уголовное законодательство». Применение метода циклического политогенеза [1] позволяет выделять в истории российской государственно-правовой системы следующие относительно самостоятельные периоды (циклы): децентрализованной государственно-правовой системы (IX - начало XVI в.); централизованной монархической (имперской) государственно-правовой системы (начало XVI в. – 1917 г.); советской республиканской государственно-правовой системы (1917–1991 гг.); президентской республиканской государственно-правовой системы (1992 г. – по наст. время). В рамках каждого из выделенных периодов (циклов) осуществляется собственное, качественным образом отличное от других понимание уголовного закона и уголовного законодательства, а также таких ключевых понятий (уголовно-правовых догм), как «преступление» и «преступность».

В представленной статье рассматриваются особенности трансформации представлений об уголовном законе и уголовном законодательстве в условиях дореволюционной и Советской России. При этом, руководствуясь методом конкретизации предмета научного познания, предполагающим «продвижение» исследования от общих положений к частным выводам и конкретной эмпирике, представляется возможным объединить в статье общетеоретические представления о законе как истоке и формальном источнике российского права с отраслевыми достижениями в области науки уголовного права и государственной уголовной политики.

Проблема понимания закона в русской юридико-лингвистической традиции

В отличие от многочисленных зарубежных терминов, в буквальном смысле "заполонивших" понятийный аппарат отечественной юриспруденции, слово закон является исконно русским и присутствует в национальном языке начиная с древних времен. Упоминание о Законе Русском, встречается в договорных источниках древнерусского права начиная с IX в. [2, с. 8]. «Закон судный людем» присоединен к Пространной Русской Правде и рассматривается исследователями в качестве самостоятельного источника древнерусского права (ориентировочно XIII в.)¹.

Этимология слова «закон» предполагает выделение корневого ядра «кон» – (черта, очерченное место), означающего некий предел/границу и трансформации предлога «за» в приставку. В подобном понимании «зайти за кон», значит перейти определенную границу (отсюда, запредельный, заграничный). Вместе с тем одновременно со словом «закон» в древнерусском языке использовалось синонимичное понятие «покон», определявшее границу возможного субъективного поведения. Сравним «зайти за ограду», «пойти по грибы». В первом случае преодоление «кона» либо нуждается в специальном разрешении (узаконении), либо рассматривается в качестве нарушения ранее установленных правил (противозаконного поведения). «Поко́н», устанавливая пределы субъективной активности, тем самым определял рамки, в которых субъект мог самостоятельно вырабатывать тот или иной вариант деятельности. С течением времени, слово «покон» было вытеснено из широкого словарного оборота и понятие «закон» приобрело однозначный характер [3, с. 117–119]. Также нельзя забывать о том, что в Древнерусском государстве слово

¹ Закон судный людем и дополнительные статьи к нему [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/EText/RP/zsl.htm> (дата обращения: 20.01.2023).

«закон» использовалось не в современном понятийном контексте как метафорическое обозначение объективного позитивного права («Верховенство закона») или название нормативно-правового акта (федеральный закон), а в традиционном значении, предполагавшем фактическое отождествление обличенного в патерналистскую форму начальственного волеизъявления («закон отца-государя») и передаваемого от старшего поколения к младшему обычая («закон отцов»). Двойственное представление о законе как о форме и обычая, и приказа (указа) в процессе формирования в России централизованного национального государства, в котором система публичной власти была выстроена по принципу персонифицированной иерархии, постепенно было преобразовано в смысловой монизм, суть которого в свое время достаточно образно определил В. И. Ленин, констатировавший, что право есть не что иное как выраженная в форме воля господствующего класса. При этом: «...Воля, если она государственная, должна быть выражена, как закон, установленный властью; иначе слово "воля" пустое сотрясение воздуха пустым звуком» [4, с. 72].

Отмечая изменения, происшедшие в ходе исторического генезиса российской государственно-правовой системы, вместе с тем, полагаем возможным утверждать, что представление о законе как о документально выраженной воле государства, представленного бюрократическим аппаратом, сохраняет высокую степень актуальности и социально-юридической значимости вплоть до настоящего времени.

Проблема понимания уголовного закона в контексте политогенеза Российского государства

Как уже было ранее отмечено, представление о законе как о форме российского права носит изменяющийся характер. Понимание уголовного закона также неодно-

значно. Начиная с древнерусского права можно говорить о закреплении на законодательном уровне отдельных видов преступлений и ответственности за них. Так, уже в Русской Правде закрепляются такие « типовые » составы преступлений, как убийство, кража, грабеж, причинение телесных повреждений и др. Ответственность за эти и другие противоправные деяния определялась по принципу талиона (равным за равное)¹ либо же путем « монетизации » причиненного преступлением ущерба². Информация о преступлениях и наказаниях содержится в последующих судебниках, уложениях, уставах [5]. При этом вплоть до начала XIX в. уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные нормы излагались в неcodифицированных нормативных правовых актах, в содержании которых излагались нормы различных (по современным представлениям) отраслей права [6].

Формирование в России XVIII в. академической науки и университетского образования обусловило становление юриспруденции как формально обособленного вида профессиональной деятельности, в рамках которой специализация осуществлялась по отраслевому принципу. Именно с этого периода имеет смысл говорить об уголовном праве как о самостоятельной отрасли отечественного права, имеющей в качестве формального источника уголовный закон, предметом рассмотрения которого выступали « преступления подданных против законов гражданских и наказания за сии преступления » [7, с. 3]. С учетом отсутствия в рассматриваемый период четкого разграничения отраслей права и законодательства

¹ «Если уьбет муж мужа, то мстить брату за брата, или отцу, или сыну, или двоюродному брату, или сыну брата» // Суд Ярослава Владимировича. Русская правда (ст. 1). [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/14 (дата обращения: 20.01.2023).

² «...если никто не будет мстить, то назначить 80 гривен за убитого, если он княжий муж; если он будет русин, или гридин, или купец...то назначить за него 40 гривен» // Суд Ярослава Владимировича. Русская правда (ст. 1). [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/14 (дата обращения: 20.01.2023).

на публичные и частные, понятие «гражданский закон», рассматривалось в широком смысловом контексте, как любой исходящий от государства законодательный акт, обеспеченный в плане реализации системой государственных гарантий и санкций [8].

В первом отечественном учебнике по уголовному праву, его автор – О. И. Горегляд, в качестве предмета законодательного регулирования выделяет три проблемных блока: «1) О преступлениях вообще и последствия они; 2) О разных родах наказаний; 3) Об общих постановлениях и правилах при решении уголовного дела и применении наказания к преступлению» [9, с. XXXVII]. Следует особо подчеркнуть, что на этапе становления отрасли российского уголовного права его научно-образовательная составляющая «обгоняла» собственно практическую (законодательную). В качестве уголовного законодательства рассматривались не конкретные нормативно-правовые акты, имеющие специализированный предмет законодательного регулирования, а все гражданские (государственные) законы, включавшие положения, затрагивающие вопросы квалификации преступных деяний, а также определения и реализации уголовно-правовой ответственности.

Первым в отечественной истории кодифицированным уголовным законом стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение)¹. Данный документ по своей форме и содержанию вполне соответствует современным представлениям о законе как о нормативном правовом акте, изданном в порядке особой законодательной процедуры, содержащем отраслевые юридические нормы (специализированные и поведенческие), характеризующемся особой структурой (общей и особенной частями) и содержанием.

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (дата обращения: 20.01.2023).

Кроме Уложения, в систему уголовного законодательства были также включены Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1864), Военно-уголовный кодекс (1875) и Военно-морской устав (1886)¹.

Следует отметить, что понятие «закон» использовалось в имперской юридической традиции в качестве обобщающего наименования исходящего от государства объективного позитивного права, при этом в системе национального законодательства Российской империи (Полном собрании законов Российской империи) не было нормативно-правовых актов в названии которых использовалось бы слово «закон» (исключение составляют «Высочайше утвержденные государственные законы» 1906 г., по своей сути и содержанию являвшиеся единым законодательным актом – конституцией) [10]. В качестве нормативных правовых актов, в совокупности образующих имперское законодательство выступали высочайшие манифесты, указы, постановления правительства и др. [11]. Рассмотрение царствующего императора в качестве высшего должностного лица и высшего органа государственной власти предполагало наделение его исключительными правами («*impregium*») во всех сферах публичной власти. По сути своей имперское законодательство исходило непосредственно от императора в качестве персонифицированного законодателя [12].

Анализ имперского уголовного законодательства позволяет выделить следующие характерные черты:

- Формирование уголовного законодательства происходит в период перехода России от феодальной (основанной на «культуре земли») к буржуазной (основанной на «культуре индустрии») культурной традиции. Именно с «культурой индустрии» и производными от нее явлени-

¹ Михайлова А. Ю. История развития российского уголовного законодательства [Электронный ресурс]. URL: <https://studylib.ru/doc/2621185/istoriya-razvitiya-rossijskogo-ugolovnogogo> (дата обращения 20.01.2023).

ями урбанизации, городского разночинья, промышленного пролетариата и др. во многом связано оформление преступности как системного, организационного явления (организованного профессионального преступного мира), с соответствующей реакцией государства, выраженной как в формировании специализированных правоохранительных структур (профессиональной полиции, тюремной системы, спецслужб), так и в создании отраслевой законодательной базы, главенствующее место в которой отводилось кодифицированному уголовному закону.

■ Официальная сословная структура имперского общества, обуславливала «иерархию личных достоинств» российских подданных на «благородных» и «простых», при обособлении особого «права состояния» представителей царствующей династии и непосредственно сакральной фигуры «помазанника» – царствующего императора. Такое структурирование непосредственным образом влияло на понимание субъекта преступления и уголовно-правовой ответственности. Несмотря на то что в законодательстве не предполагалось дифференциации составов преступлений на основании выделения специального (по сословной принадлежности) субъекта, вместе с тем такая дифференциация закреплялась при реализации уголовно-правовой ответственности. К примеру, ст. 24 Уложения определяла порядок, в соответствии с которым в качестве наказания предусматривалось лишение сословного достоинства (права состояния), выраженное в формах потери дворянства и духовного сана, для представителей «благородных сословий», а также «доброе имени» для «простых» подданных (горожан, купцов, «людей прочих состояний»).

■ Содержательный анализ Уложения позволяет рассматривать его и как уголовный, и как административный (полицейский) закон. Основанием для такого заклю-

чения является дифференциация наказаний на «уголовные» и «исправительные». Последние выступают в качестве форм административной (в ее современном понимании) ответственности за проступки – «нарушения правил, предписанных для охранения определенных законами прав и общественной или же личной безопасности или пользы». Таким образом, можно говорить о том, что отраслевое структурирование российского права имперского периода имело концептуальную завершенность только в научно-образовательной сфере. В области практического законодательства на всем протяжении имперской государственно-правовой системы использовалась юридическая техника совмещения в одном законодательном акте различных отраслевых норм. Применительно к Уложению, следует говорить о совмещении в нем содержательных положений как уголовного, так и административного законов.

Разрушение монархической и формирование советской государственно-правовой системы, представляют звенья политического конфликта (революции), в рамках которой имел место безусловный дефицит ресурса (государственная власть) и психологический образ врага, которым конфликтующие стороны руководствовались во взаимоотношениях и который повлек Гражданскую войну, в итоге ставшую инструментом разрешения конфликтной ситуации и доказательством обретения советским правительством государственного суверенитета. «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться» (В. И. Ленин)¹.

Применительно к советской социалистической государственно-правовой системе следует выделить два концептуально разных периода законности: «революци-

¹ Цитаты Ленина и Конфуция: способность государства защищаться [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ZD-w4j110jGh8xPe> (дата обращения: 20.01.2023).

онной» и «социалистической». Революционная законность складывалась на первоначальном (переходном) этапе становления Советского государства [13].

Особенностями данного этапа являлись:

- политическая сегрегация эксплуатируемых (победителей) и эксплуататоров (побежденных), с дискриминацией последних в политических правах;
- дифференциация преступлений на контрреволюционные (политические) и общеуголовные;
- осуществление уголовного преследования и уголовного судопроизводства на основании революционного правосознания и ведомственных инструктивно-методических документов, восполнявших масштабный пробел, обусловленный фактическим отсутствием советского государственного отраслевого законодательства;
- дифференциация субъектов преступления и уголовной ответственности на три группы: контрреволюционеров, преступников-рецидивистов, классово близких «победителям» граждан, совершивших преступления впервые «по недомыслию» либо вследствие «издержек старорежимного воспитания». Если по отношению к первой и второй группам уголовная ответственность и наказание рассматривались в первую очередь в качестве инструментов карательно-репрессивного характера, то третьи рассматривались как «оступившиеся», а значит способные «исправиться и влиться» в сплоченные ряды сознательных строителей социализма и коммунизма. Соответственно, по отношению к таким правонарушителям уголовная ответственность рассматривалась в качестве средства «правовой терапии», основной целью которой являлись исправление и последующая ресоциализация.

В условиях революционной законности новое социалистическое право рассматривалось в качестве продукта правотворческой деятельности широких народных масс

и носило бессистемный характер (в период действия политики «военного коммунизма» (1918–1921 гг.) было издано более 4 тыс. нормативных актов (декреты, приказы, постановления), носивших непостоянный характер и в большинстве своих демонстрировавших доминирование политико-идеологической направленности по отношению к юридическому наполнению [14].

В качестве первого советского уголовного закона выступили Руководящие начала по уголовному праву РСФСР (далее – Начала), принятые Постановлением Народного комиссариата юстиции в 1919 г. Особенность данного документа заключалась в его доктринальном характере. В частности, в нем отмечалось, что «пролетариат, завоевавший...власть, сломал буржуазный государственный аппарат...разумеется, что та же участь постигла и все кодексы буржуазных законов, все буржуазное право...»¹. В Началах, несмотря на их отраслевую принадлежность, содержалось общее определение права как «системы (порядка) общественных отношений, соответствующих интересам господствующего класса и охраняемых организованной его силой», а также приводились дефиниции уголовного права в целом и советского уголовного права в частности.

Обращает на себя внимание ярко выраженный репрессивный характер Начал. В частности, отмечалось, что «уголовное право имеет своим содержанием правовые нормы..., которыми система общественных отношений...классового общества охраняется от ...преступления посредством репрессий», а «советское уголовное право имеет задачей – посредством репрессий охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс...»². Представляя собой доктри-

¹ Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=196032057&empire=1 (дата обращения: 20.01.2023).

² Там же.

нальный акт, Начала содержали только общие положения (дефиниции права в целом, уголовного и советского уголовного права, в частности преступления и наказания; структуру системы советского правосудия; этапы совершения преступления и соучастие в нем, виды наказания; основания условно-досрочного освобождения; пространственные параметры действия уголовного закона). Отсутствие особенной части уголовного закона означало, что определение составов преступлений, равно как и уголовной ответственности за их совершение, является компетенцией непосредственных правоприменителей, принимающих решения и выносящих приговоры (в том числе о высшей мере наказания), не на основании законодательно закрепленных норм, а руководствуясь «революционной совестью» и «революционным правосознанием» [15]. Также следует отметить, что Начала носили временный характер и были рассчитаны на период переходной от капитализма к коммунизму диктатуры пролетариата.

Переход государства от политики «военного коммунизма» (1918–1921 гг.) к новой экономической политике (1921–1928 гг.), а затем к политике коллективизации и индустриализации (1928–1937 гг.), обусловил трансформацию «революционной» законности в «социалистическую». В основу последней были положены типичные юридические формы права, в системе которых доминирующее инструментальное положение занимали отраслевые кодексы, закреплявшие нормы как материального, так и процессуального права [16].

Первый «полноценный» советский уголовный кодекс был принят в 1922 г., в период, когда РСФСР являлась суверенным государством. Принятый в 1926 г. и вступивший в силу с 1 января 1927 г. УК, формально именовался редакцией УК РСФСР 1922 г., хотя на практике представлял законодательный акт новый как по содержанию, так

и по месту в системе советского уголовного законодательства, структурирование которой осуществлялось на основании принципа советского федерализма [17]. Советское отраслевое законодательство было представлено двумя уровнями: федеральным и региональным. На федеральном общесоюзном уровне принимались Основные начала (впоследствии – Основы) законодательства (далее – Основные начала), содержавшие общие положения и принципы правового регулирования в соответствующей отрасли социалистического материального или процессуального права. На региональном уровне (союзной республике), принимались отраслевые кодексы, общая часть которых практически дублировала положения и принципы Основных начал, а особенная часть содержала регулятивно-охранительные нормы, разрабатываемые с учетом национальных особенностей той или иной республики [18].

Заключение

Особенностью советского уголовного законодательства на всех этапах становления и развития социалистической государственно-правовой системы являлся его классовый характер. Считалось, что преступность – это явление неразрывным образом, связанное с эксплуататорским государством. Переход от классового антагонизма буржуазного общества к сближению классов в условиях социализма должен был привести к окончательной победе «общенародного государства социализма и коммунизма» над преступностью, рассматриваемой в качестве одного из «пережитков старого мира». Отношение к преступности как к явлению, противоречащему государственной коммунистической идеологии, обуславливало специфику понимания и законодательного закрепления категорий «преступление» и «преступность», что существенным образом осложняло деятельность советской правоохра-

нительной системы по противодействию данной форме социально-правовой девиации.

Кризис социалистической государственно-правовой системы, обусловивший распад Союза ССР и повлекший разрушение мировой системы социалистического права, обусловил трансформацию теоретических моделей и практических технологий правового регулирования во всех сферах общественных отношений, в том числе в сфере уголовно-правовой науки, уголовного законодательства, практики уголовно-правового регулирования и охраны. Подверглись качественному переосмыслению важнейшие догмы уголовного права. Произошли качественные изменения в структуре уголовного законодательства, понимание которого в современной России сводится к действующему Уголовному кодексу (ч. 1 ст. 1 УК РФ 1996 г.). Вместе с тем, несмотря на серьезные изменения в структуре и содержании современного российского уголовного закона, на всех исторических этапах его развития продолжает оставаться неизменным принцип детерминированности уголовного права государством. Суть данного принципа выразил Я. И. Гилинский, по мнению которого, преступления как явления не существует в естественной природе, соответственно не свойственна природе и преступность. И преступление, и преступность – социальные конструкторы, «изобретаемые» объединенными в государство людьми и используемые в контексте государственной целесообразности [19]. В подобном представлении уголовное законодательство в целом и уголовный закон в частности являются инструментами, посредством которых государство устанавливает и трансформирует публичный правопорядок. При этом, по нашему мнению, правопорядок, устанавливаемый инструментами законодательной уголовной политики на всех этапах исторического развития россий-

ской государственно-правовой системы, занимает приоритетное положение по отношению ко всем остальным правовым форматам, что позволяет рассматривать отечественное уголовное законодательство в качестве занимающего главенствующее место в национальной законодательной системе Российской Федерации.

Список литературы

1. Ромашов Р. А. Политогенез: Храм- Полис- Государство-State. – СПб.: Алетейя, 2020. – 300 с.
2. Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. – М.: Юридическая литература, 1988. – 176 с.
3. Правогенез: традиция, воля, закон / О. С. Батова, Е. А. Брылева, Ю. Ю. Ветютнев [и др.]. – СПб.: Алетейя, 2021. – 480 с.
4. Ленин В. И. Сочинения. Том 25. Издание 4. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. – 503 с.
5. Стус Н. В. Становление системы источников русского уголовно-судебного права X–XIV вв. // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. – 2014. – № 22 (193). – Вып. 30. – С. 130–133.
6. Звонов А. В., Журавлева Ю. В. Система уголовных наказаний по законодательству древней Руси // Вестник Российской правовой академии. – 2016. – № 2. – С. 56–59.
7. Соколов П. Систематическое руководство к познанию российского законодательства. Ч. 1. – М.: Универ. тип., 1819. – 119 с.
8. Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Первый учебник уголовного права (к 200-летию учебника Осипа Горегляда «Опыт начертания российского уголовного права») // LEX RUSSICA (Русский закон). – 2015. – № 3 (Том С). – С. 112–124.
9. Горегляд О. И. Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1: О преступлениях и наказаниях вообще. – СПб.: Тип. И. Иоаннесова, 1815. – 168 с.
10. Шульженко Ю. Л. Основные государственные законы 1906 г. – начало реального практического конституционализма в России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 3 (51). – С. 24–36.
11. Галузо В. Н. Полное Собрание Законов Российской империи: современный итоговый проблемный анализ // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 7. – С. 131–135.
12. Коптев А. В. Империй и померий в эпоху ранней Римской республики // Вестник РГГУ. Серия: «Исторические науки». – 2011. – № 14. – С. 42–103.
13. Рыбаков В. П. Революционная законность: теоретический аспект // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 12 (156). – С. 58–62.
14. Никулин В. В. От чрезвычайного права к «революционной законности». Формирование концепции «Революционной законности» в советской правовой доктрине // Право: история и современность. – 2020. – № 4 (13). – С. 7–16.
15. Козаченко И. Я. Исторический опыт криминализации деяний: к 100-летию руководящих начал по уголовному праву РСФСР // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 2. – С. 31–35.

16. Романовская В. Б. Становление теории социалистической законности в 20–30-е годы XX века // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 18–27.

17. Упоров И. В., Шеуджен Н. А. УК РСФСР 1922 года: к 100-летию первого советского уголовного закона // Общество и право. – 2022. – № 3 (81). – С. 68–73.

18. Илло Д. А. Концептуальные идеи основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года // Человек: преступление и наказание. – 2009. – № 4 (67). – С. 44–46.

19. Гилянский Я. И. Преступность: что это? Кто виноват? Что делать? // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – № 1 (35). – С. 6–13.

References

1. Romashov, R. A. (2020) *Politogenez: Hram- Polis- Gosudar'stvo-State* [Politogenesis: Temple- Polis- State-State]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Aletejya. (In Russian).

2. Sverdlov, M. B. (1988) *Ot Zakona Russkogo k Russkoj Pravde* [Russian Russian Law to Russian Truth]. Moscow: Yuridicheskaya literature. (In Russian).

3. Batova, O. S., Bryleva, E. A., Vetyutnev, Yu. Yu. i dr. (2021) *Pravogenez: tradiciya, volya, zakon* [Pravogenesis: tradition, will, law]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Aletejya. (In Russian).

4. Lenin, V. I. (1949) *Sochineniya. Tom 25. Izdanie 4* [Essays. Volume 25. Edition 4]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. (In Russian).

5. Stus, N. V. (2014) Stanovlenie sistemy istochnikov russkogo ugolovno-sudebnogo prava X–XIV vv. [Formation of the system of sources of Russian criminal and judicial law of the X–XIV centuries]. *Nauchnye vedomosti BelG U. Seriya Filosofiya. Sociologiya. Pravo – Scientific Bulletin of the Belarusian State University. Philosophy series. Sociology. Right*. No. 22 (193). Issue 30. Pp. 130–133. (In Russian).

6. Zvonov, A. V., Zhuravleva, Yu. V. (2016) Sistema ugolovnyh nakazaniy po zakonodatel'stvu drevnej Rusi [The system of criminal penalties under the legislation of ancient Russia]. *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii – Bulletin of the Russian Law Academy*. No. 2. Pp. 56–59. (In Russian).

7. Sokolov, P. (1819) *Sistematicheskoe rukovodstvo k poznaniyu rossijskogo zakonovedeniya. Ch. 1* [A systematic guide to the knowledge of Russian jurisprudence. Part 1]. Moscow: Univer. tip. (In Russian).

8. Gracheva, Yu. V., Chuchayev, A. I. (2015) *Pervyj uchebnik ugolovnogogo prava (k 200-letiyu uchebnika Osipa Goreglyada «Opyt nachertaniya rossijskogo ugolovnogogo prava»)* [The first textbook of criminal law (to the 200th anniversary of the textbook by Osip Goreglyad "The experience of the outline of Russian criminal law")]. *Lex Russica (Russkij zakon) – Lex Russica (Russian Law)*. No. 3 (Vol. C). Pp. 112–124. (In Russian).

9. Goreglyad, O. I. (1815) *Opyt nachertaniya rossijskogo ugolovnogogo prava. Ch.1: O prestupleniyah i nakazaniyah vooobshche* [The experience of the outline of Russian criminal law. Part 1: On crimes and punishments in general]. St. Petersburg: Tip. I. Ioan-nesova. (In Russian).

10. Shul'zhenko, Yu. L. (2019) Osnovnye gosudarstvennye zakony 1906 g. – nachalo real'nogo prakticheskogo konstitucionalizma v Rossii [Basic state laws of 1906 – the beginning of real practical constitutionalism in Russia]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki – News of higher educational institutions. The Volga region. Social Sciences*. No. 3 (51). Pp. 24–36. (In Russian).

11. Galuzo, V. N. (2009) Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii: sovremennyy itogovyy problemnyj analiz [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire: a modern final problem analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii –*

Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 7. Pp. 131–135. (In Russian).

12. Koptev, A. V. (2011) Imperij i pomerij v epohu rannej Rimskoj respubliki [Empires and pomeria in the era of the early Roman Republic]. *Vestnik RGGU. Seriya: «Istoricheskie nauki» – Bulletin of the Russian State University. Series: "Historical Sciences"*. No. 14. Pp. 42–103. (In Russian).

13. Rybakov, V. P. (2017) Revolyucionnaya zakonnost': teoreticheskij aspekt [Revolutionary legality: a theoretical aspect]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and the State: theory and practice*. No. 12 (156). Pp. 58–62. (In Russian).

14. Nikulin, V. V. (2020) Ot chrezvychajnogo prava k «revolyucionnoj zakonnosti». Formirovanie koncepcii «Revolucionnoj zakonnosti» v sovetskoj pravovoj doktrine [From emergency law to "revolutionary legality". Formation of the concept of "Revolutionary legality" in the Soviet legal doctrine]. *Pravo: istoriya i sovremennost' – Law: History and modernity*. No. 4 (13). Pp. 7–16. (In Russian).

15. Kozachenko I. Ya. (2013) Istoricheskij opyt kriminalizacii deyanij: k 100-letiyu rukovodyashchih nachal po ugolovnomu pravu RSFSR [Historical experience of criminalization of acts: to the 100th anniversary of the guiding principles of criminal law of the RSFSR]. *Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka – Russian law: education, practice, science*. No. 2. Pp. 31–35. (In Russian).

16. Romanovskaya, V. B. (2013) Stanovlenie teorii socialisticheskoy zakonnosti v 20–30-e gody XX veka [The formation of the theory of socialist legality in the 20–30s of the XX century]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' – Legal science: history and modernity*. No. 9. Pp. 18–27. (In Russian).

17. Uporov, I. V., Sheudzhen, N. A. (2022) UK RSFSR 1922 goda: k 100-letiyu pervogo sovetskogo ugolovnogogo zakona [Criminal Code of the RSFSR of 1922: to the 100th anniversary of the first Soviet criminal law]. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. No. 3 (81). Pp. 68–73. (In Russian).

18. Illo, D. A. (2009) Konceptual'nye idei osnovnyh nachal ugolovnogogo zakonodatel'stva Soyuzna SSR i soyuznyh respublik 1924 goda [Conceptual ideas of the basic principles of the criminal legislation of the USSR and the Union Republics of 1924]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment*. No. 4 (67). Pp. 44–46. (In Russian).

19. Gilinskij, Ya. I. (2019) Prestupnost': chto eto? Kto vinovat? Chto delat'? [Crime: what is it? Who is to blame? What to do?]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 1 (35). Pp. 6–13. (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

40/30/30 %

Об авторах

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Денисов Сергей Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-5017-4269, e-mail: denisov_61@mail.ru

Павлов Владимир Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-1282-1850, e-mail: pavlovladimir45@mail.ru

About the authors

Roman A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist Russian Federation, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Sergey A. Denisov, Dr. Sci. (Law), Professor, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-5017-4269, e-mail: denisov_61@mail.ru

Vladimir G. Pavlov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Russian Federation, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0003-1282-1850, e-mail: pavlovladimir45@mail.ru

*Поступила в редакцию: 22.01.2024
Принята к публикации: 01.02.2024
Опубликована: 30.03.2024*

*Received: 22 January 2024
Accepted: 01 February 2024
Published: 30 March 2024*

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

В журнале приняты следующие сокращения:

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации.

АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации.

БК РФ – Бюджетный кодекс Российской Федерации.

ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации.

ГрК РФ – Градостроительный кодекс Российской Федерации.

ЖК РФ – Жилищный кодекс Российской Федерации.

ЗК РФ – Земельный кодекс Российской Федерации.

КАС РФ – Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации.

КоАП РФ – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

НК РФ – Налоговый кодекс Российской Федерации.

СК РФ – Семейный кодекс Российской Федерации.

ТК РФ – Трудовой кодекс Российской Федерации.

УИК РФ – Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации.

УПК РФ – Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации.

СЗ РФ – Собрание законодательства Российской Федерации.

Государственные органы

ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации

КС РФ – Конституционный Суд Российской Федерации

МВД России – Министерство внутренних дел Российской Федерации

ФНС России – Федеральная налоговая служба

ДЛЯ ЗАМЕТОК

научный журнал

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (75)
2024

Редактор **Т. Г. Захарова**
Технический редактор **Е. И. Ягин**
Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 30.03.2023. Формат 60x84 1/16.
Гарнитуры Oswald, Montserrat. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 15,5. Тираж 500 экз (первый завод 50 экз.).
Заказ № 1941

Адрес учредителя, издателя

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 470-56-74 <http://lengu.ru/>
e-mail: lenjurmag@lengu.ru